

Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин
Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полуниин
И.Н. Тимофеев, О.Г. Харитонова, Я.И. Ваславский

Как измерить и сравнить уровни демократического развития в разных странах?

(По материалам исследовательского проекта
«Политический атлас современности»)

Москва
МГИМО-Университет
2008

**Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России**

А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин,
Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин,
И.Н. Тимофеев, О.Г. Харитонова, Я.И. Ваславский

Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах ?

**(По материалам исследовательского проекта
«Политический атлас современности»)**

Москва
МГИМО – Университет
2008

УДК 32
ББК 66.031
К16

Серия: «Книги и брошюры НКСМИ». Том 4.
Редакционная коллегия серии: А.Ю. Мельвиль, А.А. Орлов, В.М. Сергеев.
Редактор серии В.И. Шанкина.
Техн. секретарь серии Е.П. Колюхова.

К16

Мельвиль А.Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности»)/ А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др.; Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 135 с. (Книги и брошюры НКСМИ).

ISBN 978-5-928-0454-7

В книге представлены методологические результаты исследовательского проекта, выполненного в МГИМО-Университет МИД России совместно с Институтом общественного проектирования.

Книга содержит обзор исторических форм демократии, доминирующих теоретических моделей демократии и ее современных пониманий, а также исследовательских проектов, имеющих целью измерение уровня развития демократии в странах мира.

Авторы, отталкиваясь от восприятия демократии как сущностно оспариваемого понятия, ввели в свою аналитическую модель, сочетающую количественные и качественные методы, широкий круг факторов, которые оказывают влияние на функционирование политических институтов демократии. Результаты исследования представлены в виде рейтингов стран по пяти индексам (институциональных основ демократии, государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния и качества жизни), а также в виде многомерной классификации стран.

УДК 32
ББК 66.031
К16

Ряд материалов исследования подготовлен при поддержке гранта
РГНФ 06-03-02043а.

ISBN 978-5-928-0454-7

© МГИМО (У) МИД России, 2008.

Содержание

Введение.....	4
1. Исторические формы демократии.....	6
2. Теоретические модели демократии.....	14
3. Современные понимания демократии.....	26
4. Индексы и рейтинги демократии.....	37
• Проекты «Polity».....	40
• Проекты «Freedom House».....	44
• Проекты «Freedom in the World».....	45
• Проект Хельсинского университета (под руководством Тату Ванханена).....	47
• Индекс трансформации Бертельсманна.....	54
5. «Политический атлас современности».....	56
6. Исходные положения и общая методология.....	57
7. Индекс институциональных основ демократии.....	64
8. Корреляция между индексом институциональных основ демократии и индексами демократии других исследователей.....	93
9. Другие индексы для комплексного сравнительного анализа государств в проекте «Политический атлас совре- менности».....	94
• Индекс государственности.....	95
• Индекс внешних и внутренних угроз.....	100
• Индекс потенциала международного влияния.....	107
• Индекс качества жизни.....	116
10. Корреляция между индексами в проекте «Политичес- кий атлас современности».....	120
11. Метод главных компонент.....	122
12. Классификация стран в пространстве главных компонент.....	127
Заключение.....	135

Введение

На словах все сегодня — за демократию, широкие политические и гражданские права и свободы. Практически невозможно представить себе адекватного публичного политика или государственного деятеля, который заявил бы, что диктатура лучше. Демократия стала общепринятым нормативным принципом, своего рода «духом времени» (*Zeitgeist* — как скажут немцы). Легитимизация власти происходит повсеместно в демократических — если не по содержанию, то уж по виду — формах. Даже там, где демократические процедуры лишь фасад, за которым власть реально осуществляется совсем по-другому. С большим трудом сегодня можно найти официально действующую конституцию, в которой не признавались бы выборы, многопартийность, независимость ветвей власти, гражданские свободы и прочие демократические атрибуты.

С одной стороны, это свидетельство реальной экспансии демократии в современном мире — демократии как идеи и как политической практики (т.н. «третья волна демократизации»). Свободных стран сегодня много больше, чем, скажем, 20 или 30 лет назад. Но с другой — это заезженное клише, с которым обращаются как с общепринятой, но лишенной четкого смысла риторической формулой. «Третья волна демократизации» началась в середине 1970-х гг. в Южной Европе (падение военных диктатур в Португалии, Испании и Греции), затем распространилась на Латинскую Америку, достигла некоторых стран Юго-Восточной Азии и, наконец, под влиянием все более очевидного коллапса коммунистических режимов и попыток перестройки в СССР, захватила страны Центральной и Восточной Европы, а потом и все постсоветское пространство. Почти ни у кого не возникало сомнений, что, в отличие от первых двух «волн» (с 1828 по 1926 гг. и с 1943 по 1964 гг.), завершившихся частичным восстановлением политического пространства диктатур и автократий, «третья» имела все шансы избежать консервативного «отката». Стали даже появляться прогнозы относительно близящейся «четвертой волны», которая затронет сохранившиеся автократические анклавы в Китае, мусульманском мире, в арабской и черной Африке.

Многим из этих оптимистических ожиданий так и не суждено было сбыться. Попытки строительства новых демократий

оказались неимоверно более сложным и противоречивым процессом, ведущим в реальности в том числе к формированию режимных гибридов («полудемократий-полуавтократий»), а также вполне консолидированных авторитарных режимов нового типа. Сейчас возникло огромное количество современных политических режимов, которые нельзя однозначно классифицировать как демократические или авторитарные. Отличительная особенность многих из них — наличие атрибутов демократии при кардинальных внутренних отличиях от демократического инварианта. Именно поэтому в современном политическом дискурсе появляются так называемые «демократии с прилагательными» — «неконсолидированная», «делегативная», «авторитарная», «имитационная», «электоральная», «нелиберальная» и др.

Для многих из таких режимов переходный период закончился, и его конечный результат — авторитаризм нового типа, но никак не демократия. Поэтому и описывать эти режимы нужно в иной — недемократической — понятийной рамке. В фокусе анализа должны быть не те или иные прилагательные к «демократии», а сам предикат, который, строго говоря, вовсе не «демократия». Появляются, в частности, режимы электорального авторитаризма. Организуя периодические выборы, они пытаются продемонстрировать подобие демократической легитимности. Одновременно выборы проводятся под жестким авторитарным контролем, что только укрепляет и легитимизирует авторитарную власть.

Словом, если еще не так давно можно было думать, что смысл и вектор мировой динамики — это глобальный переход от авторитаризма к демократии, то сегодня понятно, что азимуты мирового развития куда более многомерные.

Фиаско иллюзий транзитологической телеологии отнюдь не означает разрушения самой предметной области сравнительных исследований современных политических трансформаций и режимов. Важнейшей задачей политической компаративистики становится типологизация современных недемократий, то есть авторитарных режимов нового типа.

1. Исторические формы демократии

Вопреки бытующим представлениям, даже самая прекрасная демократия не является естественным образом политической жизни. Вся предыстория и история человечества учат скорее обратному: именно закон сильнейшего — главное природное ограничение, с которым уже с рождения сталкивается человек. Мы вынуждены этому или подчиниться, или обречь себя на страдания. В политике такой естественный порядок знает разные степени насилия в зависимости от того, насколько жесткие ограничения накладывает он на людей: патриархат, тирания, диктатура, монархия, империя, тоталитаризм — все это выражения насилия, навязанного меньшинством большинству, неспособному, несмотря на свою многочисленность, противостоять принуждению.

Демократия, наоборот, стремится перевернуть этот заданный природой порядок жизни, признавая за большинством людей, даже физически и материально слабых, право на время властвовать над меньшинством, пока это последнее, в свою очередь, не станет большинством. Данный способ правления построен на двух принципах: это всегда власть большинства и всегда право меньшинства свободно создавать оппозицию. Демократический образ жизни, демократия в политике — культурный продукт развития человечества, изобретенный для наиболее экономного разрешения естественных конфликтов, которые противопоставляют людей и социальные группы друг другу. Не стоит и мечтать: борьба за власть еще надолго останется неустранимой, ибо она — в природе человеческой. Вместе с тем, установление правил политической игры на основе принципов демократического общественного соглашения: 1) организованное ограничение власти; 2) свобода формирования и выражения собственного мнения; 3) защита гражданина законом — это произведение политического искусства по отлаживанию нормальных общественных отношений. Французский литератор Никола-Себастьян Шамфор (1741–1794) очень просто выразил подобную мысль: «Я — это все, остальное — ничто; вот деспотизм и его сторонники. Я — это другой, другой — это я; вот народный режим и его приверженцы. А теперь — решайте сами».

Древние греки и их выдающиеся политики, риторы и философы расходились в истолковании содержания демократии

не меньше, чем наши современники. Это понятие могло обозначать и «торжество бунтующей черни», и «господство низших слоев населения», и «участие всех граждан в делах полиса», то есть в политике, и «решающую роль народного собрания», и «систему правления лицами, уполномоченными на это с помощью формальных процедур представления демов».

Позже Аристотель писал о шести видах государственного устройства, сгруппированных по триадам: «правильные» формы – царская власть (басилейя), аристократия (правление лучших), полития; «неправильные» – тирания, олигархия (правление немногих), демократия. Философ считал демократию несправедливой конструкцией власти, потому что, в отличие от политии – как правления большинства, избранного на основе определенного ценза и заботящегося о всеобщем благе, – демократия есть правление неимущего большинства ради собственного блага и интересов. Демократии на самом деле – это целый набор различных политических систем, объединенных зачастую лишь наименованием и самыми общими принципами. Дифференциации требуют и разные «имена», и традиции – по меньшей мере те два противоположных и взаимодополняющих подхода, которые образуют проблемное поле демократий. Один подход связан с осуществлением народом в целом всей полноты своей власти, а тем самым – в управлении каждым человеком и группой. Другой – с мерой участия любого человека и группы, составляющей народ, в самоуправлении политической системой в целом. В одном случае демократия оказывается *народовластием* с сильным акцентом на ее всенародности. В другом – *народовластием* с упором на властность и управляемость образующих эту систему людей (ролей) и групп (институтов), то есть на *самоуправлении*.

Действительные формы демократического опыта были реализованы и продолжают совершенствоваться в ходе истории, но суть двух взаимодополняющих аспектов народовластия – всенародности и властности (самоуправления) каждого – оставалась почти неизменной.

Первоначальной самоорганизации людей с чертами *всенародности* было присуще непосредственное участие всех в деле выживания и воспроизведения рода. Только еще нарождавшаяся политика была демократична, правда, эта *первобытная демократия* неизбежно оказывалась очень примитивной. Вопрос об участии каждого в управлении и в самоуправлении

еще не возникал в силу его predeterminedности естественным распределением половозрастных ролей. Природа и выбирала, и назначала; от людей лишь требовалось поддерживать основы всенародности.

В преуспевающих родах и племенах политика с течением времени усложнялась, возникали структурно-функциональная дифференциация и прообразы (архетипы) первых политических институтов. Важным фактором стало появление дружин — группировок здоровых, энергичных и, главное, вооруженных мужчин, которые обеспечивали безопасность *всех*. Это обожалось ответственностью и честью принимать нужные решения — по-прежнему всенародно, только «народ» все чаще ограничивался кругом мужчин с оружием. Так складывалась *военная демократия*. Военная демократия — это принцип организации власти преимущественно в племенных образованиях, в соответствии с которым право принятия и осуществления важных решений возлагается только на тех, кто непосредственно обеспечивает безопасность племени (клана, рода), то есть на всех вооруженных мужчин-дружинников; остальные члены племени исключены из процесса принятия решений. В подобных условиях женщины, старики, дети оказывались лишь приживальщиками при власти имущих.

Немногим позже по историческому времени уже складывались основы *античной демократии*. С реформ афинского архонта Солона (около 640—635 г. до н.э. — около 559 г. до н.э.) пирамидальная структура начальствования — цари/аристократы/демос — изменялась. Реформы были начаты под призывом возврата к старому — к всенародности, а значит, равенству всех перед законом и друг перед другом как представителями одного сообщества, «народа». Особые функции обрело народное собрание, перенятое у военной демократии, которое на деле объединяло тех, кто мог быть воином и отцом семейства. С развитием практики античной демократии описанная легендарным Гомером *агора* сменилась афинской *эклесией* или спартанской *апеллой*.

Агора (гр. agora) — это предназначенная для публичных собраний и торговли главная площадь древнегреческих городов (полисов), расположенная в центре или около порта, окруженная храмами, портиками и городскими учреждениями. Значение слова агора со временем менялось: в V в. до н.э. оно обозначало повседневную социальную, политическую, рели-

гиозную и пр. активность граждан, а также место спортивных состязаний и театральных представлений; позже во многих городах (Афинах, Салониках и др.) стали выделять торговую и церемониальную агоры, где, в частности, проводились суды. Захоронение в агоре признавалось почетнейшим для гражданина.

Экклесия (гр. *ekklesia*, буквально – собрание созданных) – народное собрание в древнегреческих полисах, происходящее от агоры. Впервые упоминается в Афинах в конце VII в. до н.э.; в результате реформ Солона стала собранием совершеннолетних граждан (мужчин), получив высшие политические и судебные полномочия. Не обладавшая правом инициативы, Афинская экклесия IV–V вв. до н.э. созывалась государственно-административным советом (буле) для назначения чиновников-магистратов и общего обсуждения основных проблем. Решения принимались простым большинством. Экклесии существовали во всех полисах, потеряв свое значение в эпоху Римской империи.

Апелла (гр. *apella*) – народное собрание в Спарте, особый аналог экклесии в других полисах. Созывалась раз в месяц; лишённая права инициативы апелла рассматривала предленные герусией (совет старейшин) вопросы: заключение договоров, объявление войны, внесение изменений в законы, престолонаследие, назначение старейшин, военачальников, магистратов. «Вредные», по мнению герусии или царя, решения апеллы отменялись. В обсуждении участвовали цари, старейшины, магистраты; остальные граждане-мужчины только голосовали, причем криком.

Эволюционировавший принцип управления с помощью народного собрания не просто сводился к поддержке (санкции) действий начальника, как это было в случае агоры. Из обычного источника власти такое собрание добилось права *наделять* властными полномочиями и тем самым обрело верховенство над главным руководителем. Гомеровский «совет царей» стал представительным органом полиса, точнее, его отдельных «народов», или демов. И цари-воители, и аристократический ареопаг вписались в систему взаимного соподчинения.

Возникла практика *выборности*, назначения по жребию и ротации исполнителей политических ролей. Каждый мог – и обязан был! – занять любую должность: исполнительную, законодательную, сакральную (относившуюся к религиозному

культу), судебную или иную, которую определило для него народное собрание, жребий, его собственный народ-дем или просто подошедшая очередь на данное место.

При этом был утвержден основополагающий демократический (справедливый и для всенародности, и для самоуправления) принцип *равенства граждан*. Он стал развитием изначальных норм родства (равенства в роде) и дружбы (равенства в дружине). Данный принцип был юридически закреплен в праве/обязанности граждан выступать в народном собрании, осуществлять правосудие, другие полисные функции, например, служить в войске, совершать литургии (священные церемонии, праздники, включая разыгрывание трагедий и комедий), а также отвечать перед законом. Сама система демократического правления нередко именовалась тогда *равновластованием*, которое не сводилось к всенародности: отправление разных должностей позволяло хотя бы на время делать в принципе равных неравными по статусу.

Афинская демократия — образцовая историческая модель *прямой демократии*, при которой от всех граждан требовался высокий уровень политического участия. Прямая демократия — это система, когда управляемые реально воздействуют на избрание управителей и политический курс правительства. Различают два типа прямой демократии: выбор управителей (в т.ч. президента, главы правительства) осуществляется посредством системы партий или прямым всеобщим голосованием.

Однако на деле средний афинянин редко участвовал во всех политических решениях. Афинская демократия представляла собой систему *смешанного правления* с особо значимой ролью народного собрания *всех граждан*, максимально сниженными имущественными и другими цензами, причем малоимущих специально поощряли к исполнению их гражданских прав/обязанностей. Эти небольшие акценты и отличали афинскую демократию от смешанного правления, которое Аристотель предпочитал называть *политеией*.

Надо сказать, что у создателя данного концепта Аристотеля политеия (гр. *politeia*) употребляется в разных контекстах: 1) совокупность обитателей или граждан полиса с функциями политического участия; 2) «распорядок полисных должностей» и образ управления, то есть «конституция» полиса, структура институтов управления и характер их функционирования; 3) «правление на основе разрядов», или тимократия («власть

богатых»); «плохая форма правления», предполагающая самую сложную систему распределения должностей; 4) форма и принцип правления, сочетающие элементы различных видов властвования (смешанное или среднее правление), например: монархии, аристократии и правления большинства.

Система взаимодействия и взаимосдерживания отношений начальствования/подчинения является смешанной по определению. Так она и толковалась в течение веков после древнегреческого историка Полибия (около 200 — около 120 гг. до н.э.) и до французского политического мыслителя Алексиса де Токвиля (1805—1859).

Такую систему обычно называли *республикой* (по примеру римского полиса) либо просто городом, университетом, корпорацией, коммундой — все эти слова обозначали *самоуправляющиеся* общности. Демократический характер таких политических систем нередко подчеркивался эпитетом «свободный».

Демократия Нового времени складывалась под влиянием начавшихся процессов модернизации (политические, экономические и социальные изменения, переводящие общество из традиционного в современное состояние). Тогда опять был активизирован демократический комплекс *всенародности*, который стал основой суверенитета новых европейских наций.

Политическая модернизация прежде всего означала *суверенность* политических систем и *конституционность* их устройства. Суверенитет предполагает, что на четко определенной границами территории возникает относительно однородный режим властных отношений. С одной стороны, выделяется *государство* (state, état, estado, Staat), закрепляющее за собой монополию на использование насилия, а с другой — *гражданское общество*, утверждающее ненасильственную договорную (контрактную) самоорганизацию в соответствии с нормами естественного права и прав человека. Согласно конституционности, правовые стандарты гражданского общества вместе с принципами государственного расчета (ratio status, raison d'état) закрепляются в виде основного закона (конституции), стоящего выше и государства, и гражданского общества, что дополняет его договорную самоорганизацию законопослушанием. Более или менее последовательная суверенизация и конституционализация создавали предпосылки для *демократизации*.

В своих современных формах демократия предполагает наличие гражданского общества, то есть совокупности мно-

жества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном сообществе вне рамок государства и без его непосредственного вмешательства либо помощи. С гражданским обществом нельзя смешивать *политическое общество* (комплекс институтов, в т.ч. государство и иные коллективы) и *глобальное общество* (самая широкая социальная общность, которая осуществляет наивысший уровень интеграции индивидов и автономна по отношению к своему окружению; например, античный полис, египетская империя).

Как явление мировой истории распространение демократии, *демократизация* представляет собой генезис, процессы становления и утверждения современных институтов демократического правления (полиархии); имеет национальное (например, смена авторитарного режима демократически ориентированным в конкретной стране) и международное (территориальное распространение демократии в концепции «волн» демократизации) измерения.

Первопроходцем в деле модернизации в целом и по отдельным ее направлениям (суверенизация, конституционализация, политизация и демократизация) принято считать Англию. Такому лидерству благоприятствовали ее островное положение и раннее — примерно с XIII в. — развитие договорных, совещательных и представительных институтов (Великая Хартия вольностей, парламент и т.п.), которые при всех их феодальных истоках обладали потенциалом, способным превратить эти институты в «центры» модернизационных процессов. Ключевым событием для модернизации стала *Славная революция* (Glorious Revolution) 1688 г., положившая начало конституционной монархии в Великобритании. Последовавшее *Революционное установление* (Revolution Settlement) 1689 г. ознаменовало закрепление результатов самых успешных направлений модернизации — суверенизации и конституционализации — и открыло возможности для демократизации, которая, вместе с тем, оказалась замедленной из-за трудностей процесса преобразования средневековых институтов в демократические нововременные, а далее в современные.

Исходная идея суверенитета как *единства* властителя-суверена (кем бы он ни был — монархом, группой аристократов или парламентом) и народа, достигаемого с помощью перво-

начального договора, вскоре дополнилась демократической идеей *народного суверенитета*, согласно которой сам мистически необъятный Народ и становится Сувереном. Подобный демократизм всенародности виден в рассуждениях Жана Жака Руссо (1712–1778) об общественном договоре как проявлении общей, признанной раз и навсегда истинной воли народа, принимающего статус суверена. Этот мыслитель любые отклонения от общей воли и оппозиционные течения считал ересью, тем самым дав повод современным политологам называть его модель «тоталитарной демократией», принуждающей людей к их счастью.

В конце XVIII в. благодаря образованию Соединенных Штатов впервые отчетливо были определены и законодательно закреплены формальные механизмы *демократии в Америке*, которые позже сыграли важную роль в утверждении (консолидации) современных вариантов демократии. Поначалу американские политики были склонны именовать свою систему смешанного представительного правления просто *республиканской*, т.е. системой правления, осуществляемого от имени всех граждан, а не определенных классов.

В 1795 г. великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) предложил различать понятия демократии и республики. По Канту, демократия, как и автократия (монархия), — это форма господства; республика — форма правления, то есть распоряжения всей полнотой государственной власти, а альтернатива ей — деспотия. Значит, Кант именовал республикой примерно то, что мы сейчас называем правовым государством либо опять-таки демократией.

Лишь в первой половине XIX в. слова демократия и демократ постепенно возвращались в политический словарь как раз тогда, когда система правления США начала отвечать критериям современной демократии: по одним оценкам, этот уровень был достигнут в 1828 г., по другим — через 20 лет, по третьим — только после гражданской войны 1861–1865 гг.

Не везде, однако, обстоятельства складывались столь благоприятно, что позволяли неторопливо, зато верно дополнять суверенизацию и конституционализацию демократизацией. В континентальной Европе абсолютизм и полицейский стиль управления обществом вели к деформации модернизационных процессов. Роль государства была преувеличена, в возникающих ассоциациях гражданского общества правители не видели

серьезных партнеров, так что даже там, где провозглашали «правовое государство», верховенство права зиждилось не на конституции, а на разуме, воплощенном просвещенным монархом. Неудивительно, что самоутверждение гражданского общества принимало здесь крайние формы всеобщей уравнительности (эгалитаризма), а демократия преимущественно трактовалась в духе всенародности. Во Франции в конечном счете это привело к революционному перевороту, последствия которого будоражили Европу до середины XIX в., не столько содействуя созданию демократических институтов, сколько просто расчищая политическое пространство. Вместе с тем, Великая Французская революция (1789–1794) дала все-таки определенный импульс процессам политизации и демократизации на европейском континенте.

2. Теоретические модели демократии

Прошли столетия, но понятие демократии не приобрело какого-либо единого, устраивающего абсолютно всех толкования. Большинство живущих в демократических странах в принципе согласны с тем, что главные позиции в демократии занимают право и идея справедливости как высшей степени совместимости различных интересов. Основной критерий справедливости – максимум свободы для возможно большего числа индивидов. Цель демократии – достижение предельного разнообразия (плюрализма), привлечение наивысшего количества людей к социальной жизни и распределению общественного продукта. Демократии не может быть без согласия большинства с главными критериями устройства данного общества, но нет демократии и без конфликта интересов. Наконец, были выработаны общие принципы демократии: конституционализм, легитимность, свободные выборы управителей, мажоритарность (правление большинства) и уважение к оппозиции, конституционные гарантии индивидуальных прав и свобод. Все эти положения будут разобраны ниже.

Однако разные концепции демократии до сих пор спорят между собой о том, *что* есть народ и *каким образом* он осуществляет свое право на власть. Можно ли ставить знак равенства между народом и нацией? Каковы оптимальные для демократии формы правления, пределы допустимого протеста либо использования насилия? Способна ли при демократии прийти

к власти политическая сила, уничтожающая сам демократический режим? Наконец, народные избранники — действительно ли они представляют народ при демократии и служат ей?

В попытках найти достоверные ответы на вроде бы простые вопросы выдвигались различные, часто взаимоисключающие, интерпретации демократии как таковой. Есть либеральные, консервативные, популистские, коммунистические и анархистские трактовки демократии; немалой популярностью пользуются плюралистические и элитарные концепции, идеи прямой и представительной демократии, модели охранительной, развивающей, партиципаторной демократии (или демократии прямого участия). К концу XX в. заметно снизилось внимание к идеологическим конструкциям вроде «демократии советов», пролетарской (буржуазной, мелкобуржуазной и т.п.) и «народной» демократии; напротив, возрос интерес к различным националистическим и «цивилизационным» версиям демократии. Собственно, именно поэтому тема демократии является чуть ли не отдельной субдисциплиной политологии, потому ниже изложены лишь основные из ее моделей.

Классический либерализм рассматривает демократию не столько как порядок, позволяющий гражданам участвовать в политической жизни, сколько как механизм, защищающий их от произвола властей и незаконных действий других людей. Идея развивалась Томасом Гоббсом, который признавал, что суверенитет принадлежит гражданам, но они делегируют его избранным представителям, так как только сильное государство в состоянии защитить своих граждан. С ним позже согласился Джеймс Мэдисон (1751—1836), утверждавший, что цель демократического правительства — защитить общественное благо и личные права. Джон Локк и Шарль Луи Монтескье писали о необходимости конституционных ограничителей власти, выразившихся прежде всего в разделении полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей («власть останавливает власть» — утверждал французский мыслитель).

Концепция естественных прав исходит из того, что человеку от рождения присущи определенные права и свободы, они даны природой, проистекают из ее основных законов. Будучи «досоциальными», эти права первичны по отношению ко всем нормам, установлениям общества и государства; они *неотъемлемы*, действуют везде и на протяжении всей истории. Либеральная концепция естественных прав, разрабатывав-

шаяся Локком, Монтескье и др., была зафиксирована в американской Декларации независимости 1776 г., провозгласившей такие естественные права человека, как право на жизнь, свободу, стремление к счастью, «самоочевидными истинами», для обеспечения которых «учреждаются правительства», и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., назвавшей основами естественных прав свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Над концепцией *охранительной демократии* (демократии для защиты человека) много работали утилитаристы Иеремия Бентам (1748–1832) и Джеймс Милль (Милль-старший, 1773–1836), которые исходили из идеи необходимости оградить от посягательства индивидуальные интересы с помощью обеспечения всеобщего права голоса. Согласие подчиняться выражается в процессе голосования на выборах. Это, в свою очередь, обеспечивает ответственность управителей перед избирателями, которая достигается через такие механизмы, как тайное голосование, регулярные выборы, конкуренция на выборах, правление большинства, дающие гражданам возможность выбирать себе власть имущих и контролировать их решения.

Охранительная модель — это система конституционной демократии, действующей в рамках формальных и неформальных правил, ограничивающих власть государства. Такой подход гарантирует политические и гражданские свободы (слова, ассоциаций, голоса и т.д.), а также равенство всех перед законом. Однако политическое равенство понимается просто технически и означает только равное для каждого право голоса, что и защищает личную свободу, которая обеспечивается строгим разделением властей и сохранением основных прав. Охранительная демократия предоставляет гражданам солидные возможности для выбора их образа жизни при полной ответственности за свой выбор, что подразумевает невмешательство властей во многие сферы жизни общества и полное отделение государства от гражданского общества.

Теоретики данной модели считали, что демократия не может быть прямой, а должна работать через представительную ассамблею. Они стремились ограничить власть большинства, ибо видели слишком много недостатков в «чистой» (то есть прямой) демократии.

«Чистая» демократия способна привести к «тирании большинства», при которой индивидуальные свободы и права меньшинства могут быть нарушены от имени народа. Гораздо позднее возможность большинства решить, что должен править тиран и как именно, Карл Поппер (1902–1994) назвал «парадоксом мажоритарного правления».

Подобные опасения разделяли и теоретики *представительной демократии*. Джеймс Мэдисон (1751–1836) считал, что большинство слишком необразованно, чтобы управлять, чересчур подвержено влиянию демагогии популистов и непременно будет ущемлять интересы меньшинства, а «чистая» демократия может выродиться в правление толпы. Представительная демократия – это система при которой парламент считается центром всего политического процесса. Парламент представляет собой главное основание политической власти и единственное выражение всеобщего избирательного права. По итогам свободных и соревновательных выборов граждане направляют (делегируют) в это высокое собрание своих *представителей*, которые в течение конкретного срока должны выражать требования и интересы определенных групп избирателей.

Механизмы охранительной демократии как раз и способствуют защите демократии от вероятности тирании большинства. Принцип разделения властей не позволяет большинству захватить все ветви власти, а двухпалатность (бикамерализм) парламента помогает не допустить концентрации власти большинства в законодательном органе и в случае контроля большинством одной из палат. Мэдисон считал, что скорее всего это может произойти в палате представителей – противостоять ему.

Теоретики *демократии для саморазвития* (или *развивающей демократии*) как одного из направлений классической либеральной теории демократии считали, что политическое участие нужно не только ради защиты индивидуальных интересов, а в первую очередь для самосовершенствования свободных информированных граждан, приверженных демократическим идеалам. Так как вовлеченность граждан в политику (участие в работе отдельных ветвей власти, общественных дебатах и т.д.) важна для гармоничного развития потенциала каждого человека, государство должно предоставить ему личные права и свободы.

Эта модель в основном была разработана Жаном Жаком Руссо (1712–1778), для которого демократия была средством достижения свободы индивидов или личной автономии. Но свобода означала подчинение общей воле. Руссо верил, что общая воля представляет собой истинную волю каждого гражданина, причем подчиняясь общей воле (а не правителям), человек тем самым покоряется своей подлинной природе, а значит, остается таким же свободным, как и раньше. Поэтому народный суверенитет неотчуждаем. Руссо отвергал представительное народовластие в пользу прямого и выступал за использование ряда элементов классической афинской демократии. Его идеи в дальнейшем были восприняты партиципаторной теорией демократии.

Еще один сторонник развивающейся демократии — Милль-младший — полагал, что, участвуя в общественной жизни, граждане начинают лучше понимать политические процессы и достигают высокого уровня развития личности. Демократия для него была важна прежде всего своей образовательной ролью. Поэтому Милль-младший призывал распространить политическое участие на всех грамотных граждан, включая женщин.

Марксистская модель демократии (или *демократия для народа*) отличается от либеральных тем, что рассматривает парламентаризм всего лишь как форму буржуазной, капиталистической демократии.

Марксисты полагали, что свободное развитие всех достигается путем свободного развития каждого. Свободу же можно получить лишь после прекращения эксплуатации и установления полного политического и экономического равенства. Только оно способно обеспечить условия реализации потенциала человека по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Последователи Карла Маркса считали демократию идеалом социального равенства, полученного в результате общего владения собственностью. Они говорили о социальной, а не о политической демократии, которая для них была лишь «фасадом равенства». Маркс называл подлинной демократией безгосударственный строй, достигнутый в результате революционного свержения капитализма. По его мнению, после исчезновения классовых антагонизмов наступит коммунистическое общество, а пролетарское государство отомрет впоследствии само собой, что объясняется

отсутствием необходимости в государстве, законах, политике, а следовательно, и в демократии.

Марксовы размышления о демократии были продолжены В.И. Лениным, чьим идеалом было «отмирание государства», а раз демократия — одна из «форм государства», то это означало исчезновение демократии.

Сторонники концепции *партиципаторной демократии* (англ. *participate* — участвовать), или *демократии для всех* — современные политологи Кэрол Пейтман (род. 1940 г.; автор термина «демократия участия» и книги «Участие и демократическая теория», 1970 г.), Крофорд Макферсон (1911–1987), Джозеф Циммерман (род. 1928 г.), Норберто Боббио (род. 1909 г.), Питер Бахрах, Кэрол Гулд и др. — по сути дела возвращаются к классическим идеалам демократии, предполагающим активное участие граждан в обсуждении и принятии решений по главным вопросам общественной жизни. Они считают важнейшим условием демократического участия и его распространения социальное равенство: принцип участия должен относиться и к негосударственным общественным институтам, где люди прямо выражают свою волю, в первую очередь к *трудовым коллективам*. Тем самым эти ученые во многом следуют идеям развивающей демократии, трактуя ее, в частности, как самоуправление граждан. Свобода, равное право на саморазвитие могут быть достигнуты только в партиципаторном обществе, которое совершенствует чувство политической эффективности и способствует проявлению заботы о коллективных требованиях. В таком обществе граждане хорошо информированы, заинтересованы в своей активной причастности к процессу управления (активистская концепция демократичности Макферсона, где он критикует пассивность и утилитаризм, присущие иным либеральным моделям демократии).

Необходимость политической активности большинства граждан в партиципаторной модели объясняется тем, что снижение уровня их участия в итоге приведет к «тирании меньшинства» (элиты). Противостоять авторитарному давлению сверху способна лишь сильная власть снизу. Циммерман, например, считает, что *salus populi* — благо народа — может быть достигнуто только при обеспечении всеобщего равенства, которое заключается в том, что все граждане обязательно ежедневно

занимаются принятием решений, а не только имеют равные возможности участия.

В партиципаторной модели политическое участие не есть средство для достижения какой-либо цели, а само является целеполаганием, то есть содержит цель в себе, ибо только современному понятие участие благоприятствует интеллектуальному и эмоциональному развитию граждан. Немаловажно и то, что с обычных для либеральных теоретиков позиций индивидуализма, опирающегося на собственность, политический процесс чаще всего рассматривается как жесткая борьба конкурентов за недостающие им материальные блага. Если же проанализировать эту проблему с точки зрения развития и реализации человеческих способностей, то справедливость распределения материальных благ — лишь средство для достижения (в сотрудничестве с другими людьми) более значимого блага позитивной свободы. Активная вовлеченность граждан в демократический процесс — одновременно и условие, и выражение этой свободы.

Таким образом, участие выполняет две функции: защищает граждан от навязанных сверху решений и является механизмом самосовершенствования человека. Ради максимального возможного результата демократия должна распространяться и на другие сферы, чтобы способствовать эволюции необходимых для современности психологических качеств и партиципаторной политической культуры, которая может сформироваться только по принципу — «учись участвовать» (Пейтман). Идеальное партиципаторное общество характеризуется прямым вовлечением граждан в управление без посредников ключевыми политическими и социальными институтами, подотчетностью лидеров рядовым членам и высшей степенью демократической легитимности.

Механизмы партиципаторной демократии — *референдум, инициатива и отзыв*.

Референдум (лат. referendum — то, что должно быть сообщено) — это инструмент прямой демократии, предполагающий вынесение органами государственной власти, избирателями (дополняется процедурой *инициативы*) или международной организацией (при передаче суверенитета) какого-либо принципиального вопроса (принятие конституции либо внесение изменений и дополнений в нее, согласование важных законов, введение новых налогов и т.п.) прямо на всенародное голосо-

ние. В ряде случаев (изменение конституции) проведение референдума обязательно по закону, то есть не требует промежуточных процедур (например, выдвижения инициативы и сбора подписей). Может проводиться на любом уровне организации политики (от местного до общенационального). Обычно результаты референдума как высшего непосредственного выражения власти народа имеют высший правовой статус (исключение — так называемые консультативные референдумы).

Разновидность референдума — *плебисцит* (лат. plebiscitum — решение простого народа) предусматривает голосование в поддержку человека, уже находящегося у власти, либо за расширение его функций (за императорство Наполеона Бонапарта в 1804 г.; в поддержку продления президентства Александра Лукашенко в Белоруссии и пр.).

Первые упоминания о референдуме мы встречаем в Швейцарии в XVI в.; там же раньше всех всенародно голосовали за обычный закон (1831 г.), а референдум для принятия конституции впервые был проведен в штате Массачусетс, США (1780 г.). Несмотря на то что референдумы (либо плебисциты) нередко используются для легитимизации диктаторских режимов или систем с чертами автократии (например, во Франции при Наполеоне, недавно — в Белоруссии), почти все современные демократии (за исключением США, Индии, Японии и Израиля) применяют эту процедуру в национальном масштабе, что объясняется необходимостью всенародно санкционировать какое-либо важное, общезначимое политическое решение. В 39 штатах США представительная демократия дополнена механизмами референдума или инициативы.

Другой важный инструмент партиципаторной демократии — инициатива (лат. initiare — начинать), которая дает право группе граждан (зарегистрированных избирателей) с установленным законом количеством участников или собранной необходимой числом подписей (например, в Швейцарии — 50 тыс., в Калифорнии, США — 5 % от электората, голосовавшего на последних выборах губернатора), потребовать вынесения на голосование сформулированного ею вопроса (законопроекта, изменений и дополнений какого-либо существующего закона, в т.ч. конституции). Инициатива может быть *прямой* (вопрос сразу выносится на рассмотрение/голосование граждан) или *непрямой* (вопрос сначала обсуждается в законодательном органе и только при негативном ответе передается на всена-

родное голосование, иногда с альтернативным вариантом, предложенным законодателями). Получила широкое распространение в Швейцарии (впервые — в 1845 г.), в 23 штатах США (в основном западных), в Италии. Инициативу как легальный способ заполнить пробелы в законодательстве или изменить его нормы часто используют группы интересов, обладающие достаточными ресурсами для сбора подписей и мобилизации политического участия граждан.

Наконец, к институтам партиципаторной демократии принадлежит и т.н. Отзыв, то есть процедура, с помощью которой избиратели могут добиться досрочного прекращения полномочий своего представителя, какого-либо выборного должностного лица и новых выборов. Для начала нужно собрать установленное законом количество подписей, после чего проводятся голосование за утверждение процедуры отзыва и следующие выборы. Получил широкое распространение в 15 штатах и многих городах США, в т.ч. для отзыва вынесших непопулярное решение судей или обвиненных в коррупции мэров. Движения по отзыву эффективнее всего на уровне местного самоуправления, однако редко достигают успеха в случае должностных лиц, занимающих общенациональные посты, из-за сложности процедуры (например, в США был отозван только один губернатор — в 1921 г.). Вместе с тем, у отзыва есть значительный потенциал в деле ограничения злоупотреблений властью, особенно в политических системах, где нет практики вынесения недоверия парламенту ради прекращения некомпетентного или неэффективного правления.

По сей день партиципаторная модель представляет собой лишь идеал, желательную норму, к которой следует стремиться, а для многих — и совершенно нереальную схему. Если эта модель не работает в современных демократиях и граждане, как правило, отстранены от процесса политических решений, то кто их принимает? Ответ на этот вопрос пытаются дать две следующие теории.

Приверженцы *элитарной модели (демократии для избранных)* делят общество на правящее меньшинство — элиту и невластвующее большинство — массу. «Масса» не интересуется политикой, не обладает необходимыми знаниями и полной информацией, не умеет принимать правильные решения, поэтому она добровольно передает элите право руководить политическим процессом. Политическое участие массы огра-

ничено выборами вследствие того, что большинство граждан иррационально, некомпетентно и имеет неустойчивые предпочтения. К тому же рост гражданского участия ведет к подрыву стабильности и эффективности, достижение которых является едва ли не главной целью демократии.

Родоначальником элитарной концепции демократии считают выдающегося экономиста и политического мыслителя *Йозефа Шумпетера* (1883–1950), который назвал ее «теорией соревнующихся лидеров». Этот политический мыслитель подчеркивает важность принятия решений опытной и компетентной элитой при ограниченном контроле со стороны граждан. Демократия для Шумпетера — не цель, а всего лишь один из политических методов (наряду с авторитаризмом и тоталитаризмом, который предусматривает определенную институциональную организацию). Функция граждан заключается в выборе/отзыве правительства или в избрании посредников для этой цели. В соответствии с демократическим методом, к власти приходит партия, получившая наибольшую поддержку избирателей, отвечающая их «спросу». Выборы — лишь средство, которое заставляет элиту ощутить свою ответственность за политические решения. Демократию, стало быть, по Шумпетеру, можно определить как «институциональное устройство» для принятия политических решений.

Соревнование между потенциальными лидерами — отличительный признак элитарной демократии, при которой все (но только в принципе) свободны конкурировать друг с другом на выборах, поэтому нужны определенные гражданские права. Единственный тип участия, доступный простым людям, — в избирательном процессе, так как все другие способы участия станут попыткой контроля над властью с их стороны и могут привести к отрицанию роли лидерства. (Шумпетеру, кстати, принадлежит известнейшее высказывание: как только типичный гражданин попадает в политическую сферу, его умственный уровень падает, в политике он снова становится примитивным). В период между выборами избиратели должны уважать разделение труда между элитой и обществом и понимать, что до следующих выборов им не стоит заниматься политикой. В этой модели демократии большинство (масса) при минимальных затратах (политическом участии исключительно в выборах) получает максимальную отдачу (элита принимает правильные решения).

Таким образом, элитарная модель демократии снимает с обыкновенных граждан ответственность за принятие политических решений и возлагает ее на лидеров, имеющих больше информации и опыта в политических вопросах. Критики этой схемы считают, что она представляет собой слабую форму демократии, так как снижение роли граждан в демократическом процессе может привести к потере интереса к политике, появлению апатии и отчуждения. В зависимости от степени вмешательства правительства в дела гражданского общества они пишут (например, Пьер Бирнбаум) либо о «сильном государстве», способном взять на себя большую ответственность за благополучие граждан, либо о «сильном гражданском обществе», где подобные функции осуществляют негосударственные органы.

В *плюралистической концепции (демократия для групп)* политика рассматривается как *конфликт групп интересов* в поле их политической борьбы, где решения принимаются на основе компромисса ради удовлетворения максимального объема интересов. По сути дела такая демократия представляется не как власть народа, а как власть *с согласия народа*. Для плюралистов основное предназначение демократии — защита требований и прав меньшинств.

Политический плюрализм (лат. pluralis — множественный) представляет собой один из главных принципов современного общественного устройства при демократии, когда взаимодействуют и связываются (в условиях свободного выражения своих интересов) различные социальные группы, партии и иные организации. Образование политической воли в плюралистическом обществе происходит в открытом столкновении различных интересов, при котором нужен только минимум общих взглядов. Учитывая многообразие мнений и социальных конфликтов, невозможно принять абсолютно справедливое для всех решение. Поэтому основа для согласия — принцип большинства, однако не должна возникнуть его «диктатура», нарушающая демократические правила игры и покушающаяся на неотъемлемые права человека, ибо от ошибок не застраховано и большинство. Избранные на срок своих полномочий (легислатура) представители общества особо не связаны обязательствами; по истечении же его они подвергаются *вотуму избирателей* (то есть решению или мнению, выраженному путем голосования).

Плюралисты исходят из аристотелева определения, что «люди по природе своей социальные существа» и им свойственно создавать организации и группы для выражения своих требований, поддержки либо протеста. Ни одна из *групп интересов* не может доминировать в политическом процессе, так как не представляет мнения всего общества; следовательно, концентрация власти недопустима. Вместе с тем, интересы каждого гражданина очень редко сводятся к какому-нибудь одному, а это препятствует расколу общества на непримиримо враждебные группировки.

Главная характеристика модели плюралистической демократии — соревнование между партиями во время выборов и возможность групп интересов (или давления) свободно выражать свои взгляды — устанавливает надежную связь между управляющими и управляемыми. Несмотря на известную удаленность данной системы властвования от идеала народного самоуправления, ее сторонники полагают, что она обеспечивает достаточный уровень ответственности для того, чтобы именоваться демократичной. Плюралисты считают, что гражданам не обязательно выражать свое мнение — за них это сделают группы интересов, причем намного эффективнее, а нужное представительство будет достигнуто даже без активности граждан. В этой модели граждане как бы дважды представлены: выборными лицами и лидерами групп и организаций, отстаивающих гражданские интересы. Политики же непременно будут ответственными, ибо они стремятся удовлетворить требования групп интересов в надежде на получение еще большей поддержки электората.

Модель плюралистической демократии сводит к минимуму вероятность тирании со стороны элиты и *аномию* масс, так как политическое пространство насыщено активными организациями, группами давления, которые доводят до сведения элиты настроения и требования граждан, выражая тем самым множество взглядов.

Критики плюралистической модели демократии выдвигают следующие контраргументы: 1) лишь небольшое количество людей формально являются членами каких-либо групп, значит, интересы всех граждан недопредставлены; 2) группы интересов способны стать настолько мощными, что весь политический процесс превратится в компромисс, удовлетворяющий интересы только сильнейших групп, политическая система будет

парализована из-за их острейшей конкуренции, а требования всех граждан останутся без внимания; 3) развитие группового представительства интересов отводит гражданину пассивную роль, что может привести к появлению государства «политических зрителей», которые в итоге утратят контроль над системой. Если свести политическое участие и активность граждан к частичному представительству (как в плюралистической концепции) группами интересов или к пассивному участию в выборах (элитарная модель), то гражданское общество во всем своем многообразии окажется неспособным формулировать политику; люди будут считать себя исключительно управляемыми, а не управителями.

3. Современные понимания демократии

Понятие современной демократии как целой совокупности политических режимов, обладающих одинаковыми и/или сходными характеристикам, включает не только ее нормативные определения как системы политического правления, опирающейся на ряд фундаментальных принципов (от всенародности до форм участия граждан в самоуправлении), но также мировоззренческие подходы к отношениям между людьми, этические, философские и иные основания человеческого существования в условиях современности. Вместе с тем, *идеалы* демократии остались фактически такими же, как в IV в. до н.э., за исключением одного – сейчас гораздо больше ценится отдельная личность, ее мнение и интересы, политическая активность.

Конкретные задачи политологии побудили ученых отличать демократию в широком, даже идеальном смысле от ее собственно политического, преимущественно институционального базиса. В последнем случае сторонники эмпирической (т.е. основанной на опыте) демократической теории рассматривают обширнейший набор факторов, способствующих установлению более стабильных форм демократического правления на всей планете. Правда, в последнее время политологи снова все чаще признают, что демократия – это понятие, которое и в современности, несмотря на массу исследований, решительно не поддается четкому научному определению. Вместе с тем, одна из самых популярных в мировой политологии дефиниций современной демократии – полиархия. Это не система власти,

которая воплощает в себе демократические идеалы во всей их полноте, но правление, в достаточной степени приближающееся к таким идеалам.

Наиболее последовательно различение идеалов и институционального оформления демократии проводит Роберт Даль. Именно он предложил использовать для обозначения институциональных решений фактически реконструированное им понятие *полиархии* (гр. *polys* – многочисленный, многий; *archi* – старший, главный).

Дословно с древнегреческого полиархия переводится как «много главных», «многовластие». Эллина слово полиархия воспринимали преимущественно в негативном смысле — как разброд в стане властвующих, рассогласованность правления. В контексте же современности это понятие, напротив, подчеркивает политический плюрализм и способность институтов нынешней демократии обеспечивать взаимодействие и координацию (согласование) интересов индивидов и групп без утраты их самостоятельности и принципиального равенства.

Главное в демократии заключается в ориентации на создание определенных условий для достижения поставленных ею высоких целей на уровнях политики, группы интересов и каждого гражданина. Будут ли достигнуты такие цели или нет, зависит от того, как именно и в каких обстоятельствах (в т.ч. приводящих) развивается политический процесс, какие силы на него влияют и участвуют в нем, а какие противостоят, какие способности проявляют данные силы и т.д. Придавая большое, порой принципиальное значение политическим процедурам и способностям гражданина, предъявляя к ним весьма жесткие требования, демократия не гарантирует определенности результатов. Вот в чем главный смысл широко признанной сегодня дефиниции демократии как *определенности процедур при неопределенности результатов* (Адам Пшеворский).

При демократии, опирающейся на *общественный договор*, институционализованы (установлены) процедуры, регулирующие конфликты и обеспечивающие относительную стабильность политической системы в целом: нормы, законы, правила игры, порядок функционирования структур (партии, упорядочивающие политическую борьбу, государственная бюрократия, исходящая из рационально-правовых критериев, и т.д.). Тем самым конкуренция за политические посты весьма строго обозначена, а правление является представительным.

Однако, учитывая право всех граждан на участие в принятии решений, последствия этих решений (исход выборов, возможность влияния на госчиновников всех рангов и т.д.) имеют непредсказуемый и временный характер (как в экономике — при рынке прибыль отнюдь не гарантирована). Политики, избиратели, партии, группы интересов, действуя в условиях состязательности, поставлены в неопределенное положение, ибо их будущее неизвестно, а настоящее подвержено переменам. Таким образом, *конкуренция при демократии ограничена, а определенность политических процедур сочетается с неопределенностью результатов.*

В неопределенности результатов состоит основная функциональная слабость демократии — в данной системе нет и не может быть органически присущих ей механизмов, полностью предохраняющих от прихода к власти авторитарных и тоталитарных группировок. Главные препятствия этому — в *демократической делиберации* (постоянной самокритике и самоочищении демоса, т.е. совокупности граждан), в вовлечении потенциальных противников демократии в политическую дискуссию, а тем самым — в демократический процесс ради их «обращения» в демократов. Такой проект по сути дела построен на стародавней идее о развивающейся природе человека.

Принцип демократической делиберации, позволяющий максимально полно учитывать разнородные интересы в политике, изменения в политической системе и окружающей ее среде, является фактором определенной нестабильности, уменьшение степени которой возможно при поддержании открытости и динамичности политического процесса в целом.

При всем многообразии возникавших в разное время и в специфических условиях конкретных демократических режимов, институтов и процедур политология позволяет обобщить их и сгруппировать в ряд институциональных схем или в совокупность организационных принципов. Подобную институциональную инфраструктуру (составные части устройства) современной демократии Р. Даль определял как полиархию, политический порядок, опирающийся на семь основных институтов, характеризующих действительные, а не номинальные права: выборные должностные лица, свободные и честные выборы, всеобщее право голоса, право претендовать на выборную должность, свобода слова, наличие альтернативных источников информации и независимость самоорганизации.

Общие рассуждения о современной демократии следует конкретизировать, рассмотрев *институциональные принципы полиархического режима* как одной из наиболее распространенных в мире демократий нынешних ее моделей. В самом обобщенном, наименее формализованном виде полиархическая инфраструктура институтов прежде всего делает упор на их общечеловеческой (гуманитарной) и политической значимости.

Правление большинства и уважение прав меньшинства. Демократические процедуры не просто предполагают, что принятие решений осуществляется на основе выявления предпочтений большинства лиц, *принимающих решения* (ЛПР). Это, по словам Аристотеля, общий для всех политических систем принцип. Для решений принципиального, конституционного характера, а также выбора общенациональных представительных органов и должностных лиц круг ЛПР практически совпадает с демосом как корпусом граждан, а тот — с основной массой взрослого дееспособного населения. Для остальных решений в зависимости от их характера и релевантности (то есть соответствия сути проблемы) по отношению к специфическим группам граждан (территориальным, корпоративным и пр.) происходит необходимое сокращение круга ЛПР и ориентирующегося на них демоса.

Это правило, однако, дополняется по меньшей мере в двух аспектах. Представительные органы и коллегиально работающие должностные лица действуют вполне автономно в рамках, определенных конституцией. Демос связывает их только процедурами выборов, вынесения наказов и получения отчетов о деятельности, а в отдельных случаях — и правом отзыва представителей. Кроме того, граждане и их политические объединения, которые оказались при каком-либо голосовании в меньшинстве, имеют возможность не только продолжать отстаивать свои интересы и предпочтения в рамках демократической делиберации. Они также располагают конституционными, как правило, гарантиями защиты от любых репрессий либо дискриминации. Лица, получившие санкцию на проведение политики, одобренной большинством, обязаны — в соответствии с демократической традицией — действовать так, чтобы мнения разных меньшинств каким-либо образом были учтены. В противном случае меньшинства (так называемые

миноритарные группы) могут поставить вопрос о «тирании большинства».

Правление большинства не обязательно приводит к решению, предпочитаемому им самим, к примеру, при более чем двух альтернативных вариантах, ни один из которых не поддерживается с явным преимуществом. Кроме того, большинство и его представители могут быть не информированными обо всех проблемах общества, известных меньшинству. Значит, чем надежнее защищены права и интересы меньшинства, тем эффективнее правление большинства, а сама демократия — более стабильна и приближена к политическому идеалу. Если права меньшинства не гарантированы демократическими установлениями, то почти наверняка группы большинства будут подавлять права отдельных меньшинств, как, к примеру, это было (и бывает) с афроамериканцами или индейцами в Латинской Америке. Потому Сартори определяет современную демократию как *систему правления большинства, ограниченную правами меньшинства*.

Итак, правление большинства — это 1) методика принятия решений, по которой при наличии альтернативных вариантов принимается решение, получившее наибольшую поддержку со стороны лиц, имеющих право принимать решения (ЛПР), или их представителей; 2) система правления, основанная на такой методике принятия решений.

С принципом правления большинства связано несколько проблем: 1) при наличии более двух альтернативных вариантов решения и в силу процедурных требований (например, принятие решения квалифицированным большинством позволяет меньшинству заблокировать его) поддержано может быть то, которое не пользуется абсолютным предпочтением большинства («парадокс голосования»); 2) большинство и/или его представители не всегда имеют достаточное представление о некоторых социально и политически значимых проблемах, что повышает роль компетентного в этих вопросах меньшинства (например, экспертов, профессиональных групп и т.п.) в процессе принятия решений; 3) правление большинства становится условием демократического правления и не деградирует в «тиранию большинства» при уважении и гарантировании законом и различными процедурами (например, пропорциональным представительством, судебными слушаниями) равных прав всех граждан, интересов меньшинства, однако даже при

их соблюдении сохраняется возможность конфликта между большинством и меньшинством.

Консоциативность представляет собой принцип организации власти, основанный на сотрудничестве в рамках сложившейся институциональной структуры политических элит, представляющих различные относительно автономные сегменты общества; соблюдение принципа консоциативности позволяет поддерживать достаточно высокий уровень «национального единства», а также добиться стабильности демократии в стране с «фрагментированной политической культурой» (Аренд Лейпхарт). Термин «консоциация» (группа общественного единения) изначально применялся для обозначения пресвитерианских организаций в Шотландии, а в политологии его впервые использовал Дэвид Аптер.

Консоциативность предполагает элитарный характер организации системы власти, а значит, ее эффективность зависит от готовности частей политической элиты к сотрудничеству, толерантности их лидеров и гибкости институциональной структуры межэлитного сотрудничества. Если эти условия отсутствуют, то неизбежен распад политической системы, который обычно сопровождается насилием (Ливан, Кипр, Югославия).

Принцип консоциативности положен в основу т.н. *консоциативной (общественной) демократии*, которая представляет собой альтернативную мажоритарной (т.е. опирающейся на большинство) форму демократии, являющуюся наиболее приемлемой для плюралистических (многосоставных, мультикультуральных) обществ, в которых особенно выражено разделение на сегменты (группы) по этническому, религиозному, идеологическому, региональному и др. признакам. Начало распространению термина положила книга Лейпхарта «*Демократия в многосоставных обществах*» (1977 г.).

Политический режим, основанный на такой форме демократии, отличается следующими характеристиками: 1) *разделение полномочий в сфере исполнительной власти* предполагает осуществление управления в виде большой коалиции представителей основных сегментов (групп) общества; 2) *коалиционность* означает, что решения, затрагивающие интересы всех сегментов общества, принимаются совместно их представителями, но вопросы, касающиеся только одного из них, решаются им самостоятельно (то есть речь идет о значительной

автономии сегментов), а институционально данный принцип чаще всего выражается в федеративном устройстве государства, хотя может иметь и нетерриториальное воплощение; 3) *пропорциональность* является основным принципом при реализации политического представительства, в т.ч. меньшинств, получающих таким образом возможность артикулировать (заявлять) и защищать свои интересы в назначениях на государственные должности и при формировании бюджета; 4) *право вето меньшинств*, участвующих в коалиции, заставляет учитывать их потребности при принятии важных решений.

Консоциативная демократия утверждается и эффективно функционирует при соблюдении ряда условий, среди которых — отсутствие в плюралистическом обществе абсолютно доминирующего сегмента; равное влияние основных сегментов; ограниченное (3–5) количество сегментов; наличие внешней угрозы, одинаково воспринимаемой всеми сегментами и т.д. Примеры относительно успешных консоциативных демократических режимов — Швейцария (с 1943 г.), Бельгия (после Первой мировой войны); частично консоциативные режимы — Канада, Австрия и др.

Политическое и правовое равенство граждан. Демократия — это цель. Ее образуют состояние, которое надо достичь, — политическое равенство, и принцип его достижения — правление большинства, считают Даль и Чарльз Линдблом. Таким образом, политическое равенство граждан — это одинаковые возможности в приобретении знаний и статуса, нужных для получения власти, равные права (голосовать, влиять на процесс принятия решений, баллотироваться на пост и т.д.), равный доступ к ресурсам власти.

Принцип политического и правового равенства граждан предполагает не столько отсутствие каких-нибудь индивидуальных привилегий (по признаку сословия, профессии, этноса, расы, конфессии, местожительства, родного языка, принадлежности к той или иной культуре, партии и пр.) или же, наоборот, аналогичных дискриминационных ограничений, но фактическое установление общегражданских стандартов политического использования *прав человека*. Любые ограничения на политическую деятельность могут быть установлены лишь на основе закона и только для особых категорий людей (главным образом, душевнобольных и осужденных преступников на период отбытия наказания). Иногда допускается цензовое

лимитирование, связанное, как правило, с урезанием прав на занятие выборных должностей (из-за срока проживания в соответствующей местности и т.д.). Святое для демократии *право* гражданина *выбирать* такие ограничения могут затруднить только косвенно, за счет сокращения круга претендентов на избираемую должность.

Легитимизация власти. Данный принцип предполагает, что система полиархии в целом и вписанные в нее «аристократические» (представительные органы, правительство) и «монархические» (президент) элементы подвергаются проверке и критике с помощью демократической делиберации, а также формальных процедур (референдумов, выборов, отзывов и т.п.). Более того, общенациональные выборы становятся симуляцией политического кризиса (государственного переворота), осуществляемого в строгих конституционных рамках и в соответствии с законом. Это позволяет снимать накопившиеся напряжения и противоречия, обновлять систему правления в целом на основе действительно складывающихся внутри корпуса граждан политических предпочтений. Элмер Шатшнайдер (1892–1971) высказался по данному поводу так: демократия — величайший инструмент социализации конфликта.

Представительный характер власти. Принцип представительства логически связан с легитимизацией. Предполагается, что граждане делегируют (передают) свои властные полномочия выбранному ими лицу, которое и осуществляет их от имени избирателей. Делегирование происходит главным образом в процессе выборов законодательной власти и высших должностных лиц государства и составляющих его территорий. Принцип представительства неизбежно видоизменяет конкретные формы участия граждан в политическом процессе. Он фактически исключает их прямое вмешательство в принятие государственных решений и, соответственно, стимулирует появление и распространение иных форм политического участия для осуществления индивидуальных или групповых интересов. Обычно это выливается в создание и развитие партий, общественных, профессиональных, религиозных и иных объединений, составляющих в совокупности инфраструктуру гражданского общества и предназначенных для выявления, объединения, выражения и реализации специфических требований.

Выборность властей является формой реализации принципа представительства. Ее закрепляют всеобщее избирательное право, свободные, тайные и регулярные выборы, образование партий для конкурентной избирательной борьбы, а также создание прочих разнообразных организаций, в частности лоббистских объединений или групп интересов. Последние призваны осуществлять взаимодействие между гражданами и легитимизированными ими властными институтами (правительство, представительные и административные органы и т.п.). Свободное соревнование политических сил в борьбе за голоса избирателей гарантирует, что власть не будет монополизирована какой-то одной группой. Именно это создает возможность реального выбора между политическими, экономическими и социальными альтернативами и, следовательно, определение основательности претензий конкурирующих политических групп и организаций. Действительно, только их состязание обеспечит наличие оппозиции и даст ей возможность соревноваться, выигрывать и приходить к власти. Точно по данному поводу высказался Адам Пшеворский: демократия — это система, при которой партии проигрывают выборы.

Выборы могут проводиться и не только в демократиях, но лишь демократические выборы отличаются *неопределенностью, необратимостью и повторяемостью*. Они являются неопределенными, так как до объявления результатов никто не может быть полностью уверенным в победе, необратимыми (результаты нельзя изменить и избранные представители займут посты на предусмотренный конституцией срок) и повторяющимися через утвержденный законом срок.

Итак, в полиархиях выборы всеобщие, свободные, равные (один человек — один голос), соревновательные (более одной альтернативы) и решающие. На выборах при недемократических режимах (если они проводятся) до 99 % (иногда чуть меньше) голосов получает правящая партия, а избирательный бюллетень содержит только одного кандидата от этой организации. При демократических режимах победитель часто получает менее 55 % голосов.

Во многих странах не только значительная доля мужского населения не допускалась к голосованию. До второй декады XX в. только Новая Зеландия (1893 г.) и Австралия (1902 г.) распространили на женщин право участвовать в национальных выборах: Южная Австралия сделала это в 1895 г., США — в

1920 г., Великобритания — частично в 1918 г. и полностью в 1928 г., Испания — в 1931 г. Во Франции, Италии и Бельгии женщины получили право голоса только после Второй мировой войны. В Швейцарии, где всеобщее избирательное право было предоставлено мужчинам в 1848 г. — раньше, чем где бы то ни было — женщинам оно не гарантировалось до 1971 г.

Лишь во второй половине XX в. гражданские права окончательно распространяются почти на всех, кто населяет территорию суверенного государства и обладает соответствующими данными: достиг определенного возраста (обычно 18–21 года), дееспособен и в состоянии воспользоваться своими правами. Только временные резиденты-иностранцы, граждане другого государства, не могут получить гражданских прав. Даже эмигранты становятся потенциальными избирателями.

Плюрализм и свобода политической деятельности. Современная демократия должна быть плюралистичной. Для разрушения плюрализма потребуются авторитарный режим и необычное насилие. Монизм — идеальная система для авторитаризма и не может быть идеалом для демократии, утверждает Даль. Сартори добавляет: плюрализм — лучшая основа, на которой принцип ограниченного большинства, уважающего права меньшинства, способен быть легитимизирован и сохранен.

Принципы плюрализма и свободы политической деятельности предполагают, что могут свободно разрабатываться и пропагандироваться любые политические взгляды и концепции, что граждане создают любые ассоциации с политическими целями. Какие-либо ограничения в этой области вводятся лишь по закону и относятся только к такой деятельности, которая создает угрозу безопасности граждан или предполагает насильственные действия, в т.ч. ориентированные на изменение существующих порядков (право демократии на самозащиту). При этом конкретные критерии ограничений на свободу политической деятельности давно уже являются в демократических обществах предметом острой дискуссии. Ведь для демократии лучшее средство самозащиты — вовлечение маргинальных и экстремистских группировок граждан в демократическую делиберацию.

Организационный и идеологический плюрализм современной демократии означает признание и поддержку существования многообразных самостоятельных по отношению друг к другу и к государству объединений с неодинаковыми,

подчас противоречащими целями. Суть современной плюралистической демократии — в признании этих различий не только реальными, но и естественными, не подлежащими нивелировке.

Изложенные принципы описывают основные сущностные признаки и характеристики демократии. Но можно подойти к ее определению, проанализировав отношения общества и власти, элиты и неэлиты, управителей и управляемых. Отсюда и вывод: демократия представляет собой такой способ организации власти, при котором общество имеет возможность на регулярной основе посредством юридически закрепленных ненасильственных процедур корректировать деятельность управителей, а также персональный состав правящей группировки и политической элиты.

Действительно, при любых режимах, в т.ч. авторитарных и тоталитарных, власть вынуждена прислушиваться к настроениям в обществе, менять свою политику, если она приходит в острое противоречие с интересами масс. В ином случае, как это подтверждает крах тоталитарно-авторитарных коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы в 1989—1991 гг., правящая верхушка рано или поздно оказывается вынуждена уйти с политической сцены или же носителей власти просто устраняют с помощью заговоров, переворотов либо мятежей. Однако в недемократических режимах способность власти к восприятию общественного мнения, как и адаптации к нему зависят от личностных особенностей лидеров или их окружения. Механизмы регулярной корректировки действий властных структур не встроены в бюрократическую систему, более того, они ей органически чужды. Поэтому такие изменения происходят лишь тогда, когда возникает острая кризисная ситуация, и элита осознает, что ее политические позиции, даже физическое существование находятся под угрозой. В итоге авторитарные и особенно тоталитарные режимы обречены на то, чтобы переходить от состояний относительно длительного застоя к острым кризисам, от последних — к исправлению политической и экономической стратегии, затем — снова к застою. Этот цикл из трех звеньев прерывается только распадом тоталитарного или авторитарного режима и налаживанием более эффективной организации власти, то есть демократии.

При демократической организации взаимодействия между обществом и властью появляется присущая только этой

системе неизбежность регулярного обновления правящей элиты и проводимой ею политики. Если такое обновление происходит в ненасильственных, жестко обозначенных и определенных правом формах, общество не подвергается потрясениям из-за периодических кризисов власти. Регулярная корректировка власти в демократических системах делает их относительно гибкими, восприимчивыми к технологическим и социальным нововведениям, что в итоге обеспечивает постоянный экономический прогресс. Это подтверждено историей: именно демократические страны Европы и Северной Америки в XIX–XX вв. оказались в авангарде форсированного технико-экономического развития.

4. Индексы и рейтинги демократии

В последние десятилетия понятие демократии все более широко используется в нормативном ключе. Наличие и степень развитости демократических институтов может рассматриваться, например, как критерий признания государства тем или иным международным сообществом. Но как определить степень развитости, зрелости демократии и демократических институтов? Можно ли представить себе некую более или менее точную шкалу, на которой страны можно было расположить относительно друг друга? Эти вопросы весьма важны для политиков: если методология построения такой шкалы признается экспертным сообществом, то положение на этой шкале той или иной страны может использоваться в качестве веского политического аргумента.

Для ученых же этот вопрос носит гораздо более глубокий характер. Возможность количественной оценки уровня демократии позволяет верифицировать большое число гипотез, в которых демократия выступает как зависимой, так и независимой переменной. Причем верифицировать их, используя точные количественные данные и методы.

Например, как взаимосвязаны демократия и качество жизни населения? Можно ли утверждать, что существует некий порог качества жизни, по прохождении которого вероятность отката от демократии существенно снижается? Являются ли развитые страны «типичными» или «исключительными» демократиями? Отвечая на этот вопрос, данные измерения демократии можно было бы сопоставить с теми или иными

показателями качества жизни, такими как ВВП, доход на душу населения, продолжительность жизни, уровень образования, смертность и т.п.

Другой пример, чрезвычайно важный для исследователей-международников. Одной из основополагающих теорий международных отношений является либерализм и нео-либерализм, допускающие, что поведение государства на международной арене в значительной степени определяется качеством его политического режима. Имея количественную фактуру, мы, в частности, можем верифицировать (или фальсифицировать) кантианскую гипотезу о том, что демократии гораздо в меньшей степени склонны к агрессивному поведению на международной арене по сравнению с автократиями: демократии не воюют друг с другом, а в конфликтах с автократиями являются скорее «жертвами», нежели инициаторами.

В западной традиции исследователей демократии, использующих количественные методы, можно разделить на два лагеря. Первый лагерь, представленный меньшинством, занимается разработкой количественных баз данных, разворачиваемых в историческую перспективу. Второй лагерь, представленный большинством, состоит из тех, кто использует базы данных для верификации своих гипотез, будь то гипотезы о «демократическом мире» в международных исследованиях или гипотезы о стабильности демократий в исследованиях политических трансформаций.

Объектом нашего внимания будут, в основном, представители первой «команды». Мы попробуем обозначить наиболее интересные и авторитетные проекты создания баз данных по проблемам демократии, показать их сильные и слабые стороны, а также рассмотреть специфические акценты, которые они делают в своих разработках.

Создавая базы данных, исследователи обычно ставят перед собой следующие вопросы:

Каковы эмпирические критерии измерения демократии?

Каким образом формализовать эти критерии? То есть как перевести сложные политические явления в формат количественных моделей, не упустив при этом из вида основных существенных характеристик изучаемых объектов?

Как учесть неформальные, внешне не наблюдаемые механизмы функционирования демократии?

Каким методам сбора данных и их обработки следует отдать предпочтение?

Попытки ответов на эти вопросы в рамках крупномасштабных глобальных сравнений были положены в 1960-х гг. в США. В этот период академическое сообщество проявляло повышенный интерес к использованию количественных методов, и с глобальными сравнениями связывались надежды на прорыв в исследованиях демократии. Однако впоследствии политологи и международники нередко стремились ограничить круг исследуемых случаев тем или иным регионом или группой, стремясь к большей детализации своих выводов, тогда как глобальные сравнения превратились в обособленный сегмент исследований. В настоящее время, достаточно динамично развиваются оба направления.

Следует отметить, что независимо от числа исследуемых случаев, прецеденты измерений демократии показывают тенденцию к применению комплексного подхода. Количественные модели, основанные на данных, скажем, электоральной статистики, часто сочетаются с применением экспертного знания. С одной стороны, такой подход оправдывается тем, что количественные измерения нередко расходятся с представлениями «здравого смысла». Они могут демонстрировать так называемые «отклоняющиеся казусы», уникальность и неестественность которых требуется пояснить экспертными комментариями. С другой стороны, он оправдывается тем, что очень многие проявления функционирования демократии не имеют непосредственного статистического выражения (за исключением электоральной статистики). Поэтому многие базы данных включают в себя большое число качественных признаков, которые кодифицируются в количественном формате. Если же базы данных составляются на основе экспертных опросов, то, как мы увидим далее, они все равно подразумевают количественное выражение: мнение экспертов стандартизируется и формализуется в числовом виде. Таким образом, независимо от того, фиксируются ли исходные параметры количественным или качественным путем, их обработка и обобщение носит количественный характер.

Переменные, которые отражают тот или иной критерий развитости демократии, обычно агрегируются в комплексные индексы, которые и призваны зафиксировать общий уровень демократичности той или иной страны. По результатам расче-

тов индексов страны ранжируются, что позволяет сравнивать их друг с другом, а также отслеживать изменения их позиций в рейтинге с течением времени.

Теперь попробуем рассмотреть основные прецеденты количественных измерений уровня демократии в странах мира. Сначала мы изучим проекты, построенных как универсальные сравнения – «Polity» («Полития») и проекты «Freedom House». Далее мы рассмотрим исследовательские проекты Тату Ванханена, которые реализуются им на протяжении довольно долгого времени и имеют очень четкое теоретическое основание (впрочем, теоретическая элегантность оборачивается серьезным редукционизмом). Мы уделим внимание и исследовательскому проекту Фонда Бертельсмана (Индекс трансформации Бертельсмана), который пока не занял место в числе «больших» проектов в терминах исторической глубины своих баз данных, но считающийся весьма перспективным источником количественных оценок.

Конечно, этими проектам далеко не ограничивается опыт количественных исследований демократии. Однако именно они пользуются наибольшим международным признанием и отличаются от большого числа политически ангажированных исследований.

Проекты «Polity». Организовал и возглавил первый проект «Polity» американский политолог Тед Роберт Гурр. Проект был направлен на сбор, индексацию и анализ данных о политических институтах и режимах независимых государств. В 1970–1990-е гг. реализация этой задачи осуществлялась в рамках проектов «Polity II» и «Polity III», хотя они и преследовали более конкретные цели. Помимо обновления страновой информации особое внимание уделялось процессам упадка авторитарных режимов и демократизации в Восточной Европе и Латинской Америке, а также динамике режимов третьей «волны» демократизации. Сейчас реализуется проект «Polity IV»¹ под руководством М. Маршалла. Исследования осуществляются Центром международного развития и управления конфликтами при Университете Мериленда совместно с Центром глобальной политики при Университете им. Джорджа Мейсона.

¹ <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity>

Главная цель исследований в рамках проектов «Polity» — выявление тенденций трансформации политических режимов в отдельных странах мира в динамике.

Единицами анализа выступают независимые государства, население которых составляет не менее 500 тыс. человек (на момент исследования). Тем самым происходит отступление от принципов универсального сравнения. Однако такое отступление вполне допустимо, так как разработчиков проекта интересуют страны мира как автономные политические системы (при признании в некоторых случаях значения внешних факторов), и в этом случае становится возможным исключение отдельных малых государств. Государства мира анализируются в достаточно широкой исторической перспективе: временные рамки последнего проекта начинаются с 1800 г.

Разработчики «Polity» исходят из признания эффективности сравнения даже в том случае, если анализу подвергаются формальные институты и режимные рамки, имеющие институциональное воплощение. Такой подход позволяет выявить ряд формальных режимных характеристик, общих для всех изучаемых случаев, стандартизировать и «замерить» эти характеристики, то есть выразить в количественной форме, а также проследить их изменения на протяжении длительного периода времени (вплоть до двух столетий) и тем самым обнаружить долгосрочные тенденции политического развития как в масштабах отдельных стран и регионов, так и в глобальной перспективе. В проекте учитываются также изменения политических режимов в условиях внешних и внутренних конфликтов.

Специфической чертой «Polity» является концентрация внимания исследователей на политических составляющих и факторах динамики политических режимов. Многие подобные исследования соотносят политическую динамику и перспективы демократизации с экономическими и социальными условиями (например, проекты Тату Ванханена), однако «Polity» представляет собой образец проектов, увязывающих перспективы политических режимов с особенностями политических институтов и структур.

Инструментарий анализа ориентирован, прежде всего, на описание и мониторинг состояния режимов (точнее, институциональных оснований) и их динамики, что отражается как на матрице исследования, так и на характере переменных.

Центральной категорией анализа выступает полития, понимаемая как определенное состояние политического режима, которое характеризуется соотношением автократических и демократических черт. Полития оценивается по шкале от -10 (самый высокий уровень автократии) до +10 (самый высокий уровень демократии). Финальный показатель политии рассчитывается на основе значений двух компонентов — демократии и автократии.

Демократия представляет собой переменную, показывающую общий уровень открытости политических институтов, и предполагает шкалу от 0 до 10 (где 0 — самое низкое значение, а 10 — самое высокое). Автократия представляет собой переменную, демонстрирующую общий уровень закрытости политических институтов, и также предполагает шкалу от 0 до 10 (со знаком «-»).

Демократия и автократия, в свою очередь, рассчитываются на основе переменных, описывающих различные черты политического режима (component variables). К таким переменным относятся:

1) механизмы рекрутирования представителей исполнительной власти: институциональные процедуры передачи исполнительной власти;

2) уровень конкуренции в процессе рекрутирования представителей исполнительной власти: степень использования выборных процедур при занятии должностей;

3) степень открытости процесса рекрутирования представителей исполнительной власти: возможности занятия должностей теми, кто не входит в политическую элиту;

4) ограничения в отношении исполнительной власти;

5) механизмы регулирования политического участия: развитость институциональных структур, обеспечивающих выражение интересов на политическом уровне;

6) соревновательность политического участия: возможности доступа в институциональные структуры с целью выражения своих интересов для тех, кто не входит в политическую элиту.

Указанные переменные были изначально сведены в три группы (concept variables):

1) рекрутирование представителей исполнительной власти рассчитывается на основе переменных 1, 2 и 3 из обозначенного выше списка;

2) ограничения в отношении исполнительной власти — идентичны переменной 4;

3) политическая конкуренция рассчитывается на основе переменных 5 и 6.

Для каждого изучаемого случая создается отдельный отчет, где указываются обобщенный индекс политики, показатели демократии и автократии, а также показатели по всем перечисленным выше переменным. Индексы политики рассчитываются на каждый год с 1800 г. (для государств, возникших позднее, — с момента обретения независимости).

Индекс политики является обобщенным показателем, по которому оценивается динамика политических режимов. В графическом изображении политической динамики индекс политики служит основанием для оси Y, а время, исчисляемое в годах, — для оси X. Колебания индекса политики во времени свидетельствуют о политическом изменении (сдвиг на 1–2 пункта) или политическом транзите (сдвиг на 3 и более пунктов).

Помимо общей тенденции, страновые графики фиксируют различные состояния режима, а также исторические события, которые связаны с открытыми конфликтами, конфронтацией, применением насилия (выделены определенным образом). На графиках также обозначаются даты смены режимов.

Описание страны, помимо количественных оценок, также включает в себя сведения об исполнительной (имя главы государства/правительства, дата и способ избрания, процент полученных голосов при избрании), законодательной (количество палат, принцип их комплектования, численность депутатского корпуса, процентное соотношение представленных в палатах фракций), судебной ветвях власти и дату принятия последней конституции. В случае многонациональных государств выделяются национальные меньшинства, находящиеся «под угрозой». К некоторым отчетам прилагается краткое описание политических режимов (по трем сводным группам переменных).

Серьезное достоинство подхода разработчиков «Polity» заключается в том, что этот проект открывает возможность анализа разнообразных политических режимов во всех независимых государствах мира (с населением от 500 тыс. человек и выше) в динамике. Используемые переменные отражают характеристики формальных институтов, что позволяет обеспечить непротиворечивость, проверяемость и однозначность

выводов². Кроме того, в анализ включаются такие переменные, которые выполняют сходные функции и имеют похожую структуру в большинстве изучаемых стран. Очевидно, что параметры функционирования таких институтов, как органы исполнительной власти или легислатура, гораздо легче поддаются операционализации, нежели «политическая культура» и т.п.

Не менее важным достоинством является временной ряд исследования. Анализ изменений режимов на протяжении двух столетий дает не только уникальную информацию о долгосрочных тенденциях, циклах и ритмах национальной, региональной и мировой политической динамики, но и придает выводам большую объективность. Оценка нынешнего состояния режима, нередко зависящая от политической конъюнктуры, привязана к долгосрочным тенденциям, которые могут служить серьезным основанием для ее подтверждения (или опровержения).

База данных «Polity» содержит богатый и легкодоступный материал, поэтому ею широко пользуются исследователи во всем мире.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что заложенная в проекте универсальность оборачивается абстрактностью переменных и выводов. Дихотомия «демократия — автократия» отражает лишь самые общие тенденции и векторы развития. Кроме того, «демократия» и «автократия» — слишком широкие понятия, имеющие множество разновидностей, которые в данном случае учесть просто невозможно.

Проекты «Freedom House». В начале Второй мировой войны в США стали появляться организации, нацеленные на борьбу с политикой изоляционизма. В их числе были такие структуры как «Ring of Freedom», «Fight for Freedom», «Committee to Defend America by Aiding the Allies». В 1941 г. перечисленные организации объединились в неправительственную некоммерческую организацию «Freedom House»³, инициатором и главным вдохновителем создания которой выступила супруга президента США Элеонора Рузвельт. Возглавил организацию Джордж Филд, также участвовавший в ее создании.

---

² Впрочем, отмеченная особенность имеет и некоторые ограничения: за фасадом формальных институтов могут скрываться реальные практики с совершенно иным, в том числе недемократическим, наполнением.

³ <http://www.freedomhouse.org>

Официальной целью «Freedom House» было провозглашено противодействие идеологии нацизма. Во время войны представители «Freedom House» активно взаимодействовали со СМИ, выступали с различными инициативами: например, для поддержки эмигрантов, за расовую интеграцию в вооруженных силах, создание ООН и т.п. С началом холодной войны «Freedom House» была переориентирована на борьбу с распространением коммунизма, ограничениями свободы, гражданских и политических прав, причем, как утверждают некоторые исследователи, непосредственную финансовую поддержку организации начали оказывать американские правительственные фонды (отсюда обвинения в том, что деятельность «Freedom House» велась «в интересах правительства США»). Впрочем, любые обвинения (иногда оправданные) в политической ангажированности в адрес «Freedom House» воспринимаются ее представителями и сторонниками чуть ли не как «покушение на свободу», «рецидивы холодной войны». Есть и другая крайность, выражающаяся в том, что значительный объем критических замечаний в адрес этой организации исходит из некоей «презюмции виновности» последней.

В настоящее время «Freedom House» позиционирует себя как «независимую неправительственную организацию, поддерживающую распространение свободы в мире», называет себя «ясным голосом демократии и свободы для всего мира». «Freedom House» не ассоциирует себя с Демократической или Республиканской партией США, поддерживает мирные гражданские инициативы в обществах, где свобода отсутствует или находится под угрозой. «Freedom House» противостоит силам, которые пытаются ограничить универсальное право людей быть свободными, и выступает «катализатором свободы, демократии и верховенства закона посредством аналитической деятельности, распространения своих взглядов и конкретных действий». Эти цели указаны в официальных документах «Freedom House».

Проект «Freedom in the World» («Свобода в мире»). В 1950-х гг. «Freedom House» приступила к реализации проекта «Balance Sheet of Freedom» («Баланс свободы»), который весьма поверхностно оценивал политические тенденции в странах мира с точки зрения их влияния на состояние свободы. В 1972 г. данный проект был расширен и получил новое название — «Freedom in the World» («Свобода в мире»). Методологию разработал

представитель Вашингтонского университета Рэймонд Гастил. Для ранжирования стран Гастил начал применять рейтинги политических прав и гражданских свобод, подразделяя рассматриваемые государства на «свободные», «частично свободные» и «несвободные». Результаты проекта стали публиковаться на ежегодной основе сначала в журнале «Freedom at Issue», а с 1978 г. — в виде отдельных книг⁴. В 1989 г. был существенно расширен штат экспертов, что позволило организации представлять более содержательные отчеты по странам.

В методологическом пояснении к проекту «Свобода в мире» отмечается, что стандарты в области политических прав и гражданских свобод, которых придерживается организация во всех своих проектах, прямо или косвенно зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека и «применимы ко всем странам и территориям, независимо от географического положения, этнического или религиозного состава населения, уровня экономического развития».

Попытка ранжировать страны по шкале от 1 (абсолютно «свободные») до 7 (абсолютно «несвободные») с использованием единой, но, вместе с тем, не принимающей во внимание локальные особенности методики, провоцирует критику и встречает сопротивление не только среди политиков, но и в академических кругах. Выставление первоначальных (используемых в дальнейшем для пересчета и шкалирования от 1 до 7) оценок от 0 до 4 по разноплановым вопросам в области политических прав и гражданских свобод можно охарактеризовать как выражение общего мнения группы авторитетных в своей области исследователей. В то же время это мнение не является универсальным, что признается представителями «Freedom House».

Рассматривая вопросы⁵, на которые, собственно, и отвечают привлекаемые организацией эксперты, необходимо прокомментировать некоторые из них. Так, в секции «Политические права» содержатся, в частности, такие вопросы: «Избирается ли глава правительства или другое высшее должностное лицо на свободных и честных выборах?»; «Избираются ли законодатели на свободных и честных выборах?»; «Являются

⁴ Версия за 2006 г. доступна на сайте <http://freedomhouse.org/template.cfm?page=15&year=2006>

⁵ <http://freedomhouse.org/template.cfm?page=35&year=2006>

ли справедливыми избирательные законы и избирательная система?». Очевидно, что трактовки «свободы», «честности» и «справедливости» могут зависеть не только от степени компетентности эксперта, но и от его политических установок и системы ценностей, что может обернуться необъективностью в оценке ситуации. Кроме того, формулировки некоторых вопросов являются потенциально спорными.

Для комплексного анализа и оценки ситуации в странах мира привлекаются десятки аналитиков и авторитетных научных консультантов. «Freedom House» признает, что в данном подходе присутствует доля субъективности, однако утверждает, что субъективность сглаживается процедурами ранжирования стран. Тем не менее ранжирование, базирующееся на восприятии привлекаемых исследователей, консультантов и штата «Freedom House», может привести (и зачастую приводит) к идеологизации рейтингов.

Для создания страновых отчетов, которыми сопровождаются сводные рейтинги всех стран и территорий мира, используются материалы прессы (как национальной, так и международной), данные неправительственных организаций, исследовательских центров (включая проводимые ими социологические опросы). Кроме того, авторы этих отчетов используют личные связи в профессиональной среде и посещают объекты исследования. Однако даже авторитетным экспертам, использующим все имеющиеся у них ресурсы для оценки ситуации в странах мира, крайне сложно выполнить поставленную задачу. Они несомненно знают «свои» страны, но интерпретация происходящего может оказаться политически ангажированной.

Проекты Хельсинского университета (под руководством Тату Ванханена). Учеными Хельсинского университета под руководством Тату Ванханена был осуществлен ряд проектов, результаты которых опубликованы, в частности, в книгах: «Возникновение демократии: сравнительное исследование 119 стран в период с 1850 по 1979 гг.»⁶ (1984 г.); «Процесс демократизации: сравнительное исследование 147 стран в период с 1980 по 1988 гг.»⁷ (1990 г.); «Перспективы демократии: исследование

⁶ Vanhanen T. The emergence of democracy: A comparative study of 119 states, 1850-1979. — Helsinki: Societas scientiarum fennica, 1984.

⁷ Vanhanen T. The process of democratization: A comparative study of 147 states, 1980-88. — N.Y.: Crane Russak, 1990.

172 стран»⁸ (1997 г.); «Демократизация в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран»⁹ (2000–2002 гг.).

Основная исследовательская задача заключается в поиске факторов, объясняющих, почему одни страны оказываются более демократичными, чем другие. Исследовательский коллектив полемизирует с широко распространенным тезисом о том, что факторы генезиса конкретных демократических систем могут не совпадать, и исходит из постулата о принципиальной возможности объяснения уровня развития демократии (демократизации) одним фактором, который бы не отрицал остальные независимые переменные, но выступал бы для них в качестве общего знаменателя. Этим фактором, по мнению Ванханена и его коллег, является распределение ресурсов в обществе. Центральная идея проектов базируется на предположении, что уровень демократизации зависит от степени распределения ресурсов.

Первоначально в качестве объектов исследования выступали все независимые государства. Однако в дальнейшем был введен ряд ограничений. Во-первых, из анализа были исключены страны с населением менее 100 тыс. человек, что было продиктовано трудностями сбора данных, а также их фактической зависимостью от других государств. Во-вторых, объектами анализа выступают только те страны, которые обладали независимостью на 1991 г. Указанные ограничения были введены во второй половине 1990-х гг. и учтены в работах «Перспективы демократии: исследование 172 стран», «Демократизация в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран». Кроме того, в поле зрения ученых были введены Тайвань и новые независимые государства Африки и Океании.

Центральная теоретическая идея проектов Ванханена вытекает из эволюционистской парадигмы изучения политики, которая включает в себя следующие допущения. Во-первых, существуют такие образцы человеческого поведения, которые сходным образом проявляются в сфере политики в разных на-

---

⁸ Vanhanen T. Prospects of democracy: A study of 172 countries. – N.Y.: Routledge, 1997.

⁹ Данное исследование было апробировано в рамках проекта «Демократия и мир: Северная модель». Его результаты были представлены на Конвенте Ассоциации международных исследований в Новом Орлеане (США) в 2002 г. и на Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки в Дурбане (ЮАР) в 2003 г.

циональных контекстах, то есть не могут быть нивелированы государственными границами. Во-вторых, политическая борьба за власть является формой общей борьбы за существование (в силу ограниченности ресурсов), концептуализированной в теории эволюции и естественного отбора Ч. Дарвина. В исследованиях Ванханена и его коллег эти допущения конкретизируются следующим образом. Борьба за власть (некое общее мерило в политической борьбе) осуществляется с целью доступа к ресурсам: чем больше власти, тем шире доступ к ограниченным ресурсам. И наоборот, чем больше ресурсов, тем большей властью обладают те, кто ими распоряжаются. Соответственно, если ресурсы сконцентрированы в руках одной группы, то она будет политически наиболее влиятельной. Если же ресурсы широко распределены между несколькими группами, то соответственно будет распределяться и власть. Отсюда следует особая интерпретация дихотомии «автократия vs. демократия»: автократия трактуется как ситуация концентрации ресурсов в руках одной группы, демократия — как ситуация рассредоточения ресурсов между разными группами. Демократия имеет место тогда, когда ресурсы распределены столь широко, что ни одна группа не способна подавлять своих конкурентов и выступать в качестве гегемона, удерживающего большую часть ресурсов. В работе «Демократизация в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран» это положение сопровождается тезисом о том, что чем в большей степени распределены ресурсы и чем выше интеллектуальный потенциал населения, тем более развитой является демократия.

Указанная зависимость считается универсальной, то есть присущей всем государствам, независимо от их хозяйственных, культурных, цивилизационных и других особенностей, которые или подчинены общей логике эволюционистской парадигмы изучения политики, или игнорируются.

Уровень демократизации как объясняемый феномен определяется через такие переменные, как конкуренция (Competition – С) и участие (Participation – Р). Показатель конкуренции — это процент голосов или мест в парламенте, полученных всеми партиями относительно партии-лидера (100 % минус доля партии-лидера). Показатель участия — это процент голосовавших по отношению к общему количеству населения (в рамках одних и тех же выборов). На основании показателей конкуренции и участия рассчитывается индекс

демократизации (ID), который вычисляется по формуле: $ID = (P \times C) / 100$. При этом в качестве обязательных для демократий вводятся формальные «нижние пределы»: 10 % — для P, 30 % — для C и 5 % — для совокупного ID. Если хотя бы один из таких «пределов» не достигнут, то полития не может считаться демократией. Что же касается итогового показателя ID, то он будет высоким только при условии высокого уровня обоих исходных показателей. ID рассчитывается за период с 1850 по 2000 гг. Подобная схема операционализации демократии остается практически неизменной во всех проектах Ванханена. Впрочем, в «Демократизации в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран» при расчете участия во внимание принимались также референдумы (их число и значимость в различных странах возрастают). Проведение одного референдума увеличивает уровень участия на 5 %, однако для отсеечения аномальных случаев предел «вклада» референдумов ограничен 30 %.

Что касается распределения ресурсов, выступающего в качестве объяснительного феномена, то для его операционализации выбраны переменные, которые могут применяться ко всем изучаемым случаям, хотя Ванханен и отмечает, что распределение ресурсов может включать в себя и другие переменные. Во всех исследованиях, кроме проекта 2000—2002 гг., выделяются следующие шесть переменных.

1) Уровень урбанизации (процент городского населения по отношению к населению в целом). Предполагается, что чем выше уровень городского населения, тем более диверсифицирована экономическая деятельность и больше число групп, имеющих доступ к экономическим ресурсам, а значит, тем в большей степени ресурсы распределены между различными группами.

2) Процент населения, не вовлеченного в сельскохозяйственную деятельность (несельское население). Предполагается, что высокая доля несельского населения свидетельствует о более диверсифицированной структуре занятости и, тем самым, о большем распределении ресурсов.

3) Количество студентов высших учебных заведений на 100 тыс. жителей страны. Данная переменная выступает индикатором распределения интеллектуальных ресурсов. Ванханен и его коллеги исходят из того, что чем больше доля студентов, тем выше уровень распределения интеллектуальных ресурсов.

4) Процент грамотных относительно общего числа жителей. Переменная используется для измерения распределения не интеллектуальных ресурсов вообще, а базовых и минимально необходимых интеллектуальных ресурсов. Чем выше процент грамотных, тем больше распределены базовые интеллектуальные ресурсы.

5) Доля семейных сельских хозяйств по отношению к другим формам владения сельскохозяйственными угодьями. Предполагается, что чем выше процент семейных хозяйств, тем больше распределены экономические ресурсы, основанные на владении или использовании сельскохозяйственными угодьями.

6) Степень децентрализации несельскохозяйственных экономических ресурсов. Предполагается, что степень распределения ресурсов прямо пропорциональна уровню их децентрализации. У Ванханена возникли проблемы с определением самой переменной, которая является значительно более сложной с точки зрения поиска адекватных статистических показателей, нежели приведенные выше. В качестве решения проблемы предлагается построение индекса децентрализации на основе нескольких переменных. Такими переменными выступают: а) роль государства в экономике: доля государственных предприятий в несельскохозяйственном производстве; б) роль иностранного капитала — доля предприятий с иностранным капиталом в производстве; в) роль частного сектора — доля в несельскохозяйственном производстве предприятий, принадлежащих крупным частным собственникам.

Указанные шесть переменных, отражающих различные аспекты распределения ресурсов в обществе, используются для расчета индекса властных ресурсов. Однако он не строится напрямую, путем простого объединения всех переменных, так как они различны по своему характеру. На их основе строятся промежуточные (секционные) индексы: 1) индекс диверсификации структуры занятости, вычисляемый на основе арифметической средней доли городского населения и несельского населения; 2) индекс распределения интеллектуальных ресурсов, вычисляемый на основе арифметической средней процента студентов и грамотных; 3) индекс распределения экономических ресурсов, в который включены такие переменные, как доля семейных хозяйств и степень децентрализации, с одной стороны, и процент сельского и несельского населения — с другой. Конечный

индекс — индекс властных ресурсов — рассчитывается на основе комбинации секционных индексов.

В проекте «Демократизация в 2000 г.: каузальный анализ случаев 170 стран» объяснительные переменные были несколько откорректированы. Доли городского населения и сельского населения были заменены показателем ВВП на душу населения. Была пересмотрена переменная децентрализации ресурсов, которая формируется из показателя уровня бедности, с одной стороны, и показателя концентрации ресурсов в руках меньшинства — с другой. Кроме того, в качестве индикатора интеллектуального потенциала государства был введен показатель национального IQ, отражающий средний уровень интеллектуального потенциала населения.

Следует отметить, что объяснительные переменные представляют собой не политические структуры, а социальные условия и конструкты (например, экономические структуры и условия, определяющие уровень централизации/децентрализации), которые чрезвычайно стабильны и труднее поддаются изменению, нежели политические структуры. Именно поэтому использование таких переменных считается более целесообразным.

Перечисленные переменные рассчитываются с 1850 г. (кроме степени децентрализации, рассчитываемой с 1980 г., а также национального IQ, используемого только после 2000 г.). Подобные временные рамки задаются, прежде всего, для выявления перспектив демократии в различных странах на основе тех отношений между зависимыми и независимыми переменными, которые были присущи им в прошлом. Предполагается, что более или менее устойчивые отношения, сложившиеся в прошлом, можно в определенной степени экстраполировать на будущее, выявляя тем самым перспективы демократии в каждой конкретной стране. В качестве одной из задач выдвигается измерение корреляции между зависимыми и независимыми переменными и анализ того, в какой степени отдельные страны вписываются в общую тенденцию таких отношений.

В «Перспективах демократии: исследование 172 стран» и «Демократизации в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран» задается внутренняя временная рамка — принципиальным считается период с 1991 г.

Ванханен и его коллеги выдвигают следующие гипотезы:

- 1) уровень демократизации находится в отношении позитивной корреляции с показателями распределения ресурсов;
- 2) для всех стран характерна тенденция к пересечению порога демократии при достижении приблизительно одного показателя индекса властных ресурсов.

Первая гипотеза проверяется посредством корреляционного анализа. Положительная корреляция должна быть относительно сильной (рассчитывается коэффициент значимости). Слабая или отрицательная корреляция опровергает гипотезу.

Вторая гипотеза проверяется посредством регрессионного анализа. Если страны не пересекают порог демократии при определенном показателе индекса властных ресурсов, то гипотеза опровергается.

Результаты корреляционного и регрессионного анализа показывают, что выдвинутые гипотезы в целом можно считать подтвержденными. В рамках последнего проекта уровень распределения ресурсов определяет уровень демократизации в большинстве рассмотренных государств (около 70 %). В то же время выделяется ряд случаев, которые противоречат выдвинутым гипотезам. Но число случаев, сильно отклоняющихся от гипотез, значительно меньше числа тех, которые отклоняются лишь в некоторой степени. Ванханен признает, что понятия «демократия» и «распределение ресурсов» далеко не исчерпываются теми переменными, которые используются в исследованиях. Отношения между этими феноменами могут быть более взаимосвязанными.

Подтверждается основная теоретическая посылка: широкое распределение интеллектуальных, экономических и других ресурсов благоприятствует демократии и ее развитию, тогда как концентрация ресурсов подрывает демократию и способствует устойчивости недемократических режимов.

Несмотря на очевидные достоинства, проекты Ванханена не раз подвергались критике за линейность и однонаправленность, за концентрацию внимания на одном факторе или на группе факторов, а также за сознательное игнорирование уникального исторического и политико-культурного контекста. Доказав, что уровень демократизации определяется распределением ресурсов, Ванханен и его коллеги не отвечают на вопрос, почему ресурсы в стране А распределяются не так, как

в стране Б, а следовательно, почему страна А демократичнее страны Б. Не получает объяснения и тот факт, что на определенных этапах истории некоторые страны типа Б были более стабильными демократиями, чем некоторые страны типа А. Для ответа на эти «неудобные вопросы», возможно, потребуется новый цикл исследований, в котором объясняемым феноменом будет выступать уже распределение ресурсов.

Индекс трансформации Бертельсмана. Фонд Бертельсманна был основан в 1977 г. Райнхардом Моном. На сегодняшний день это крупнейший в Германии частный фонд, который зарабатывает и курирует проекты, нацеленные на поиск решений актуальных проблем современности.

Главный и наиболее цитируемый проект Фонда в области исследования политико-экономических систем мира — индекс трансформации Бертельсманна¹⁰ (ИТБ). Целью исследования является сравнительный анализ уровня развития демократии и рыночной экономики, а также качества политического управления в 119 странах мира. Проект реализуется Фондом Бертельсманна совместно с Центром исследования прикладной политики, базирующимся в Мюнхене. В работе над ИТБ участвует междисциплинарная комиссия экспертов, в которую входят представители ведущих исследовательских институтов и университетов преимущественно Германии и Франции.

Непосредственным результатом проекта являются два обновляемых рейтинга, которые сочетают качественные оценки с количественными показателями развития государств, находящихся в стадии трансформации. ИТБ измеряет уровень развития демократии и рыночной экономики, а также качество государственного управления в каждой из рассматриваемых стран и его динамику за последние пять лет. Полученные результаты призваны способствовать совершенствованию стратегий политического управления трансформационными процессами, то есть результаты научных исследований служат основой для практических рекомендаций, позволяющих улучшить методы и способы управления, модели внешней поддержки трансформационных процессов и т.д.

Первый компонент общего индекса трансформации — статусный индекс (Status Index) — отражает степень продвижения 119 государств к демократии и рыночной экономике.

Наилучшие показатели имеют те страны, где наиболее эффективно функционируют институты демократии и рыночной экономики. Показатель каждой страны рассчитывается как среднее арифметическое двух числовых показателей, характеризующих прогресс в области политической трансформации и экономической трансформации. Успешность политической трансформации определяется на основе таких критериев, как суверенность, политическое участие, верховенство закона, стабильность демократических институтов, политическая и социальная интеграция. Данные политические критерии базируются на 18 индикаторах. При анализе экономической трансформации учитываются уровень социально-экономического развития страны, структура рыночных и конкурентных процессов, валютная и ценовая стабильность, уважение прав частной собственности, уровень всеобщего благосостояния, устойчивость экономической системы. Экономические критерии базируются на 14 индикаторах.

Второй компонент — индекс управления (Management Index) — оценивает качество управления, осуществляемого политическими акторами. Результат каждой страны для данного рейтинга рассчитывается на основе числовых показателей уровня и сложности управления. Уровень управления определяется на основе анализа таких факторов, как способность политических акторов к маневрированию и достижению консенсуса, ресурсная эффективность, взаимодействие с внешней средой. Уровень сложности высчитывается на основе 6 индикаторов: структурные условия, традиции гражданского общества, интенсивность конфликтов, уровень образования населения, экономические показатели страны и роль институтов.

Результаты проекта представлены в таких формах, как рейтинг, отчеты по странам, «Атлас трансформации» (специально разработанный способ визуализации результатов в сети Интернет). Кроме того, на их основе Фонд разрабатывает стратегические рекомендации для лиц, принимающих решения в «своих» странах. Для работы с молодыми представителями управленческой элиты и обмена опытом между ними Фонд Бертельсманна регулярно проводит конференцию «Transformation Thinkers», а также поддерживает специальный закрытый раздел для общения молодых управленцев на веб-сайте проекта.

Естественно, у всех этих проектов есть сильные и слабые стороны. В ряде случаев это многолетние сравнительные ис-

следования, с помощью которых собраны ценные базы данных. Методология расчета многих индексов и рейтингов регулярно уточняется и корректируется, что совершенно нормально для исследований такого масштаба. Это их «плюсы». Но остается вопрос — можно ли сложную, изменчивую и многомерную реальность современного мира адекватно измерить и понять с помощью используемых в подобных индексах и рейтингах изолированных одномерных шкал: «демократия — автократия», «свобода — несвобода», «свободная пресса — несвободная пресса» и пр.?

Кроме того, основой для составления многих индексов и рейтингов стран являются экспертные оценки. Строгие статистические базы данных используются гораздо реже, как правило, в нацеленных на научную строгость академических проектах, не рассчитанных на широкую публику (например, индекс демократизации Тату Ванханена служит инструментом поиска внеполитических факторов, определяющих уровень демократического развития). Экспертные оценки, с одной стороны, позволяют более детально и тонко учитывать специфику конкретных стран, но с другой стороны, при всех их достоинствах, они по определению потенциально не свободны от субъективизма и предвзятости. Нередко сказываются и вполне конъюнктурные политические мотивы, которые явно деформируют результаты сравнения стран¹¹.

5. Политический атлас современности

В совместном исследовательском проекте МГИМО (У) МИД России и Института общественного проектирования «**Политический атлас современности**» предпринята попытка сместить акценты в сравнительном анализе уровней развития демократии с экспертных оценок на количественные параметры. В частности, мы стремимся сделать преимущественный акцент на количественных данных, опирающихся на общепризнанные и релевантные для всех 192 стран мира информаци-

---

¹¹ Когда, например, Россия по показателям политических прав и гражданских свобод приравнивается к Алжиру, Анголе, Азербайджану, Бутану, Брунею, Камбодже, Оману, Пакистану, Руанде, Таджикистану, Того, ОАЭ. Не нужно приукрашивать сегодняшнюю ситуацию в России, как это делают некоторые ангажированные «политологи», но такая оценка, мягко говоря, некорректна.

онные источники (информационные базы ООН, ЮНЕСКО, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ВОЗ, Межпарламентского союза, СИПРИ, национальная статистика и др.). При этом мы сознаем, что полностью отказаться от экспертных оценок даже при таком подходе невозможно — и не нужно! Вместе с тем, мы стремимся минимизировать экспертную компоненту в информационной базе нашего проекта и разрабатываем специальные методики, чтобы (насколько это вообще возможно) исключить элементы субъективизма в оценках тех или иных политических явлений.

Мы не игнорируем и не отвергаем существующие подходы, напротив, по возможности стремимся учесть соответствующие разработки наших коллег. Наша цель при этом — разработать качественные и количественные инструменты сравнительного анализа, которые были бы адекватны сложности и противоречивости современной мировой политической реальности. Вот почему в проекте предпринимается попытка разработать многомерные модели сравнительного анализа политических систем и политических режимов. Повторим: мы делаем именно «атлас», а не «политическую карту» современного мира — многомерность современной политической реальности, множественность ее измерений требуют не просто набора условных «карт», обеспечивающих сравнительный анализ в отдельных плоскостях, но соединения этих карт в единый, *систематически* организованный продукт, отвечающий *системной* организации современного мира.

6. Исходные положения и общая методология

Приступая к работе над проектом, мы исходили из ряда положений принципиального характера, опирающихся на определенную теоретическую и эмпирическую аргументацию. Прежде всего, это признание того, что важным следствием неоднородности структуры современного мира является *разновекторный характер политического развития* в условиях современности. Это развитие одновременно отражают *различные модели и разнонаправленные траектории*. Данное обстоятельство становится все более явственным по мере углубления модернизации и перехода к ее современной фазе — глобализации. Достаточно, например, сравнить политические эволюции

посткоммунистических стран: в одних случаях происходит консолидация либеральных демократий западного типа, в других — упрочняются различные автократии новых, не ведомых ранее типов, в третьих — «пульсируют» разнообразные гибридные режимы и т.д. Разновекторность политического развития подтверждается в современном мире едва ли не повсеместно.

Другое следствие заключается в том, что в современном мире *нет и не может быть универсальных моделей развития*, одинаково пригодных для всех стран и народов, как бы этого кому-то ни хотелось. Даже нормативно «идеальные» образцы политического, социального и экономического устройства нельзя механически имплантировать в среду, которая к этому не готова (Афганистан и Ирак — последние яркие примеры несостоятельности такой будто бы привлекательной иллюзии). В современном мире растет многообразие вариантов и типов политического устройства, умножаются внутренние и внешние факторы, влияющие на конфигурацию национальных политических моделей.

Мы признаем, что конкретные траектории национально-го и глобального политического развития определяются как *«структурами»*, так и *«актерами»*, но при этом подчеркиваем его *«органический»* характер и, соответственно, *неэффективность попыток произвольной «имплантации» пусть даже нормативно «идеальных» политических структур и институтов в еще не готовое (не подготовленное) для них общественное «тело»*. Разумеется, это ни в коей мере не означает отрицания *«сквозных»* тенденций мирового развития (таких, например, как глобализация, локализация, транснационализация, демократизация и др.). Речь идет лишь о констатации того, что *современный мир не развивается и не может развиваться по каким-то одним, унифицированным образцам*.

Мировые политические процессы становятся все более разнообразными, *расширяется само пространство политического*. В результате мы сталкиваемся с множественностью измерений современной политической реальности и ее аналитических проекций. Их не знали ни наши отцы, ни наши деды, а тем более предыдущие поколения. Что это за новые измерения и сферы политического? Это, например, прогностика и планирование, то есть оценка возможностей и ресурсов развития, разработка кратко-, средне- и долгосрочных политических стратегий. Это также обеспечение интегральной безопасности, то есть сово-

купных условий существования государств и их граждан. Это, наконец, универсальная реализация суверенности государств и прав человека, управление демографическими и миграционными процессами, информационно-коммуникативное и научно-техническое обеспечение политических процессов, политика рационального освоения мирового океана, космического пространства, а также многое-многое другое.

Каковы же основные факторы, влияющие на положение отдельных политий в мире?

Прежде всего, это само *качество их государственности*, то есть уровень реальной (а не формальной) суверенности, независимости и самостоятельности в определении своей политики, способности государства обеспечить эффективное функционирование и воспроизводство политических, экономических, социальных и иных институтов. Второй фактор — *масштаб угроз и вызовов*, исходящих из внешней и внутренней среды и способных осложнить или даже поставить под вопрос эффективность и само существование конкретной государственности. Третий — имеющиеся у государства *совокупные ресурсы воздействия на международную среду* для решения своих национальных задач. Четвертый — *качество реализации государством своих социальных функций*, прежде всего жизнеобеспечения собственного населения. Наконец, место государства в мире зависит и от такого фактора, как имеющийся у него *институциональный потенциал для демократического развития* (прежде всего, традиции политической конкуренции, представительства, участия, ограничения исполнительной власти, соблюдения конституционных правил). Он отражает реальные возможности людей оказывать влияние на решение вопросов, которые затрагивают их интересы. Эти традиции в принципе могут зарождаться и в недрах недемократических режимов (см. политическую историю Великобритании, США, Франции и других «образцовых» демократий), но их институциональное наследие (как и социально-экономические, и культурно-политические, ценностные основы современной демократии) чрезвычайно важно для развития реальных демократических институтов и практик.

В соответствии с исходными теоретико-методологическими установками в рамках проекта была разработана взаимосвязанная система многомерных и комплексных индексов, которые в

совокупности характеризуют место того или иного государства в мире, его положение в структуре мировых взаимосвязей:

- 1) индекс государственности;
- 2) индекс внешних и внутренних угроз;
- 3) индекс потенциала международного влияния;
- 4) индекс качества жизни;
- 5) индекс институциональных основ демократии.

Одна из основных проблем определения значений индексов заключается в методике их расчета. Неприемлемым выступает вариант «механического» соединения нормированных переменных и расчет рейтингов стран по этим индексам, например, на основе вычисления среднего значения переменных. В этом случае не учитывается то, что переменные потенциально имеют разный «вес». Следовательно, результаты расчетов с приданием переменным одинаковых «весов» были бы не совсем некорректными.

В свете этой проблемы требовалась такая методика, которая позволила бы получать индексы с учетом разных «весов» переменных (параметров). В качестве такой методики был выбран *дискриминантный анализ*. В статистике дискриминантный анализ используется для выявления того, какие переменные разделяют имеющиеся случаи (у нас — страны) на две и более группы или какие переменные лучше предсказывают отнесение анализируемых случаев к той или иной группе. Эта процедура в некоторой степени сходна с многомерным дисперсионным анализом (MANOVA). Для двух групп дискриминантный анализ может рассматриваться также как процедура множественной регрессии¹².

Дискриминантный анализ заключается в следующем: на основании так называемой «обучающей выборки» осуществляется поиск линейной комбинации «весов» и исходных параметров, наилучшим образом характеризующих различия между группами стран. Сумма параметров, умноженных на их «вес», является дискриминантной функцией. Учет информации, содержащейся в наборе параметров, позволяет значительно улучшить разделимость стран на группы. Коэффициенты (веса) вычисляются так, чтобы максимизировать условное расстояние

¹² Папиорковский В.В., Папиорковская В.В. SPSS для социологов. — М.: ИСЭПН РАН, 2005. — С. 328-335; Наследов А. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. — СПб.: Питер, 2005. — С. 331-351. См. также: Дискриминантный анализ. — <http://www.statsoft.ru/home/textbook/modules/stdiscan.html>

между группами. В контексте нашего исследования процедура дискриминантного анализа была использована следующим образом.

Индексы (рассчитанные по ним рейтинги) предполагают размещение стран в определенном континууме. Этот континуум имеет два «полюса», например, страны с высоким качеством жизни и страны с низким качеством жизни. Остальные же страны размещены между этими «полюсами». Такую структуру имеет практически любой индекс (рейтинг). В рамках нашего анализа подобные «полюса» выступили теми двумя группами, на которые разбиваются страны. Для проведения данной процедуры и формируются «обучающие выборки» стран, являющихся эталонами одного и другого «полюсов». Процедура дискриминантного анализа при этом позволяет не только разбить страны на группы, но посредством расчета дискриминантной функции ранжировать их, то есть построить *рейтинг*.

Иными словами, применение дискриминантного анализа в нашем исследовании имеет свою специфику: традиционное назначение этого инструмента, заключающееся в разделении стран на группы, мы используем *не как цель, а как средство* расчета рейтингов на основе дискриминантной функции. Наряду с этим мы не отказываемся от задачи разделения стран на группы. Но она будет осуществлена на следующих этапах — в рамках применения метода главных компонент и кластерного анализа.

Алгоритм проведения расчета рейтинга стран по индексу методом дискриминантного анализа включает в себя, таким образом, следующие шаги:

выбор *параметров*, составляющих тот или иной индекс;
формирование «*обучающей выборки*»¹³;

¹³ Исходя из характера индекса, выделяются «страны-антагонисты», которые потенциально составляют «полюса» рассматриваемой проблемы. В «обучающую выборку» отбиралось приблизительно по 20 стран, принадлежащих к каждому «полюсу». Например, в случае индекса потенциала международного влияния выделяются страны, которые со всей очевидностью обладают наибольшим арсеналом ресурсов оказания влияния в «своем» регионе и за его пределами и активно его используют, и страны, которые являются наименее влиятельными, располагая «скромными» ресурсами оказания влияния. В то же время в обучающую выборку не включались страны с аномальными значениями (эти аномалии выявляются диаграммами Бокса-Дженкинса, основанными на статистических критериях). Например, в случае ряда переменных, входящих в индекс качества жизни, к таким аномалиям относится Люксембург, в случае параметров индекса потенциала международного влияния — США, с одной стороны, и малые государства, такие как Микронезия, Маршалловы Острова и т.п., — с другой.

расчет значения *дискриминантной функции* для каждой страны с учетом «весов» параметров;

формирование на основе значения дискриминантной функции соответствующего *рейтинга* стран мира. Такая процедура была осуществлена для всех пяти индексов.

В то же время научная задача проекта заключается не только в самом по себе рейтинговании стран по определенным заданным индексам, но в выявлении структуры внутренних взаимосвязей между индексами и на этой основе – *структуры взаимосвязей между различными группами стран*. Последнее необходимо для построения *классификации стран*. Индексы, таким образом, формируются не только для рейтингования стран мира, но и для эффективной группировки переменных.

Однако для дальнейшей классификации стран и выявления структуры их взаимосвязей полученные индексы имели серьезное ограничение: они оказались достаточно сильно коррелированными друг с другом. Это означает, что в той или иной степени они могли описывать одинаковые явления разными языками¹⁴. В свете этой проблемы следующим шагом в исследовательской стратегии стал поиск тех факторов (компонент), которые объясняли бы различия между странами и при этом были бы некоррелированными друг с другом.

Осуществление этого шага проводилось с использованием *метода главных компонент*. Этот метод позволяет установить такие комбинации переменных (индексов), выражающих существенные стороны (компоненты) изучаемых объектов, по которым они (страны) в наибольшей степени сходны или отличаются друг от друга. В нашем случае первая (далее вторая, третья и т.д.) компонента должна установить наибольший процент сходств и различий между странами в рамках определенных сочетаний индексов.

В принципе, метод главных компонент мог бы быть использован применительно ко всему набору переменных исходной базы данных проекта. Однако в силу чрезвычайно высокой разнородности используемых показателей, отражающих различные стороны функционирования изучаемых

---

¹⁴ Следует, однако, отметить, что если бы мы не ставили задачу многомерного анализа, изучение подобных корреляций могло бы стать самостоятельным предметом исследования с выделением какого-либо индекса в качестве зависимой переменной, а остальных индексов – в качестве независимых переменных.

стран, этот метод используется нами применительно к уже выявленным комплексам индексов — именно в этом состоит их инструментальная ценность. Мы, таким образом, применяем *двухуровневый подход редукции*: первый уровень — сведение переменных в индексы, второй — определение главных компонент уже на основе индексов. Благодаря этому достигаются две цели: нивелируется некоторая часть «статистического шума», что важно для эффективного применения математических методов, а также упрощается процедура политологической трактовки полученных результатов.

Общий алгоритм применения метода главных компонент подразумевает, во-первых, выявление компонент, «преобразующих» исходное пространство коррелированных координат размерности 192 (так как в исследовании 192 страны) к нескольким некоррелированным координатам (основным компонентам), определяющим различия между странами. В этом случае в редакторе SPSS страны и индексы транспонируются — меняются местами: страны выступают как переменные, а индексы — как многомерные измерения. Во-вторых, он подразумевает определение степени вклада значения каждого из индексов в значение координаты страны по каждой компоненте, что необходимо для содержательной интерпретации получаемых результатов. Это достигается путем расчетов, выполняемых в рамках метода главных компонент. В-третьих, осуществляется анализ структуры положения стран в пространстве главных компонент и изучение полученной структуры — как в виде проекций на условных плоскостях, образуемых попарно главными компонентами, так и в проекциях на отдельно взятые компоненты.

Для каждой из компонент можно оценить *вклад каждого индекса* (можно говорить о «весах» индексов в каждой компоненте), т.е. продемонстрировать, как рассчитывается координата страны по каждой компоненте. Это показывает, в какой логике та или иная компонента определяет структуру стран, их положение относительно друг друга. Если «вес» того или иного индекса в компоненте близок к «0», то его влияние в данной компоненте минимально. Значимы те индексы, которые образуют «полюса» компонент. Расчеты по всем компонентам позволяют увидеть то, как страны соотносятся друг с другом в одномерных (в рамках одной компоненты) и двумерных пространствах (плоскости, образуемые двумя компонентами). Мы

можем также проследить положение отдельно взятой страны по конкретной компоненте, а также выявить процент особенностей страны, который объясняется компонентой.

Следующий шаг исследовательской стратегии – группировка стран на основе координат в некоррелированных главных компонентах. Эта процедура осуществляется *методом кластерного анализа*. Кластеры образуют те страны, условное «расстояние» между которыми, исходя из их признаков, описанных компонентами, является наименьшим. Степень близости между странами в пространстве главных компонент рассчитывается на основании метрики Евклидовых расстояний, которые равны корню квадратному из суммы квадратов разностей между значениями одноименных переменных (в нашем случае – компонент), при помощи которых описываются страны.

Изначально мы имеем 192 страны, каждая из которых представляет собой уникальный случай (кластер). В ходе анализа возможно проведение кластеризации в диапазоне от 2 до 191 кластера. В результате с каждым новым шагом (возрастанием числа кластеров) кластеры включают в себя лишь все более близкие по характеристикам страны. С ростом числа кластеров выделяются все более однородные группы стран.

Характер крупных кластеров во многом определяется содержанием компоненты 1 (качество жизни vs. угрозы). Например, если разбить все страны на 10 кластеров, то среди них выделяются 2 крупных кластера: крупные кластеры образуют страны с высоким качеством жизни и низкими угрозами, с одной стороны, и высокими угрозами и низким качеством жизни – с другой. Влияние других компонент прослеживается, например, в очень быстром выделении в отдельный кластер влиятельных государств – США, Китая, России, Франции, Германии и др. По мере дальнейшего дробления эти кластеры приобретают более специфические черты, вплоть до превращения России и США, Китая, Индии и некоторых других стран в самостоятельные кластеры.

7. Индекс институциональных основ демократии

Разрабатывая индекс институциональных основ демократии, мы стремились, по возможности, избежать проблем,

которые можно обнаружить в большинстве известных универсальных сравнений демократий. Прежде всего, речь идет о недостатках *максималистского* и *минималистского* подходов к концептуализации демократии и ее операционализации.

В рамках максималистского подхода под демократией понимается не только форма государственного управления, но и общественное состояние в целом. Сторонники этого подхода нередко полагают, что демократическое общество, наряду с демократической формой управления, должно иметь и соответствующую политическую культуру, традиции, модели социального взаимодействия и т.п. Максималистский подход, таким образом, предполагает включение в концепцию демократии чрезвычайно широкого набора атрибутов. Это нередко приводит к размыванию предмета исследования, смешению понятий и субъективной оценке изучаемых случаев.

Попытки преодолеть эти недостатки часто выражаются в выборе исследователями минималистского подхода к демократии. В его рамках демократия рассматривается как система управления, в которой граждане делегируют свои права на осуществление политической власти через механизм выборов своим представителям¹⁵. Этот подход значительно сужает набор атрибутов демократии. Однако сведение таких атрибутов лишь к институту выборов приводит к тому, что признаки демократии можно обнаружить едва ли не в каждой стране мира.

Один из способов избежать недостатков обоих подходов заключается в *процедурно-институциональном понимании демократии* (как совокупности институтов и процедур) при условии, что эти процедуры *не сводятся исключительно к наличию выборов как таковых*. Операционализируя институциональные основы демократии, представители этой «средней» позиции, как правило, исходят из характеристики полиархии, данной Робертом Далем, в частности из совокупности институциональных признаков данного типа правления¹⁶:

1) Контроль над правительственными решениями относительно политического курса передан конституционным образом выборным должностным лицам.

¹⁵ Одним из основателей данного подхода считают Йозефа Шумпетера. Подробнее см.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995.

¹⁶ Подробнее см.: Dahl R.A. Democracy and its critics. — New Haven: Yale University Press, 1989. Русский перевод: Даль Р. Демократия и ее критики. — М.: РОССПЭН, 2003.

2) Выборные должностные лица избираются и смещаются мирным путем, при помощи сравнительно регулярных, справедливых и свободных выборов, в которых достаточно ограничены злоупотребления.

3) Практически все взрослое население имеет право принимать участие в этих выборах.

4) Большая часть взрослого населения также имеет право выступать в качестве кандидатов на официальные должности, за которые идет соревнование на этих выборах.

5) Граждане имеют эффективно обеспечиваемые права на свободное политическое самовыражение, включая критику должностных лиц, действий правительства, существующей политической, экономической и социальной системы и доминирующей идеологии.

6) Они также имеют свободный доступ к альтернативным источникам информации, не находящимся под монопольным контролем правительства или любой другой группы.

7) Наконец, они имеют эффективно обеспечиваемое право образовывать или вступать в автономные ассоциации (партии, группы интересов и др.), стремящиеся влиять на правительство, используя для этого конкуренцию на выборах и другие мирные средства.

Основные трудности этой «средней» позиции заключаются в нахождении показателей, адекватно отражающих названные критерии. Например, весьма размытым является вопрос о критериях и измерении свободного и справедливого характера выборов или «достаточной ограниченности» злоупотреблений.

Помимо недостатков максималистского и минималистского подходов, существует еще одна серьезная проблема, которую мы пытались избежать при построении индекса. Многие универсальные сравнения в определенной степени имеют *нормативный характер*, будучи основаны на сопоставлении ситуации в отдельных странах с некоей демократической моделью. Поэтому совершенно разные страны (например, США и Лаос) одинаковым образом сравниваются с этой *идеальной моделью (нередко недостаточно четко операционализированной)*, и в результате делается вывод о развитости/неразвитости демократии, свобод и пр. в той или иной стране.

Насколько содержательны полученные выводы? О чем они свидетельствуют? Какую картину политического мира от-

ражают? Должны ли (и могут ли) страны, находящиеся на *различных этапах эволюционного развития* и имеющие различный исторический опыт, оцениваться с точки зрения соответствия единой и универсальной модели идеальной демократии? А если должны (и могут), то зачем, для решения каких задач — познавательных или политических? Эти и многие другие вопросы возникают при знакомстве с большинством подобных исследований.

По сути, сравнивая страны, политические системы и политические режимы в соответствии с таким подходом, мы можем судить о степени соответствия различных демократических государств данной модели. Но было бы заведомо некорректно искать атрибуты современной демократии в недемократических государствах. Да и смысл тех или иных атрибутов демократии в странах, переживающих демократизацию, весьма неоднозначен. Таким образом, корректность универсального сравнения, основанного на сопоставлении всех стран с одной универсальной моделью демократии, может быть поставлена под вопрос. Преодолеть этот недостаток пытались авторы проектов «*Polity*». Однако одномерность предложенной ими шкалы (демократия-автократия) несколько ограничила плодотворность их попытки.

Существует и еще одно важное ограничение применения универсальной модели идеальной демократии в качестве инструмента сравнительного анализа. Как уже отмечалось выше, приступая к работе над проектом, мы поставили перед собой задачу при проведении универсального сравнения использовать доступные и универсальные строгие (имеющие статистическое выражение) данные для обеспечения сравнимости изучаемых государств и избежания субъективизма в оценках. Однако мы учитываем, что информация, получаемая с использованием строгих данных, может не в полной мере отражать все многообразие политической действительности. Например, применяя данные электоральной статистики, мы вряд ли можем много узнать о неформальных практиках и процедурах, распространенных в той или иной стране, о преобладании неформальных или формальных правил. Сложно оценить также и отдельные аспекты политического процесса. Строгие данные говорят об этом лишь косвенно.

Решением данной проблемы могло бы стать обращение к экспертным оценкам. Однако они нередко носят субъективный

характер, часто обусловленный ценностными ориентациями исследователей, а порой и их политической ангажированностью. Помимо этого экспертные оценки обладают еще одной особенностью, ограничивающей возможность их использования в универсальном сравнении. В идеале эксперты, оценивающие развитие демократии в тех или иных государствах по значительному набору параметров, должны быть серьезными специалистами по этим странам. Одновременно они должны быть достаточно хорошо знакомы с политической жизнью в других государствах, чтобы иметь основания для соотнесения своих оценок с иными реалиями. Подобная ситуация практически недостижима: либо знания эксперта имеют региональные или страновые ограничения, либо его знакомство с оцениваемыми странами носит недостаточно глубокий характер.

Приступая к разработке индекса, мы с самого начала старались, насколько это возможно, воздерживаться как от экспертных оценок, так и от сравнения различных стран с некоей идеальной моделью современной демократии. При этом мы исходили из того, что *демократия не конструируется произвольным образом*. Ее основания складываются постепенно *под влиянием особенностей национального развития*. Отдельные демократические институты и практики могут получать непривычное для нормативного взгляда наполнение, что отнюдь не свидетельствует об их ущербности. Опыт таких успешных демократий, как Индия и Япония, — наглядный тому пример. Для обеспечения универсального характера сравнения и учета существенных эволюционных и исторических особенностей тех или иных государств мы отказались не только от использования нормативных идеалов, но и от оценки характера и конкретных результатов демократического правления. Вместе с тем, мы пытались обнаружить в различных странах *общие минимальные основания демократического развития*, полагая при этом, что *подобные основания могут зародиться и развиваться и в рамках недемократических режимов или даже несовременных форм политической организации*.

Таким образом, индекс институциональных основ демократии включает показатели, характеризующие *наличие и степень развитости совершенно необходимых (но при этом недостаточных) оснований и условий для участия и контроля граждан над решением вопросов, затрагивающих их интересы*, то есть для возникновения и развития демократического правления.

В отличие от других многочисленных индексов демократии и свободы мы учитываем *не только характер и результаты функционирования институтов и осуществления тех или иных политических практик, но также и условия эффективного влияния граждан на решение важных политических вопросов, затрагивающих их интересы.*

Данный индекс учитывает также и *степень укорененности в обществе институционально-процедурных традиций, способствующих демократическому развитию: минимально конкурентных политических практик, ограничения исполнительной власти, политического участия, возможностей оказания влияния на формирование представительной власти, конституционности («игра по правилам») и др.* Формируя индекс, мы исходили из того, что сама длительность существования конкурентных и представительских практик, даже возникающих в рамках различных (зачастую недемократических) политических режимов и форм правления, непрерывность следования установленным правилам способствуют укоренению и совершенствованию этих практик и соответствующих институтов, укрепляют их и формируют потенциальные «точки демократического роста». Соответственно, страны с длительной историей функционирования подобных практик могут быть охарактеризованы как имеющие более развитые институциональные основания демократического правления.

В поисках минимальных институциональных оснований демократии мы опирались на два параметра, выделенных Робертом Далем: *соревновательность и включенность*¹⁷. При этом мы руководствовались ранним опытом формирования демократических институтов в различных странах мира, которые ныне, согласно критериям Даля, могут с определенной долей уверенности быть оценены как демократии.

Основываясь на понимании демократии как «режима с определенными процедурами и неопределенными результатами»¹⁸, мы исходили из посылки, что важным институциональным основанием такого режима является *конституционная преемственность*. При этом нами учитывались не

¹⁷ Подробнее см.: Dahl R.A. Polyarchy: Participation and opposition. — New Haven: Yale University Press, 1971.

¹⁸ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 28–33.

только сами факты нарушения конституционного порядка как таковые, но и их содержание, например, правовые и неправовые изменения, подрывающие демократические принципы (принципы срочности полномочий и смены правительства в результате выборов и т.п.). Мы учитывали и некоторые устойчивые правовые нормы, способные привести к фактической концентрации власти и подрыву конкурентности.

Наконец, мы основывались на опыте наших коллег, выявивших *положительную связь между парламентской формой правления и развитием демократии* (особенно на стадии становления «новых демократий») и определивших потенциальные опасности, которые несет *президентализм* демократии. Среди подобных опасностей наиболее важными являются те, которые возникают из-за несовпадения или совпадения политической принадлежности президента (или президента и правительства) и парламентского большинства¹⁹. В первом случае существует опасность возникновения резких разногласий между ветвями власти и неразрешимых конфликтов, которые препятствуют достижению соглашений и могут привести к смене режима на недемократический. Во втором случае появляется возможность поставить парламент под контроль президента и правительства, что ведет к подрыву демократического принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов.

Учитывая достоинства и недостатки существующих индексов демократии, индекс институциональных основ демократии составлялся на основе сочетания качественных и количественных переменных. Еще раз отметим, что выбранные нами переменные характеризуют основания двух базовых параметров демократического правления: соревновательности и включенности.

Возраст непрерывной минимальной электоральной традиции (1945–2005 гг.)

Возраст непрерывной минимальной электоральной традиции используется как показатель укорененности в обществе традиции конкурентных выборов. При этом мы полагаем, что наличие даже ограниченной конкуренции на выборах

¹⁹ См., например: Linz J.J. The perils of Presidentialism // Journal of Democracy. – Washington, 1990. – Vol. 1. – № 1. – P. 51–69; Mainwaring S., Shugart M.S. Conclusion: Presidentialism and the Party System / Ed. by Mainwaring S., Shugart V.S. // Presidentialism and Democracy in Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 394–439.

способствует укоренению практики конкурентных выборов. Для последующего развития демократических процедур наличие такой конкуренции благоприятнее, чем ее отсутствие. Чем дольше развивается эта традиция, тем прочнее основания для превращения ограниченной конкуренции в полноценную демократическую.

Данный показатель исчисляется как количество лет, в течение которых регулярно проводились минимально конкурентные выборы в ныне существующих государствах мира (с 1945 по 2005 гг.). В случае возникновения новых государств отсчет ведется с первых минимально конкурентных выборов. Гражданские войны, препятствующие волеизъявлению избирателей, перевороты и др. трактуются как нарушения регулярности, подрыв традиции. В этом случае отсчет ведется с момента первых конкурентных выборов после окончания войны или конфликта. Таким образом, одно из преимуществ данного показателя заключается в том, что он выступает не только «моментальным снимком» сегодняшнего дня, но отражает динамический аспект развития институтов демократии.

Основными источниками информации для заполнения базы данных по этому показателю выступают энциклопедия «Выборы во всем мире»²⁰, веб-сайт неправительственной организации «IFES» «Election Guide»²¹ и база данных проекта «Polity IV»²². К числу источников также относятся материалы по новейшей истории (в том числе из энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности»), сообщения международных информационных агентств и СМИ (для фиксации наиболее актуальной электоральной статистики). На основе электоральной истории проверяется факт непрерывного существования минимальной электоральной традиции в той или иной стране.

Характер (уровень) парламентской конкуренции

Параметр, характеризующий уровень конкуренции на парламентских выборах, используется нами как фактор, сви-

²⁰ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: Энциклопедический справочник / Сост. А.А.Танин-Львов. – М.: РОССПЭН, 2001.

²¹ <http://www.electionguide.org>

²² <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity>. По этой базе отслеживаются периоды нахождения страны в поле автократии, а также периоды внутренних и внешних конфликтов.

детельствующий о справедливости системы представительства, об отсутствии (или присутствии) доминирования отдельных политических сил в законодательных (представительных) органах власти. Данный показатель рассчитывается как процент мест, полученных в результате последних парламентских выборов всеми партиями в нижней палате парламента, за вычетом доли партии-победителя. К партии-победителю мы относим также устойчивые партийные альянсы типа ХДС/ХСС в Германии²³. Значение показателя рассчитывается на основе электоральной статистики.

Базовым источником выступает информационная база Межпарламентского союза «PARLINE Database»²⁴. Кроме того, использовались данные веб-сайта неправительственной организации «IFES» «Election Guide»²⁵.

Показатель уровня конкуренции на парламентских выборах применяется и в других универсальных сравнениях демократий. Однако некоторые исследователи не различают конкуренцию на парламентских и иных выборах (Т. Ванханен), что, на наш взгляд, некорректно, так как различные выборы могут иметь разное политическое значение, и конкурентность на них может объясняться различной совокупностью факторов.

Характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти

Характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти свидетельствует о возможностях различных политических сил участвовать в формировании исполнительной власти и влиять на определение и осуществление политического курса. Этот показатель рассчитывается как доля голосов, полученных проигравшими кандидатами в решающем туре президентских выборов (если формирование правительства зависит от президентских выборов) или как доля мест в парламенте партий, не участвующих в формировании правительства (если формирование правительства зависит от парламентских выборов). При условии отсутствия практики

²³ Именно как одну партию при учете количества партий предлагает рассматривать подобные альянсы авторитетный политолог Джованни Сартори. Подробнее см.: Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. — Cambridge [Eng.]; N.Y.: Cambridge University Press, 1976.

²⁴ <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>

²⁵ <http://www.electionguide.org>

формирования исполнительной власти в результате выборов показатель считается равным «0».

Основными источниками данных выступают информационная база Межпарламентского союза «PARLINE Database»²⁶ и веб-сайт неправительственной организации «IFES» «Election Guide»²⁷. Также используются данные веб-сайта «Parties and Elections in Europe»²⁸.

Похожий показатель, свидетельствующий о конкуренции при формировании исполнительной власти, также широко используется в зарубежных сравнительных исследованиях, включая проект «Polity-IV» и др.²⁹.

Включенность граждан в избирательный процесс

Включенность граждан в избирательный процесс (электоральная включенность) выявляет долю населения, которая имеет право участвовать в выборах. На показатель электоральной включенности оказывает влияние целый ряд объективных и субъективных факторов, однако главный среди них — принятие государством и реализация всеобщего избирательного права как инструмента, предоставляющего всем слоям населения возможность участия в политическом процессе. Без учета и использования всеобщего избирательного права резко снижается эффективность любых иных механизмов, направленных на повышение степени включенности населения в политический процесс.

Всеобщее избирательное право стало распространенной практикой и общемировым стандартом только в XX в. Аксиомой сегодня является то, что это право закреплено за индивидом с рождения, независимо от его пола, расы, этнической или классовой принадлежности, уровня грамотности или образованности. Поскольку всеобщее избирательное право сегодня является общемировым демократическим стандартом, мы измеряем показатель включенности населения в избирательный процесс, т.е. степень его участия в политической жизни на

²⁶ <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>

²⁷ <http://www.electionguide.org>

²⁸ <http://www.parties-and-elections.de>

²⁹ См., например: Arat Z. F. Democracy and Human Rights in Developing Countries. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1991; Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. — 1996. — Vol. 31 (2). — P.1–37.

самом доступном уровне — через голосование с целью формирования законодательной и исполнительной ветвей власти.

Существует ряд международных документов, закрепляющих всеобщее избирательное право в ряду основополагающих прав. К ним относятся Всеобщая декларация прав человека, Декларация ООН 1998 г. о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, Декларация тысячелетия ООН, а также целый ряд документов ООН, направленных на защиту и реализацию прав меньшинств, ликвидацию различных форм дискриминации, в которых говорится о необходимости осуществления меньшинствами в полной мере всеобщих прав и свобод, в том числе политических.

На уровне специализированных организаций подобный документ разработан, например, Межпарламентским союзом³⁰. Рассматриваемой проблематикой занимаются и региональные организации, в том числе ОБСЕ³¹ и Южноафриканское сообщество развития³².

На уровне национального законодательства тезисы о всеобщем избирательном праве и включенности граждан в избирательный процесс закреплены, прежде всего, в консти-

---

³⁰ В 1994 г. Совет этой организации принял Декларацию о критериях свободных и честных выборов, в которой говорится о праве каждого взрослого гражданина участвовать в выборах на недискриминационной основе, а также о других сопутствующих электоральных правах и свободах, правах и обязанностях государственных органов и служб. Подробнее см.: Declaration On Criteria For Free And Fair Elections. — <http://aceproject.org/ero-en/topics/electoral-standards/document.2006-01-11.8843283375/view>

³¹ ОБСЕ объявила волю народа, свободно и честно выражаемую посредством периодических и прозрачных выборов, основой власти и легитимности любого правительства. Подробнее см.: Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE. Copenhagen, 29 June 1990. — http://194.8.63.155/documents/odihg/1990/06/1902_en.pdf

³² Южноафриканское сообщество развития разработало и приняло в 2001 г. документ под названием «Нормы и стандарты выборов в Южноафриканском регионе», где со ссылкой на Всеобщую декларацию прав человека подтверждается статус избирательного права как права, которым человек наделяется при рождении. Помимо этого, в документе весьма обстоятельно говорится о различных этапах электорального процесса, начиная с регистрации избирателей и кандидатов, и заканчивая подведением итогов голосования. Подробнее см.: Norms and Standards for Elections in the SADC Region, Adopted by the SADC Parliamentary Forum Plenary Assembly on the 25th March 2001, Windhoek, Namibia. — http://aceproject.org/ero-en/regions/africa/regional-resources-africa/sadpcf_electionnormsstandards.pdf/download.

туции и в законах о выборах и порядке формирования органов представительной власти.

Хотя на сегодняшний день в мире, по сути, не существует единой правовой базы о выборах и их стандартах, международным сообществом на данном направлении прилагаются определенные усилия. Наиболее показателен пример Совета Европы, участниками которого разработан проект Европейской конвенции о стандартах выборов, избирательных прав и свобод. Впрочем, распространенным затруднением для международного, национального и прочих уровней законодательства является выработка общих критериев «справедливого», или честного, характера выборов. Мировое сообщество ввиду исторических особенностей, культурных факторов и прочих обстоятельств пока не в состоянии согласовать общие параметры «честности» и «справедливости», что негативно сказывается на эффективности исполнения уже принятых документов. Кроме того, это отражается на обоснованности различных научных исследований, включая индексы, рейтинги и описания стран.

В проекте «Политический атлас современности» показатель включенности граждан в избирательный процесс рассчитывается как соотношение размера избирательного корпуса и общей численности населения, при этом учитываются данные последних (до 2005 г. включительно) парламентских или президентских выборов. Данный показатель свидетельствует о том, какая доля населения страны имеет избирательные права. Несмотря на то, что борьба за расширение корпуса избирателей и равенство избирательных прав в целом была более значима для стран, влившихся в первую «волну» демократизации, чем для переживших последующие «волны», всеобщее избирательное право и включенность как можно большей доли населения в избирательный процесс остаются в числе базовых атрибутов современной демократии. В силу данного обстоятельства высокая доля избирателей по отношению ко всему населению может рассматриваться как одна из важных институциональных предпосылок демократии. Сходные показатели использовали и некоторые наши коллеги, осуществлявшие универсальные сравнения демократий.

Основными источниками данных выступают информационная база Межпарламентского союза «*PARLINE Database*»³³

³³ <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>

и веб-сайт неправительственной организации «IFES» «Election Guide»³⁴. Также используются данные национальной электронной статистики (при наличии пробелов в указанных выше источниках).

Доля женщин в нижней палате парламента

Значимая характеристика современной демократии — представительство интересов различных групп населения на политическом уровне. Традиции формирования таких возможностей в недемократических режимах — важная институциональная предпосылка демократии. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют в должной степени судить о представительстве религиозных, этнических, социальных, региональных и иных групп в законодательных органах власти всех стран мира. В качестве доступного показателя нами было выбрано представительство женщин в парламенте, измеряемое как доля женщин-депутатов в нижней палате парламента.

Представительство женщин в нижней палате парламента тесно связано с участием женщин в политической жизни в целом. Исследователи работают над аргументацией в пользу большего представительства женщин. Так, Мэриан Соер предлагает классифицировать доводы за увеличение доли женщин в легислатурах на три группы: законодательную, практическую и символическую³⁵. Законодательная группа основывается на предоставлении людям, независимо от пола, равных возможностей участвовать в политической жизни. Важность политического участия женщин и необходимости облегчения доступа к политической системе для них подчеркиваются в целом ряде международных конвенций и прочих документов: Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах³⁶, Конвенции о политических правах женщин³⁷, Венской³⁸ и Пекинской³⁹ декларациях, Платформе действий⁴⁰.

³⁴ <http://www.electionguide.org>

³⁵ Sawyer M. The Representation of Women in Australia: Meaning and Make-Believe // Parliamentary Affairs. — January 2002. — № 55 (1). — P. 5.

³⁶ <http://www.hrweb.org/legal/cpr.html>

³⁷ <http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/22.htm>

³⁸ [http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/\(Symbol\)/A.CONF.157.23.En?OpenDocument](http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/(Symbol)/A.CONF.157.23.En?OpenDocument)

³⁹ <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/declar.htm>

⁴⁰ <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/plat1.htm>

Ст. 7 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин⁴¹ призывает подписантов принять все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны и, в частности, обеспечить женщинам на равных условиях с мужчинами право:

а) голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться во все публично избираемые органы;

б) участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления;

в) принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны.

В рамках ООН рассматриваемой проблемой занимается Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который был учрежден в соответствии со ст. 17 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в целях наблюдения за осуществлением Конвенции. Ст. 21 уполномочивает Комитет выдвигать государствам-участникам ООН предложения и общие рекомендации. Комитет ежегодно проводит две сессии в Нью-Йорке.

Право избираться на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации во все установленные законом учреждения, требующие публичных выборов, а также занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом, впервые в рамках ООН было зафиксировано в Конвенции о политических правах женщин (ст. 2 и ст. 3). Право женщин на полное участие в политической жизни общества отмечается также в Декларации об участии женщин в содействии международному миру и сотрудничеству⁴².

---

⁴¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин принята в 1979 г., вступила в силу в 1981 г. См. подробнее: <http://www.un.org/russian/documen/convents/cedaw.htm>. К данной Конвенции в 1999 г. принят также Факультативный протокол. См. подробнее: <http://untreaty.un.org/English/notpubl/4-8-BR.htm>

⁴² См. подробнее: <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/convres/r37-63.pdf>

Очевидно, что политические права женщин закреплены во многих международных документах. Однако в реальности эти права реализуются не в полной мере ввиду многочисленных объективных и субъективных препятствий.

Практическая группа аргументов основана на том, что наличие женщин в политической жизни, в частности в качестве кандидатов на выборах в парламент, увеличивает потенциальную пользу от работы избранных депутатов. Кроме того, увеличивается электоральная база политических партий, сокращается дистанция между ними и избирателями. Высказывается также мнение, что женщины поднимают стандарты поведения парламентариев, в первую очередь этические⁴³.

Символическая группа аргументов сводится к трем посылкам. Во-первых, повышается статус женщин: общественность убеждается в том, что женщины играют важную роль как в частной, семейной, так и в общественной и политической жизни своей страны. Во-вторых, женщины-парламентарии являются образцами или альтернативами социальных ролей, поведения в обществе, выступают в качестве лидеров мнений. В-третьих, участие женщин в политической и парламентской жизни укрепляет легитимность соответствующих институтов. В вышеупомянутой Платформе действий подчеркивается, что участие женщин в процессе принятия решений является не только требованием простейшей справедливости и соблюдения демократических норм, но также выступает необходимым изначальным условием для учета интересов женщин. Некоторые исследователи полагают, что женщины эффективнее работают с гендерной проблематикой ввиду их интересов и опыта⁴⁴. Более того, исследование Межпарламентского союза, затронувшее 200 женщин-парламентариев в 65 странах, показало, что 89 % респондентов осознают особую ответственность за представление в парламентах интересов и потребностей женщин⁴⁵.

Очевидно, что участие женщин в парламентах необходимо для их адекватного функционирования. Такое участие отражает общественную структуру, что важно для оптимального демократического политического управления.

---

⁴³ Women in Politics: Voices from the Commonwealth / Commonwealth Secretariat. — London, 1999. — P. 5.

⁴⁴ Op. cit.

⁴⁵ Equal Opportunities Commission, United Kingdom. — № 24. — P. 7.

Основным источником данных выступает информационная база Межпарламентского союза «PARLINE Database»⁴⁶.

Отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти

Подрыв конкуренции путем продления полномочий главы исполнительной власти или отсутствие минимально конкурентных выборов главы исполнительной власти свидетельствуют о том, что в стране не выдерживаются важнейшие демократические принципы – срочность полномочий и ответственность правительства, формирование и смена правительства в результате регулярно проводимых выборов. При заполнении базы данных под отсутствием или подрывом конкуренции при формировании исполнительной власти понимались: отсутствие минимально конкурентных выборов главы исполнительной власти (безальтернативные «выборы» или отсутствие института выборов вообще), проведение референдумов о продлении полномочий действующего главы исполнительной власти или его предшественника, а также изменение конституции (или принятие новой) с целью продления полномочий.

Данный параметр введен с целью «отсечения» тех политических, в которых принципы выборности и срочности отсутствуют вообще или были де-факто ликвидированы действующим главой исполнительной власти или его предшественником. Данный параметр имеет серьезные ограничения, поскольку он не позволяет выделить страны, где институт конкурентных выборов был подорван другими способами, например, отстранением от участия в выборах наиболее опасных для инкумбента конкурентов, неравным доступом кандидатов к СМИ и т.п. Тем не менее, эти ограничения не должны вводить в заблуждение относительно ценности самого параметра: тот факт, что инкумбент допускает сомнительные с точки зрения избирательного законодательства действия, но не ликвидирует принципы выборности и срочности (хотя зачастую это сделать технически проще), говорит о том, что в политической системе институт выборов как таковой имеет ценность, и чем дольше он существует, тем выше вероятность того, что в будущем он будет функционировать должным образом. К тому же не следует за-

⁴⁶ <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>

бывать и то, что, несмотря на все ухищрения, инкумбент все же может потерпеть поражение.

Хронологические рамки ограничиваются настоящим главой исполнительной власти и его предшественником.

Основными источниками информации для заполнения базы данных по этому показателю выступают веб-сайт неправительственной организации «IFES» «Election Guide»⁴⁷, база данных проекта «Polity IV»⁴⁸ и энциклопедия «Выборы во всем мире»⁴⁹. К числу источников также относятся материалы по новейшей истории (в том числе из энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности»), сообщения международных информационных агентств и СМИ.

Сходный индикатор – выборность исполнительной власти – использовал в работе «Демократия и развитие»⁵⁰ Аксель Хадениус.

Нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд

Об отклонениях от принципа срочности и ответственности полномочий может свидетельствовать еще и нахождение у власти действующего главы исполнительной власти более двух сроков подряд. Далеко не во всех странах мира существуют формальные ограничения таких сроков. Очевидно, что при наличии развитых механизмов сдержек и противовесов, а также хорошо отлаженной системы юридической ответственности превышение двух сроков не подрывает принципы конкурентности, ответственности и сменяемости. Тем не менее, отсутствие такой нормы потенциально несет в себе угрозу монополизации власти одной группой.

Данный компонент индекса фиксирует фактическое исполнение полномочий действующим главой исполнительной власти (или его предшественником) более двух сроков подряд.

---

⁴⁷ <http://www.electionguide.org>

⁴⁸ <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity>

⁴⁹ *Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: Энциклопедический справочник / Сост. А.А.Танин-Львов. – М.: РОССПЭН, 2001.*

80 ⁵⁰ Hadenius A. *Democracy and Development*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

Основными источниками информации для заполнения базы данных по этому показателю выступают веб-сайт «Rulers»⁵¹, веб-сайт неправительственной организации «IFES» «Election Guide»⁵² и энциклопедия «Выборы во всем мире»⁵³. К числу источников также относятся материалы по новейшей истории (в том числе из энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности»).

Нарушения конституционного порядка (неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации и др.)

О стабильности (или нестабильности) правовых традиций, а косвенно и о верховенстве закона свидетельствуют нарушения конституционного порядка. Данный показатель основан на учете неконституционных смен власти (или попыток произвести таковые) в результате переворотов, гражданских войн, оккупаций и др.

В период откатов от демократии в результате первых двух «волн» демократизации именно эти причины неконституционной смены власти и установления недемократического режима были наиболее распространенными. Перевороты, в основном осуществляемые военными, как правило, приводили к установлению диктатуры. Гражданские войны и действия повстанческих движений нередко вели к кризисам государственности и конституционного порядка. Откаты от демократии происходили еще и в результате оккупации демократических государств недемократическими⁵⁴.

В контексте третьей «волны» демократизации эти причины приобрели иной характер. Изменилось «качество» военных переворотов: они все в меньшей степени пользуются поддержкой населения, что лишает их легитимности и социальной базы⁵⁵. В результате в период третьей «волны» число неудавшихся переворотов значительно превышает число удавшихся. Гражданские войны и восстания ведутся преимущественно на

⁵¹ <http://rulers.org>

⁵² <http://www.electionguide.org>

⁵³ *Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: Энциклопедический справочник / Сост. А.А.Танин-Львов. – М.: РОССПЭН, 2001.*

⁵⁴ См., например: Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 310–311.

⁵⁵ Там же. – С. 254.

почве этнических или религиозных конфликтов, а не на почве идеологии. Демократия и демократические ценности, как правило, не являются непосредственным предметом современных конфликтов. Радикально сократилось и число интервенций недемократических государств в демократические. Подобные интервенции пресекаются международным сообществом.

В то же время именно эти факторы, несмотря на изменение их характера, продолжают оставаться наиболее значимыми угрозами институтам демократии. Даже неудавшиеся попытки неконституционной смены власти в результате переворота, гражданской войны, внутреннего конфликта и интервенции могут оказывать существенное влияние как на сами институты, так и на политическую культуру и традиции.

Источники данных по этой переменной – материалы по новейшей истории с 1974 по 2005 гг. (на этот период приходится третья «волна» демократизации), в том числе из энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности», а также сообщения международных информационных агентств и СМИ (для фиксации последних событий).

Непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны

Данная переменная позволяет выделить «старые» демократии, т.е. государства, в которых демократическая традиция не прерывалась по внутренним причинам после Первой мировой войны и до настоящего времени. Они характеризуются, помимо прочего, наличием устоявшегося консенсуса относительно устройства политической системы и ее коррекции реформистским, а не революционным путем. Подобный консенсус, как правило, сосуществует с внутривнутриполитическим потенциалом, достаточным для поддержания законности и правопорядка внутри государства.

Иными словами, речь идет о выделении таких стран, которые обладали достаточными ресурсами, чтобы избежать коллапса демократии в результате внутренних кризисов, зачастую вызванных неблагоприятными внешними условиями (например, подобных ресурсов была лишена Веймарская Германия). Исходя из такого понимания непрерывности демократической традиции положительные значения получают те европейские демократии, которые были оккупированы Германией во время

Второй мировой войны, но быстро и органично восстановили демократические порядки после освобождения.

Значения показателю присваивались на основе политической истории стран мира с 1918 г. (используются материалы энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности»), что позволяет учитывать наиболее серьезные внутренние и внешние вызовы демократиям: Вторую мировую войну, довоенные и послевоенные конфликты, «откаты» от демократии и т.п.

Влияние парламента на формирование правительства

Упомянутые выше «угрозы президенциализма» были учтены в показателе, отражающем влияние парламента на формирование правительства. Он конструировался с учетом характера формирования правительства по результатам парламентских выборов: на базе парламентского представительства, с участием парламента в принятии решений о назначении главы исполнительной власти или на других основаниях. Параметры, характеризующие влияние парламента на формирование правительства, использовались и некоторыми нашими предшественниками. Однако наш показатель менее строгий. Он позволяет учесть факты влияния на формирование правительства и в тех случаях, когда кабинет министров во многом формируется главой государства (в том числе в странах, где глава государства не выбирается народом, например, в дуалистических монархиях). В данном случае факт влияния парламента (пусть и не определяющего) на формирование правительства может рассматриваться как шаг на пути к реализации принципа народного суверенитета и движения к демократии.

Основным источником данных по этой переменной выступают национальные конституции⁵⁶, главным образом,

---

⁵⁶ В целом выбор компонентов индекса демонстрирует наличие очевидной связи переменных как в «качественной», так и в «количественной» группах с конституциями, а также с институтами и практиками демократического правления. Например, электоральная традиция поддерживается (или даже определяется) конституционными традициями и обычаями, она вряд ли может систематически соблюдаться без «конституционного контроля». В связи с данным обстоятельством надо сделать замечание следующего рода. Большинство качественных переменных, составляющих индекс, учитывают не столько наличие определенных институтов и практик, сколько срыв их функционирования. Дело в том, что наличие демократических институтов и процедур декларируется всеми странами, которые характеризуют себя как демократические (такая характеристика может не быть подтверждена независимыми экспертами). Соответственно, явно выраженные срывы в их функционировании, нарушающие формальные конституционные нормы, — четкий признак «патологий».

разделы о полномочиях ветвей власти, принципах их формирования, нормах взаимодействия и др.

* * *

В целом, в отличие от других индексов демократии структура нашего индекса представляется более сложной, а параметры – более гибкими и универсальными. Кроме того, мы используем показатели, позволяющие выявить наличие и преобладание традиций, связанных с конкурентностью, которые сами по себе могут рассматриваться как необходимая предпосылка и компонент демократии.

В соответствии с методологией проекта, переменные индекса институциональных основ демократии были подвергнуты дискриминантному анализу с целью определения их реального «веса». Результаты анализа следующие (см. Табл. 1):

Таблица 1. «Веса» переменных в индексе институциональных основ демократии

Переменная	«Вес»
Характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти	0,68
Факторы укрепления/ослабления институциональных основ демократии: - непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны; - отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти; - нарушения конституционного порядка (неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации и др.); - нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд; - влияние парламента на формирование правительства.	0,66
Возраст непрерывной минимальной электоральной традиции (1945–2005 гг.)	0,51
Характер (уровень) парламентской конкуренции	0,49
Включенность граждан в избирательный процесс	0,48
Доля женщин в нижней палате парламента	0,19

Рейтинг стран по индексу институциональных основ демократии (см. Табл.2).

Лидеры рейтинга – *устоявшиеся демократии с долгими традициями парламентаризма и представительного правления* – Швейцария, Канада, Нидерланды, Дания, Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия, Швеция, Австрия, Бельгия и др. Их вполне логичный «противополюс» – Мьянма, Мавритания, Сомали, Судан, Ангола, Туркменистан, Эритрея, Джибути, Демократическая Республика Конго, Саудовская Аравия и др. Параметры данного индекса дают (в соответствии с современной политологической традицией) некоторые преимущества системам с высокой парламентской конкуренцией. Поэтому президентские демократии (например, США) в рейтинге располагаются несколько ниже, хотя их место сбалансировано другими параметрами индекса.

Страны, не относящиеся к «полюсам» рейтинга, внутренне очень *разнородны* – от Румынии, Литвы и Люксембурга до Узбекистана, Конго и Сирии. Среди них, с одной стороны, четко склоняющиеся к авторитарному «полюсу» страны, которые в существующих режимных рамках все же начинают приобретать институциональный опыт хотя бы минимальной конкуренции и представительства групп интересов, а с другой стороны, страны, несомненно, демократического выбора, но со своими специфическими в плане демократического развития проблемами.

Эти их особенности, как и соответствующие корреляции между индексами, свидетельствуют, в частности, о том, что *демократические основания национального развития историчны, они складываются из отдельных органичных «кирпичиков развития», а не конструируются в произвольном институциональном дизайне.* Демократия не приживается в ситуации высоких угроз, она практически не связана с потенциалом международного влияния страны, но если демократические основы получают развитие, одним из конкретных результатов является высокое качество жизни.

Россия в этом рейтинге – на относительно низком 93-м месте (5,2 балла из 10). Основания: непродолжительная демократическая традиция, невысокая конкуренция на президентских выборах, периоды нестабильности и попытки неконституционной смены власти в недавнем прошлом и др. По большинству параметров Россия уступает западным демо-

кратиям (от 10 до 6,85 баллов), но в принципе несопоставима и с любыми из недемократических режимов – от Грузии (1,8) и Ирана (1,8) до Сомали (0,02) и Мьянмы (0,0). Из постсоветских стран выше России в рейтинге – Литва, Украина, Латвия, Эстония, Армения, Молдова; ниже – Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Грузия, Таджикистан и Туркменистан.

Важно, однако, подчеркнуть, что Россия располагается в середине рейтинга. *Это – широкий спектр очень разных государств, политических систем и режимов, которые, конечно, не принадлежат к демократическим «образцам», но тем не менее обладают определенными институциональными основами демократии и ищут свои модели развития.*

Таблица 2. Рейтинг стран по индексу институциональных основ демократии

№	Страна	Балл
1	Швейцария	10,00
2	Канада	8,42
3	Нидерланды	8,38
4	Дания	8,35
5	Норвегия	8,29
6	Финляндия	8,23
7	Новая Зеландия	8,17
8	Швеция	8,12
9	Австрия	8,09
10	Бельгия	7,99
11	Ирландия	7,96
12	Исландия	7,53
13	Андорра	7,43
14	Израиль	7,41
15	Испания	7,36
16	Индия	7,35

17	Тувалу	7,33
18	США	7,30
19	Франция	7,25
20	Великобритания	7,12
21	Тайвань	7,09
22	Мексика	7,06
23	Австралия	7,02
24	Италия	7,02
25	Греция	6,98
26	Мальта	6,95
27	Хорватия	6,95
28	Венгрия	6,94
29	Аргентина	6,91
30	Доминика	6,85
31	Румыния	6,69
32	Литва	6,69
33	Люксембург	6,67
34	Республика Корея	6,62
35	Германия	6,60
36	Чехия	6,56
37	Коста-Рика	6,50
38	Сан-Марино	6,50
39	Монголия	6,48
40	Польша	6,47
41	Украина	6,46
42	Кабо-Верде	6,46
43	Япония	6,46
44	Португалия	6,44
45	Словения	6,43
46	Болгария	6,42

Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах?

47	Кирибати	6,42
48	Маврикий	6,35
49	Малави	6,31
50	Тринидад и Тобаго	6,26
51	Бразилия	6,25
52	Латвия	6,23
53	Сан-Томе и Принсипи	6,23
54	Сербия и Черногория	6,18
55	Гайана	6,18
56	Албания	6,09
57	Палау	6,07
58	Эстония	6,03
59	Вануату	6,02
60	Замбия	6,01
61	Словакия	5,98
62	Папуа – Новая Гвинея	5,92
63	Филиппины	5,91
64	Доминиканская Республика	5,90
65	Чили	5,88
66	Соломоновы Острова	5,88
67	Армения	5,86
68	Парагвай	5,86
69	Эквадор	5,83
70	Фиджи	5,83
71	Ямайка	5,82
72	Сент-Китс и Невис	5,80
73	Ливан	5,80
74	Суринам	5,77
75	Кипр	5,77
76	БЮР Македония	5,74

77	Самоа	5,72
78	Босния и Герцеговина	5,72
79	Шри-Ланка	5,69
80	Панама	5,69
81	Молдова	5,64
82	Гренада	5,59
83	Маршалловы Острова	5,57
84	Гондурас	5,53
85	Уругвай	5,52
86	Индонезия	5,44
87	Колумбия	5,43
88	Ботсвана	5,43
89	Лихтенштейн	5,43
90	Микронезия	5,38
91	Багамские Острова	5,36
92	Перу	5,35
93	Россия	5,24
94	Южная Африка	5,23
95	Нигер	5,22
96	Гватемала	5,21
97	Бангладеш	5,16
98	Сальвадор	5,16
99	Турция	5,13
100	Сент-Винсент и Гренадины	5,10
101	Никарагуа	5,09
102	Белиз	5,02
103	Боливия	4,99
104	Либерия	4,99
105	Сент-Люсия	4,98
106	Антигуа и Барбуда	4,92

Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах?

107	Барбадос	4,91
108	Таиланд	4,79
109	Мадагаскар	4,79
110	Лесото	4,74
111	Мали	4,73
112	Венесуэла	4,63
113	Камбоджа	4,59
114	Кот-д'Ивуар	4,57
115	Сейшельские Острова	4,51
116	Гана	4,42
117	Гвинея-Бисау	4,40
118	Нигерия	4,39
119	Сенегал	4,36
120	Кения	4,36
121	Тимор-Лешти	4,25
122	Науру	4,21
123	Афганистан	4,21
124	Эфиопия	4,03
125	Мозамбик	3,74
126	Сьерра-Леоне	3,73
127	Танзания	3,71
128	Намибия	3,66
129	Алжир	3,64
130	Малайзия	3,63
131	Того	3,53
132	Коморские Острова	3,53
133	Гамбия	3,52
134	Марокко	3,49
135	Азербайджан	3,46
136	Сингапур	3,43

137	Зимбабве	3,39
138	Камерун	3,27
139	ЦАР	3,20
140	Гаити	3,08
141	Ирак	3,03
142	Буркина-Фасо	2,93
143	Чад	2,92
144	Бурунди	2,90
145	Габон	2,79
146	Бенин	2,77
147	Руанда	2,68
148	Пакистан	2,45
149	Белоруссия	2,23
150	Монако	2,21
151	Египет	2,21
152	Казахстан	2,10
153	Тунис	2,10
154	Кыргызстан	2,10
155	Кувейт	1,99
156	Уганда	1,96
157	Сирия	1,91
158	Конго	1,91
159	Узбекистан	1,87
160	Грузия	1,79
161	Иран	1,76
162	Иордания	1,64
163	Гвинея	1,60
164	Бутан	1,57
165	Мальдивские Острова	1,43
166	Экваториальная Гвинея	1,42

Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах?

167	Непал	1,41
168	Бахрейн	1,39
169	Лаос	1,33
170	Тонга	1,31
171	Йемен	1,14
172	Таджикистан	1,05
173	Оман	1,02
174	Свазиленд	0,94
175	Катар	0,82
176	Куба	0,72
177	Вьетнам	0,70
178	Китай	0,69
179	КНДР	0,68
180	Ливия	0,65
181	Бруней-Даруссалам	0,64
182	ОАЭ	0,64
183	Саудовская Аравия	0,64
184	Демократическая Республика Конго	0,55
185	Джибути	0,41
186	Эритрея	0,04
187	Туркменистан	0,03
188	Ангола	0,03
189	Судан	0,03
190	Сомали	0,02
191	Мавритания	0,00
192	Мьянма	0,00

8. Корреляции между индексом институциональных основ демократии и индексами демократии других исследователей

В международной исследовательской практике, связанной с созданием тех или иных индексов, принято рассчитывать корреляции между вновь полученным индексом (точнее, рассчитанным на его основе рейтингом) с индексами (рейтингами) других исследователей по сходной проблематике. Более или менее высокий уровень корреляции говорит о том, что новый индекс находится в исследовательском «мейнстриме». Это значит, что рассчитанный по иной методике и с использованием иных переменных индекс (рейтинг) в той или иной степени отражает то положение вещей, которое отображается индексами (рейтингами) коллег. Учитывая то, что корреляция является высокой, но не абсолютной, новый индекс, подтверждая общую структуру картины мира коллег, отличается нюансами. Применительно к индексам демократии эти нюансы могут заключаться в различных оценках небольшого числа стран.

Если же корреляция нового индекса с индексами коллег низка, то это означает одно из двух: или совершен радикальный прорыв в понимании исследуемого феномена, или, что более вероятно, совершена ошибка в расчетах или подборе переменных. Например, если в новом индексе демократии КНДР, Иран и Вьетнам классифицируются как наиболее демократичные, а Великобритания, Швейцария и Германия как наиболее авторитарные, значит, допущена серьезная ошибка.

После расчета рейтинга стран на основе индекса институциональных основ демократии мы определили его корреляцию с рейтингами зарубежных коллег⁵⁷. В их число, с одной стороны, были включены индексы, которые формируются на основе строгих количественных или качественных данных (индекс демократизации Ванханена и индекс политики Гурра), а с другой стороны, более «политизированные» индексы, которые формируются на основе экспертных опросов (индекс политических прав и индекс гражданских свобод «Freedom House»).

Были получены *положительные результаты* — со всеми индексами коллег наблюдается достаточно высокая, но не аб-

⁵⁷ В данном случае использовался коэффициент Спирмэна.

солютная корреляция. Наши результаты близки к результатам коллег, но не дублируют их. *Отличия между индексами — в нюансах, применительно к некоторым странам (включая Россию).*

Таблица 3. Корреляции между «индексами демократии»

	Индекс институциональных основ демократии	Индекс политики Гурра	Индекс демократизации Ванханена	Индекс политических прав «Freedom House»	Индекс гражданских свобод «Freedom House»
Индекс институциональных основ демократии	1,000	0,863	0,862	-0,824	-0,820
Индекс политики Гурра	0,863	1,000	0,813	-0,903	-0,885
Индекс демократизации Ванханена	0,862	0,813	1,000	-0,803	-0,801
Индекс политических прав «Freedom House»	-0,824	-0,903	-0,803	1,000	0,951
Индекс гражданских свобод «Freedom House»	-0,820	-0,885	-0,801	0,951	1,000

9. Другие индексы для комплексного сравнительного анализа государств в проекте «Политический атлас современности»

Для целей комплексного сравнительного анализа государств их сопоставление и ранжирование по одному, даже такому нормативно значимому, как уровень демократии (в нашем случае — институциональные основы демократии), или даже несколькими отдельным параметрам недостаточно. По этой причине в проекте «Политический атлас современности» используются композитные индексы, которые состоят из параметров, характеризующих разные стороны существования государств.

Очевидно, что результаты комплексного сравнительного анализа с использованием индексов в значительной мере зависят от выбора параметров. Значит, необходимо выбрать те из них, которые позволят дать содержательное описание отличий государств друг от друга. И если количество государств, подлежащих анализу, ограничено, то число отличий неисчерпаемо. Соответственно, для реализации универсального сравнения мы вынуждены сконцентрироваться на небольшом количестве параметров, характеризующих все без исключения государства мира.

Ниже мы предложим краткое обоснование выбора конкретных индексов и составляющих их компонентов.

Индекс государственности. Современные территориальные государства существенно отличаются не только по своим размерам, географическому положению, мощи и месту в мировом сообществе, они живут по различным логикам и зачастую существенно отличаются друг от друга по своей природе. Хотя все они являются признанными членами мирового сообщества, только часть из них являются государствами в строгом смысле, или «государствами-состояниями» (англ. *the state*, нем. *die Staat*, франц. *l'État* и др.).

Типологически можно выделить три идеальных типа исходного формирования территориальных государств: 1) династическое образование «сверху», 2) консоциативное «снизу» и 3) корпоративно-сословное «сбоку». В реальных исторических образованиях происходит соединение всех трех типов, однако в ряде случаев некоторые из них получают преимущественное развитие: первый — во Франции и ряде германских политий, второй — в Швейцарии и Нидерландах, третий — в ряде германских и скандинавских политий. Некоторые политии — Англия, Швеция, ряд североитальянских политий — представляют собой примеры сочетания или смены различных типов. В результате уже ранний Модерн (конец Средневековья) дает большое разнообразие территориальных государств. Последующие этапы модернизации создают новые типы и модификации государственности.

В настоящее время в мире наряду с собственно государствами-состояниями существуют иные типы политий, выступающие в виде функциональных эквивалентов государств-состояний, которые усваивают, имитируют или симулируют различные черты современной государственности.

Они составляют едва ли не большинство суверенных членов мирового сообщества. Данные политики были признаны в качестве государств, поскольку логика сменявших друг друга международных систем настоятельно требовала закрепления территорий, вовлеченных в европейскую, международную, а затем и мировую политику, за суверенами как единственно возможными и законными типами политических акторов. Каждая новая система при своем расширении (колонизация) или усложнении (деколонизация) вовлекала все новых политических акторов, заставляя их принимать общие правила суверенитета и нормы международного права. Тем самым создавалась эволюционная, структурная и субстанциональная чересполосица форм и типов государственности.

Оказавшиеся в одном «клубе» членов ООН политики принадлежат к различным видам, типам или даже поколениям (ранним, относительно зрелым, очевидно зрелым и т.п.), что затрудняет универсальные сравнения. В то же время их длительное сосуществование и партнерство в «клубах» различных поколений международных систем (например, Европейский концерт, Лига Наций), а также связанное с этим более или менее систематическое и продолжительное воздействие внешних факторов на отдельные политики способствовало возникновению (имитации, симуляции и т.п.) и закреплению некоторых общих институциональных признаков. Данное обстоятельство облегчает универсальное сравнение. При этом лучше интегрированные в международные системы «долгжители» оказываются относительно более «сравнимыми», чем «новички», у которых комплекс «уникальности» проявляется резче и прямолинейнее.

Расширенная ретроспектива современной государственности охватывает почти пятисотлетний период модернизации. С этой точки зрения крайне важны исследования долгосрочных трендов развития и эволюционных форм политической организации вообще и современной государственности в частности. Зачинателями подобных исследований выступили Перри Андерсон, который в 1974 г. опубликовал две работы, посвященные трендам политического развития от античности к феодализму⁵⁸ и формирования абсолютистского государства⁵⁹;

⁵⁸ Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. — London: NLB, 1974.

⁵⁹ Anderson P. Lineages of the Absolutist State. — London: NLB, 1974.

а также авторы вышедшей в 1975 г. книги «Формирование национальных государств в Западной Европе»⁶⁰ Чарльз Тилли, Стейн Роккан и Сэмюэл Файнер. В дальнейшем значительный вклад в исследование формирования государств и государственности в Европе внесли Брайан Даунинг⁶¹, Хендрик Спрюйт, Томас Эртман⁶², Филипп Горски⁶³.

Принципиально новый взгляд на формирование современной государственности предложил Хендрик Спрюйт, который разработал концепцию прерывистого развития и борьбы за выживание между государством и его «соперниками»⁶⁴. Спрюйт отталкивался от факта наличия разных видов государств и сосуществующих с ними иных форм политической организации, взаимодействие между которыми рассматривалось аналогично борьбе видов в эволюционной теории.

В рамках проекта «Политический атлас современности» данный подход подвергается критическому переосмыслению: в фокусе нашего внимания не столько соревнование разных «видов» государств, сколько многообразные условия и способы ответа государств на внутренние и внешние вызовы, которые оборачиваются различными институциональными результатами.

Итак, как мы уже отмечали, систематическое и продолжительное воздействие внешних факторов способствовало возникновению и закреплению некоторых общих институциональных признаков в политическом строе соответствующих стран. К числу подобных признаков, помимо международного признания, относятся: 1) территориальность, включая демаркированность границ, их обустройство и развитость режима трансграничного перемещения; 2) монополия на принуждающее насилие и развитие связанных с нею структур обеспечения военной безопасности и административного контроля; 3) монополия на «чеканку монеты» и налогообложение; 4) контроль над основными ресурсами, необходимыми для

⁶⁰ Tilly Ch. (Ed.) The Formation of National States in Western Europe. — Princeton: Princeton univ. press, 1975.

⁶¹ Downing B.M. The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe. — Princeton: Princeton univ. press, 1992.

⁶² Ertman T. Birth of the Leviathan: Building States and Regimes in Medieval and Early Modern Europe. — Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.

⁶³ Gorski P.S. The disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe. — Chicago: University of Chicago press, 2003.

⁶⁴ Подробнее см.: Spruyt H. The Sovereign State and its Competitors: An Analysis of systems Change. — Princeton: Princeton univ. press, 1994.

обеспечения участия соответствующей политики в международной системе.

Помимо вышеуказанных существуют и другие широко распространенные признаки, к которым относятся: 1) конституции и, шире, конституционность; 2) система представительства и представительное правление, включая функционирование электоральных систем и практик; 3) конкуренция режима и оппозиции, включая формирование партий и партийных систем; 4) ответственность государственной власти за эффективное функционирование государства вкупе с развитием прав человека и гражданских свобод. Однако данные показатели не могут приниматься в расчет в силу их непригодности для целей универсального сравнения: они все еще адаптируются, имитируются, а то и поверхностно симулируются.

Разделение на весьма грубые, но фактически универсальные и на более существенные, но далеко не универсальные признаки государственности заставляет сосредоточить внимание при разработке индекса государственности на первой группе.

Индекс государственности используется для определения способности государства поддерживать свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи, то есть использовать свои прерогативы суверена.

Все сравниваемые между собой государства (члены ООН) формально равны и суверенны, однако степень их фактической самостоятельности и способности поддерживать свое существование различна. Одни государства (их не так уж много) в полном смысле независимы и самостоятельны в своей внутренней и внешней политике. Другие скорее зависят от иных государств и международного сообщества, нежели от собственных политических, экономических и прочих ресурсов. Иначе говоря, далеко не все формально независимые государства являются фактически самостоятельными, то есть не все государства используют свои прерогативы суверена.

В данном индексе объединены переменные, которые 1) являются наиболее универсальными (иначе говоря, доступными для подавляющего большинства стран), 2) имеют количественное и/или достаточно объективное качественное выражение, 3) касаются принципиально важных аспектов существования любого государства. В данной связи следует отметить, что некоторые из представленных ниже перемен-

ных сами по себе характеризуют качество государственности косвенно, однако в совокупности они дают более или менее объективное представление.

Компоненты, составляющие индекс государственности, могут быть условно разделены на две основные группы – *политические* и *экономические*.

К числу политических относятся переменные, которые фиксируют различные аспекты существования государства как политического образования: время существования суверенной государственности; внутренние конфликты: наличие и масштабы жертв; территориальное выражение внутренних конфликтов; влияние внутренних конфликтов на стабильность режима; наличие иностранных военных контингентов на территории страны; доля доминирующего этноса в структуре населения страны.

В группе экономических компонентов объединены переменные, которые фиксируют различные аспекты экономического функционирования государства: доля внешней помощи в валовом национальном доходе (ВНД) государства; внешняя долговая зависимость; отношение заявок на патенты резидентов и нерезидентов; режим привязки национальной валюты.

В соответствии с методологией проекта, переменные индекса государственности были подвергнуты дискриминантному анализу с целью определения их реального «веса». Результаты анализа следующие (см. Табл. 4).

Таблица 4. «Веса» переменных в индексе государственности

Переменная	«Вес»
Доля внешней помощи в ВНД государства	0,57
Влияние внутренних конфликтов на стабильность режима	0,45
Внешняя долговая зависимость	0,31
Время существования суверенной государственности	0,30
Внутренние конфликты: наличие и масштабы жертв	0,27
Отношение заявок на патенты резидентов и нерезидентов	0,27
Территориальное выражение внутренних конфликтов	0,22
Наличие на территории страны иностранных военных контингентов	0,16
Режим привязки национальной валюты	0,15
Доля доминирующего этноса в структуре населения страны	0,12

Индекс внешних и внутренних угроз. Проблематика угроз, вызовов и рисков⁶⁵ неизменно привлекает повышенное внимание политологов и международных экспертов, что обусловлено широкой распространенностью разнообразных угроз в современном мире, возможностью их материализации с соответствующими последствиями (от материального ущерба разного масштаба до гибели людей) и страхом перед ними, который испытывают люди.

Государства, различные социальные группы и другие «субъекты безопасности»⁶⁶ ищут способы противостоять угрозам, защититься от них, минимизировать возможные последствия. И в сфере практического применения, и в научной литературе понятия «угрозы» и «защита от них» неразрывно связаны, а собственно безопасность понимается как «состояние защищенности жизненно важных интересов... от угроз»⁶⁷.

Угрозы различаются по механизмам и источникам появления (например, если источники имеют внутрисоциальный характер, речь идет о внутренних угрозах), масштабам, характеру подвергающихся опасности интересов, и объекту — кто именно подвергается опасности (например, люди, государства, мировое сообщество и т.д.).

Первоначальное (или «традиционное») понимание угроз безопасности формировалось под воздействием международных конфликтов, гражданских и религиозных войн, бунтов, мятежей и их жестоких усмирений и было весьма наглядным и простым: угроза безопасности и угроза жизни имели облик гибели от копья, стрелы, меча и т.п., затем пули и более совершенных орудий войны. Конечно, источников угроз жизни гораздо больше (от голода и эпидемий до стихийных бедствий), но их

---

⁶⁵ Использование этих понятий в качестве синонимов приводит к тому, что утрачивается терминологическая четкость. Заметим, что понятие «риск» весьма широко распространено в экономике и означает, например, возможность потери чего-либо (доходов, рыночных позиций и т.д.). «Вызов» нередко понимается как «потенциальная угроза» (можно предположить, что такая угроза не является «прямой и явной» или «близкой»). См., например: Кулагин В.М. Международная безопасность. — М.: Аспект Пресс, 2006. — С. 8.

⁶⁶ Данное обозначение субъектов, ответственных за обеспечение безопасности, используется, в частности, в Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (с изменениями от 25 декабря 1992 г.). — http://svr.gov.ru/svr_today/doc04.htm

100 ⁶⁷ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (с изменениями от 25 декабря 1992 г.). — http://svr.gov.ru/svr_today/doc04.htm

причины долгое время не могли быть адекватно осмыслены, в то время как «рукотворные» угрозы всегда имели явный и однозначный характер. В этих условиях определение безопасности в военных, силовых терминах было вполне естественным.

Следует отметить, что создатели современных представлений о государстве Томас Гоббс и Джон Локк объясняли потребность в государстве необходимостью снижения угроз безопасности. Так категория угроз безопасности становится по существу одной из базовых для современной политической мысли.

Как решалась проблема определения объектов и субъектов безопасности в Европе на рубеже Нового времени? В XV–XVII вв. в военных терминах определялись угрозы безопасности суверена (государей и республик – Венеции, Флоренции, Швейцарии и т.п.), когда их источник находился вовне – другие суверены и изнутри – различного рода фронды. В обоих случаях в качестве главного средства защиты от угрозы и создания угрозы для других выступала военная сила. Что касается финансовых, демопопуляционных и прочих ресурсов, то они играли второстепенную роль, обеспечивая эффективную консолидацию главного и по сути единственного ресурса – военной силы (своей собственной или дружественной).

В течение XVII–XIX столетий, по мере усложнения институтов государства (европейского типа), происходит постепенное расширение понятия безопасности государства. Во-первых, внимание переносится с суверена как верховного властителя на всю инфраструктуру власти. Соответственно, угрозы отдельным ветвям власти и структурам управления начинают также восприниматься как значимые и требующие противодействия. Одновременно финансовые и хозяйственные ресурсы приобретают не только военное, но и общеполитическое значение.

Расширение сферы ответственности государства, включающей со второй половины XIX в. множество задач (в т.ч. задачу всестороннего обеспечения благополучия своих граждан), приводит и к расширению понятия «угрозы безопасности». Наряду со «старым» военно-силовым подходом формируется новый, который вовлекает в поле анализа факторы, имеющие мало общего с традиционным пониманием угроз безопасности. Тем самым постепенно формируется содержательно более широкое восприятие угроз и безопасности. Одним из следствий

глобализации стало то, что многие угрозы, вызовы и риски уже не ограничиваются национальными границами, их последствия приобретают (или могут приобрести) глобальный характер.

В докладе Программы развития ООН (ПРООН) «О развитии человека»⁶⁸ за 1994 г. предпринята попытка по-новому взглянуть на проблему обеспечения безопасности, перенести акцент с обеспечения *безопасности государства* («безопасность территории») на *безопасность человека* (англ. *human security*). Особо подчеркивается, что достижение благородных целей — мира, защиты окружающей среды, демократизации и соблюдения прав человека — невозможно без обеспечения безопасности человека (иначе говоря, безопасности в повседневной жизни, включающей защищенность от разных видов преступности, социальную защищенность и т.п.), которой можно добиться посредством *устойчивого развития* (англ. *sustainable development*), а не военной силой.

Составители доклада 1994 г. точно охарактеризовали проблему концептуализации безопасности человека: ее проще определить через то, чем она не является⁶⁹. Безопасность человека складывается из ряда компонентов и выступает в качестве «интегративного концепта», являющегося, по мнению авторов доклада, гораздо более широким понятием, чем «национальная безопасность». С одной стороны, она может быть определена как «свобода от страха и свобода от нищеты». С другой стороны, подобное определение плохо операционализуемо. Поэтому безопасность человека можно определить посредством фиксации угроз конкретным видам безопасности: *экономической* (гарантированный доход и жилье), *продовольственной* («физический и экономический доступ к продуктам питания»), *экологической* (состояние окружающей среды, доступ к воде и т.п.), *личностной* (защищенность от насилия со стороны «своего» государства; других государств; групп людей — насилие на этнической и др. почве; других индивидов и групп людей, занимающихся преступной деятельностью; защищенность от уличного насилия и преступности; защищенность женщин и детей от преступлений и плохого обращения, а также защищен-

⁶⁸ Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. — <http://hdr.undp.org/reports/global/1994/en>

⁶⁹ Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. — http://hdr.undp.org/reports/global/1994/en/pdf/hdr_1994_ch2.pdf. — P. 23.

ность личности от таких угроз как самоубийство, употребление наркотиков и т.д.), *политической* (соблюдение основных прав человека, политическая стабильность, отсутствие политических репрессий), а также *групповой* (межэтнический мир). Кроме того, безопасность человека должна учитывать *защищенность от угроз здоровью* (англ. *health security*) в виде эпидемий различных заболеваний и *доступность системы здравоохранения*. Все компоненты безопасности человека тесно взаимосвязаны: если угрозам подвергается один из них, в угрожающем положении оказываются и остальные⁷⁰.

Поскольку ряд угроз имеет глобальный характер, составители доклада 1994 г. делают вывод о том, что безопасность человека «неделима» и ее обеспечение возможно только в глобальном масштабе («глобальная безопасность человека»). Наиболее серьезные угрозы и вызовы глобальной безопасности человека в XXI в. связаны с неконтролируемым ростом населения, неравномерным распространением экономических возможностей, избыточной международной миграцией, деградацией окружающей среды, производством и распространением наркотиков, международным терроризмом.

Заявленная в докладе ПРООН 1994 г. задача переориентации в сфере международной и национальной политики на безопасность человека далека от полноценной реализации. Во-первых, окончательно не решены проблемы операционализации понятия, хотя эксперты соглашались с необходимостью его использования⁷¹. В целом имеется консенсус и относительно взаимодействия концепта безопасности человека с концептами национальной и международной безопасности: эксперты считают их взаимно дополняющими. Во-вторых, более широкое применение данного концепта на практике возможно при условии, что ведущие государства мира будут уделять больше внимания не традиционно понимаемой (военно-силовой) безопасности, а вопросам обеспечения безопасности человека, причем не только «у себя дома», но и в других странах.

В 2004 г. в ходе работы 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был представлен доклад Группы высокого уровня,

⁷⁰ Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. — http://hdr.undp.org/reports/global/1994/en/pdf/hdr_1994_ch2.pdf. — P. 34.

⁷¹ Обзор состояния исследований в данной области. См., например: King G., Murray Ch.J.L. Rethinking human security // *Political science quarterly*. — N.Y., 2002. — Vol. 116, № 4. — P. 585–610.

образованной по инициативе Кофи Аннана, «Более безопасный мир: наша общая ответственность»⁷². Создатели доклада придерживаются «более широкой, более всеобъемлющей концепции коллективной безопасности», выходящей за рамки традиционного понимания, они связывают проблематику безопасности, экономического развития и свободы человека. Авторы исходят из того, что «главными действующими лицами, которые борются со всеми стоящими перед нами угрозами — как новыми, так и старыми, — по-прежнему являются отдельные суверенные государства». Однако перед лицом угроз в настоящее время «ни одно государство не может опираться только на свои силы», поэтому «совершенно необходимы коллективные стратегии, коллективные учреждения и чувство коллективной ответственности».

В докладе угроза международной безопасности определяется следующим образом: это «любое событие или процесс, которые ведут к массовой гибели людей или уменьшению шансов на выживание и ослабляют государства как базовые элементы международной системы». Исходя из такого понимания, выделяются шесть блоков первоочередных угроз: экономические и социальные угрозы, включая нищету; инфекционные болезни и экологическую деградацию; межгосударственные конфликты; внутренние конфликты, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства; ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие; терроризм; транснациональную организованную преступность⁷³. Следует отметить, что подобная классификация угроз имеет четкие эмпирические основания и подтверждается международной и национальной статистикой.

Один из важнейших выводов доклада состоит также в том, что угроза какому-то одному государству представляет опасность для всех стран и неспособность государства к ее устранению может ослабить защищенность всего мира против других угроз.

Отмеченные выше обстоятельства были учтены при разработке индекса внешних и внутренних угроз в рамках проекта

---

⁷² Текст доклада размещен на официальном веб-сайте ООН — <http://www.un.org/russian/secureworld/index.html>

⁷³ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». — <http://www.un.org/russian/secureworld/a59-565.pdf>

«Политический атлас современности». Этот индекс используется для определения масштабов и интенсивности угроз и вызовов для государств мира со стороны внешней и внутренней среды. В первом случае речь идет об угрозах, имеющих внешнее происхождение (другие государства, международный терроризм, мировая экономическая система и т.д.); во втором — об угрозах, возникающих во внутренней жизни государств (внутренние конфликты, социально-демографические проблемы и т.д.). В данном индексе приведены наиболее распространенные угрозы и вызовы, с которыми в той или иной степени сталкиваются — или могут столкнуться — все государства современного мира и которые могут иметь корректное статистическое выражение. Перечень угроз был оставлен с учетом национальных и международных документов по проблематике безопасности, а также на основе анализа сообщений международных и российских информационных агентств и СМИ.

Вместе с тем, перечень угроз, объединенных в индексе, является ограниченным, что связано как с проблемами поиска и верификации информации, так и с требованиями универсальности. Ключевой проблемой в области поиска и обработки информации является отсутствие стандартизированных определений и методик сбора данных по многим угрозам⁷⁴. Как бы то ни было, при отборе конкретных компонентов индекса ставилась цель сбалансировать различные концепции безопасности, то есть учитывались как угрозы безопасности человека, так и традиционные угрозы национальной безопасности.

Все государства мира вынуждены отвечать на *различные комбинации* угроз и вызовов, в противном случае они могут прекратить свое существование в качестве суверенных субъектов (показательный пример — Сомали). То или иное государство может столкнуться как со *всеми перечисленными угрозами одновременно* (например, Афганистан, Эфиопия), так и с *отдельными* из них. Ответы на эти угрозы и вызовы могут различаться, но в целом в интересах собственного выживания и развития государства не могут их игнорировать. При этом бремя угроз может иметь *несовпадающие последствия* для разных государств. Так, имеются свидетельства, что сталкивающиеся даже с не-

⁷⁴ Информация по угрозам и их последствиям зачастую происходит из «некачественных», изначально не предназначенных для статистических целей источников. Неполнота информации может определяться как характером источника, так и характером угрозы.

большим количеством угроз государства оказываются несостоятельными в плане реагирования на них. В то же время в мире есть государства, которые вполне успешно «справляются» с весьма широким спектром угроз.

Наконец, рейтинг стран по индексу внешних и внутренних угроз рассчитывается при помощи дискриминантного анализа: составляющие индекс переменные *далеко не равноценны друг другу не только для отдельных стран, но и для всех стран мира вообще*. Наиболее существенной проблемой в рамках проекта является влияние на значимость параметров конкретных особенностей той или иной страны. Действительно, острая нехватка пресной воды значима для Чада или Саудовской Аравии, но не имеет значения для Норвегии. Угроза международного терроризма велика для США и Великобритании, но практически несущественна для Финляндии или Швейцарии. Цель «взвешивания» параметров требует определения среднего удельного веса значимости угроз для всех стран мира. Это означает, что «средний вес» того или иного компонента заведомо отличается от фактического «веса» для каждой отдельной страны с ее специфическими особенностями. Есть страны более или менее близкие к мировой медиане, а есть такие, которые отклоняются от нее весьма значительно. И все же задача определения именно «среднего веса» угроз принципиально важна, поскольку в рамках нынешнего этапа проекта «Политический атлас современности» осуществляются универсальные сравнения, нивелирующие специфику отдельных стран, но высвечивающие различия между всеми странами вообще и их группами в частности. Конечно, это оборачивается некоторой условностью результатов, полученных на данном этапе реализации проекта, хотя она неизбежна в любом универсальном сравнении.

Компоненты, составляющие индекс внешних и внутренних угроз, могут быть условно разделены на четыре группы: угрозы *территориальной целостности и политическому порядку*; *экономические* угрозы; угрозы *безопасности человека* (социально-экономические, социально-демографические угрозы); *экологические* угрозы и угрозы природных катастроф.

Угрозы, составляющие первую группу компонентов индекса, тесно связаны с традиционным восприятием безопасности. Соответственно, далее представлены *внешние и внутренние*

угрозы безопасности государства: наличие угрозы вооруженной агрессии (по оценке правительства); наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств; наличие угрозы терроризма; присутствие на территории страны нелегальных сепаратистских или антиправительственных движений; наличие в стране легальных сепаратистских движений; попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов.

В блок *экономических угроз* включены следующие угрозы: несбалансированный экспорт — преобладание одного/двух товаров в структуре экспорта (50 % и более); хроническое отрицательное сальдо текущего платежного баланса; зависимость от импорта энергоносителей.

Угрозы безопасности человека — другой важный компонент настоящего индекса, поскольку они призваны зафиксировать человеческое измерение безопасности, состояние защищенности не государства как такового, а его граждан. К числу настоящих угроз на данном этапе проекта относятся: проблемы недоедания или голода (недостаток рациона питания по нормам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (сокращенно ФАО — от Food and Agricultural Organization — ФАО); проблемы со снабжением населения питьевой водой; эпидемии ВИЧ/СПИД (более 1% инфицированных по данным Объединенной программы Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (UNAIDS)); сокращение численности населения; избыточная миграция (по оценке правительства).

На данном этапе реализации проекта *экологические угрозы и угрозы природных катастроф* в индексе представлены только одной переменной — размещение территории страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий.

В соответствии с методологией проекта, переменные индекса внешних и внутренних угроз были подвергнуты дискриминантному анализу с целью определения их реального «веса». Результаты анализа следующие (см. Табл. 5).

Индекс потенциала международного влияния. Данный индекс объединяет показатели, качественно или количественно характеризующие некоторые важные механизмы вхождения государств в мировую политику и экономику, их местоположение в системе современных международных политических, экономических, военных отношений.

Таблица 5. «Вес» переменных в индексе внешних и внутренних угроз

Переменная	«Вес»
Проблемы со снабжением населения питьевой водой	0,47
Присутствие на территории страны нелегальных сепаратистских или антиправительственных движений	0,39
Попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов	0,37
Проблемы недоедания или голода (недостаток рациона питания по нормам FAO)	0,30
Размещение территории страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий	0,27
Эпидемия ВИЧ/СПИД	0,20
Несбалансированный экспорт – преобладание одного/двух товаров в структуре экспорта (50% и более)	0,16
Наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств	0,16
Хроническое отрицательное сальдо текущего платежного баланса	0,14
Наличие в стране легальных сепаратистских движений	0,13
Наличие угрозы вооруженной агрессии (по оценке правительства)	0,13
Наличие угрозы терроризма	0,11
Избыточная миграция (по оценке правительства)	- 0,06
Зависимость от импорта энергоносителей	0,06
Сокращение численности населения	0,03

В конкурирующих теориях международных отношений и мировой политики, а также в реальной внешнеполитической практике не существует универсальных критериев силы/власти в международной системе. Если мир воспринимается как конфликтная анархическая среда, то приоритетное значение приобретают военно-силовые факторы (реализм и его модификации). Если конфликт не воспринимается как неизбежный, то набор составляющих силы/власти в международной системе будет, во-первых, гораздо шире и, во-вторых, приоритетное значение придается способности государств эффективно встраиваться в международные институты и режимы (либерализм и его модификации). Это обстоятельство предопределяет широ-

кий набор компонентов индекса потенциала международного влияния (не только «жесткая», но и «мягкая» сила⁷⁵).

Прежде чем перейти к описанию структуры индекса, необходимо уточнить ряд существенных обстоятельств, которые повлияли на его содержание.

Во-первых, следует определиться, что мы понимаем под терминами «международное влияние» и «потенциал влияния». Под «*международным влиянием*» в данном случае понимается способность государства вызывать изменения в поведении других государств, оказывать воздействие на международную среду в своих интересах (безотносительно к последствиям). «*Потенциал влияния*» — это совокупность самых разнообразных средств и ресурсов, которыми государство располагает для оказания прямого и непрямого, военно-политического и дипломатического, экономического, технологического, культурного, информационного и др. влияний.

Во-вторых, средств и ресурсов влияния в современном мире множество, однако в структуру индекса на данном этапе реализации проекта включены такие показатели, которые имеют более или менее *универсальный* характер, то есть теоретически любое государство может обладать указанными средствами оказания влияния.

В-третьих, данный индекс не измеряет реальное влияние как таковое (положительное или негативное с точки зрения обеспечения международной безопасности и стабильности), поскольку определяющие его факторы в разные периоды времени и в разных условиях могут оказаться реализованными не в полной мере, в том числе под влиянием тех или иных внутренних и внешних обстоятельств.

В-четвертых, факт обладания государством определенными средствами и ресурсами оказания влияния и даже их количественное превосходство (качество наличных ресурсов оценить в глобальном масштабе еще труднее, если вообще возможно) вовсе не означает, что государство способно преобразовать их в оптимальный способ действия в каждом конкретном случае для достижения конкретных интересов.

---

⁷⁵ См., например: Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — N.Y.: Public Affairs, 2004. Русский перевод: Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. — Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006.

Компоненты, составляющие индекс потенциала международного влияния, могут быть условно разделены на четыре группы: *экономический потенциал, участие в международных структурах, военно-силовой потенциал* и *«человеческий» потенциал*.

Первая группа компонентов индекса в самом общем виде характеризует размер национальной экономики и «вес» государства в мировой экономике. Эта группа в основном представлена следующими компонентами: долей в мировом валовом внутреннем продукте (в %) и долей в мировом экспорте товаров и услуг (в %).

В целом при оценке «веса» государства в мировой экономике упор был сделан не на поиск факторов обеспечения экономической мощи, а на результат их действия — на размеры ВВП и экспорта товаров и услуг. Если факторы могут не быть универсальными, то их следствия как раз универсальны и могут быть представлены в количественной форме для подавляющего большинства стран мира. Еще раз подчеркнем, что данные параметры являются минимально необходимыми, но все же недостаточными для характеристики национальной экономики.

Вторая группа компонентов характеризует участие суверенных государств в международных, внерегиональных организациях, которые составляют основу современного политического устройства мира или играют важные роли в мировой экономике и политике. Эта группа в основном представлена следующими компонентами, имеющими качественный или количественный характер: наличие статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН; доля взносов страны в регулярный бюджет ООН (в %); доля голосов страны при принятии коллективных решений Международного валютного фонда (в %); членство страны в Парижском клубе стран-кредиторов.

Как следует из представленных компонентов индекса, в сферу анализа попадают только три международные организации: ООН (Совет Безопасности), МВФ, Парижский клуб стран-кредиторов. Очевидно, что выбор только трех организаций крайне недостаточен (например, «Союз международных ассоциаций» [Union of International Associations], тесно взаимодействующий с ЮНЕСКО и ЭКОСОС, описывает в

«Ежегоднике международных организаций»⁷⁶ за 2005/2006 гг. более 30 000 «наиболее значимых», в том числе более 5 000 межправительственных, хотя их полное количество оценивается в 62 945⁷⁷), но они оказывают значительное влияние на мировую политику и экономику.

Компоненты третьей группы в самом общем виде характеризуют наличный военно-силовой и военно-технологический потенциал государства. Эта группа представлена следующими компонентами: военные расходы (в долларах США); численность регулярной армии (количество человек); наличие ядерного оружия; наличие истребительной авиации 4-го и/или 5-го поколений (50 и более единиц); постоянное размещение за рубежом значительных контингентов (более 500 военнослужащих) за исключением миротворческих миссий под эгидой ООН, операций коалиционных сил в Ираке и Афганистане (для «вспомогательных» стран коалиции).

Военно-силовой потенциал государства традиционно считался одним из важнейших компонентов мощи государства, а также средств обеспечения безопасности и достижения национальных интересов (особенно в периоды международных военных кризисов)⁷⁸.

Причины конкретных вооруженных конфликтов могут различаться; велико и число теоретических интерпретаций причин и целей войн как таковых⁷⁹. Классическое определение войны, многократно цитировавшееся впоследствии,

---

⁷⁶ Веб-сайт проекта «Yearbook of International Organizations»: <http://www.uia.org/organizations/volall.php>

⁷⁷ Подробнее см.: <http://www.uia.org/organizations/ybonline.php>

⁷⁸ Один из теоретиков реализма Г. Моргентау в работе 1948 г. «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» писал: «В международной политике военная сила как угроза или потенциал – важнейший материальный фактор, обеспечивающий политическую мощь государства».

⁷⁹ Для обзора таких интерпретаций см., например: Waltz K.N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. – N.Y.: Columbia University Press, 2001. Является переизданием книги 1959 г. В данной работе Уолтс, считающийся классиком неореализма в международных исследованиях, рассмотрел представления политических философов и ученых о причинах возникновения вооруженных конфликтов и предложил трехуровневую классификацию этих представлений: 1) индивидуальный уровень, содержащий объяснения в терминах «человеческой природы»; 2) уровень наций-государств, содержащий объяснения на основе характеристик политических режимов; 3) уровень международной системы, содержащий объяснения в терминах распределения или баланса силы.

предложил Карл фон Клаузевиц в работе 1832 г. «О войне»⁸⁰: «Война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Не менее известно и другое его определение: «Война — не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что присуще войне, относится лишь к природе применяемых ею средств». С военной точки зрения превосходящий военно-силовой потенциал, все более многочисленные и совершенные орудия убийства повышают шансы на победу в войне, но не являются ее абсолютной гарантией.

Можно предположить, что именно подобная логика лежала в основе создания все более сложных и совершенных военных машин. Действительно, в большинстве военных конфликтов современности победа определялась способностью враждующих сторон обеспечить постоянное совершенствование и превосходство своих военных машин в ходе открытых столкновений. Соответственно, численность армий, их боеспособность и уровень управления выступали в качестве факторов обеспечения военного успеха. Однако совершенствование функционирования военных машин было возможно только благодаря развитой экономике, которая смогла бы «выдержать» растущие военные расходы, что было подтверждено глобальными конфликтами XX в., включая и холодную войну.

Многие политики, ученые и военные аналитики считают такие показатели уровня развития военных машин как военные расходы, численность регулярной армии, военно-технологический потенциал характеристиками «вчерашнего дня», поскольку современная структура мира отличается от предыдущих эпох (включая и период холодной войны), соответственно военно-силовой потенциал как таковой не играет прежней роли. Во-первых, в настоящее время отсутствует глобальная политическая и военная конкуренция, сформировавшаяся в конце XIX в. и просуществовавшая большую часть XX в. Более того, в арсеналах некоторых государств сохраняются разнообразные виды оружия массового уничтожения (ОМУ), в том числе ядерного, использование которого в вооруженном конфликте чревато уничтожением обеих конфликтующих сторон, что приведет к исчезновению института

⁸⁰ Подробнее см.: Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934.

победы. Во-вторых, угрозы безопасности приобретают все более разнообразный характер⁸¹, не связанный напрямую с угрозой межгосударственных конфликтов. Эти условно «новые» угрозы (источники их в прошлом, но они становятся все более серьезными по мере развития человечества) не менее, но, вероятно, даже более актуальны, чем классическая военная угроза, и требуют международного сотрудничества. Чем больше стран включено в такое сотрудничество, тем меньше у них поводов воевать друг с другом. Действительно, глобальное изменение климата и другие проблемы, связанные с деградацией окружающей среды, не могут быть остановлены ракетами, танками и т.п. В-третьих, государства все больше полагаются на совместную оборону и/или многосторонние меры безопасности⁸². В-четвертых, мир становится все более взаимосвязанным, и вооруженные конфликты в одной части мира могут угрожать интересам другой, поэтому все большее число стран заинтересованы в предотвращении такого рода конфликтов. Впрочем, данное обстоятельство становится причиной вовлечения ведущих государств в процессы предотвращения таких конфликтов или их разрешения, в том числе и военным путем. В-пятых, чем больше стран становятся демократическими, тем ниже число военных конфликтов между ними (теория демократического мира⁸³). В целом делается заключение, что значение индивидуальных военно-силовых потенциалов в настоящее время значительно снизилось. Таким образом, обеспечение безопасности и поддержание военно-силовых потенциалов превратились в несовпадающие задачи.

Тем не менее, количественные показатели военно-силовых потенциалов фигурируют в расчетах военных даже после окончания глобального противостояния СССР и США, и военные машины многих государств вслед за государствами, претендующими на статус ведущих глобальных или региональ-

---

⁸¹ См., например, доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm>. См. также: Buzan B., Waver O., and de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. — Boulder, Colo.: Lynne Rienner Pub., 1998.

⁸² Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. — М.: Праксис, 2004. — С. 118.

⁸³ Представлена такими авторами как И. Кант, Р. Арон, Б. Рассет, М. Дойл, Р. Руммель, В.М. Кулагин. Подробнее см.: <http://www.hawaii.edu/powerkills/VIBLIO.HTML>

ных держав, по-прежнему совершенствуются. Кроме того, серьезные опасения вызывают следующие факты: во-первых, военные расходы ведущих государств мира растут⁸⁴, во-вторых, во многих странах в последние годы завершается период падения объемов производства вооружений, начавшийся после окончания холодной войны⁸⁵, в-третьих, в странах, являющихся крупнейшими производителями оружия, все шире используются достижения науки и техники в военных целях⁸⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время, несмотря на вышеуказанные глобальные изменения, не следует игнорировать значение военно-силового потенциала и показателей, применяемых для оценки и сопоставления индивидуальных потенциалов. Вероятно, имеется своеобразный разрыв между нормативными ожиданиями и инерцией, присущей структуре мира и ее отдельным элементам (главным образом, ведущим державам мира). Иначе говоря, факторы, связанные с военно-силовым потенциалом и имевшие определяющее значение во времена глобального противостояния, сохраняют свое значение, пусть они уже и не определяют исчерпывающим образом статус государств в международной системе. Еще одной интерпретацией сложившейся ситуации можно считать то, что ведущие державы мира реагируют на угрозы и вызовы безопасности традиционным образом, поэтому, например, борьба с терроризмом и процессами распространения ОМУ ведется военным путем (операции США и союзников против талибов в Афганистане и против Ирака; предполагаемые планы США относительно использования силы для остановки ядерных программ Ирана и КНДР).

Компоненты четвертой группы параметров индекса потенциала международного влияния в огрубленной форме характеризуют «человеческий» вес страны в мире. Эта группа представлена следующими компонентами, имеющими качественный или количественный характер: наличие Нобелевских премий (не менее 10); доля населения страны от общей численности населения мира (в %).

---

⁸⁴ См. Ежегодники СИПРИ. — Режим доступа: <http://yearbook2006.sipri.org/char8> или Ежегодник СИПРИ 2004: вооружения, разоружение и безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: Наука, 2005. — С. 302–342.

⁸⁵ Там же, С. 430.

⁸⁶ Там же, С. 300.

Еще раз подчеркнем, что в определенных ситуациях наличный совокупный потенциал международного влияния может лишь частично конвертироваться в реальное международное влияние. Недостаток ресурсов международного влияния может отчасти компенсироваться внешнеполитической стратегией и умелой дипломатией, увеличивающими авторитет страны в мире. И наоборот, превосходящий потенциал наличных ресурсов в силу тех или иных причин может быть реализован не до конца. Тем не менее, потенциал международного влияния в большинстве случаев – это то, без чего государства не в состоянии достигать поставленных целей на международной сцене.

В соответствии с методологией проекта, переменные индекса потенциала международного влияния были подвергнуты дискриминантному анализу с целью определения их реального «веса». Результаты анализа следующие (см. Табл. 6).

Таблица 6. «Веса» переменных в индексе потенциала международного влияния

Переменная	«Вес»
Военные расходы (в долларах США)	0,85
Доля голосов страны при принятии коллективных решений МВФ (%)	0,83
Доля в мировом экспорте товаров и услуг (в %)	0,80
Доля в мировом ВВП (%)	0,77
Факторы усиления международного влияния:	0,66
<ul style="list-style-type: none"> - наличие статуса постоянного члена СБ ООН; - членство страны в Парижском клубе стран-кредиторов; - наличие ядерного оружия; - наличие истребительной авиации 4-го и/или 5-го поколений (50 и более единиц); - наличие Нобелевских премий (не менее 10); - постоянное размещение за рубежом значительных контингентов (более 500 военнослужащих) за исключением миротворческих миссий под эгидой ООН, операций коалиционных сил в Ираке и Афганистане (для «вспомогательных» стран коалиции). 	
Доля взносов страны в регулярный бюджет ООН (%)	0,61
Численность регулярной армии	0,55
Доля населения страны от общей численности населения мира (%)	0,48

Индекс качества жизни. Качество жизни в самом широком смысле представляет собой *интегрированную характеристику потребления гражданами материальных и духовных благ, а также удовлетворения их базовых потребностей*, начиная с приемлемого дохода, качественного питания, доступного здравоохранения и образования и заканчивая потребностями в духовном развитии и самореализации.

Качество жизни, как правило, оценивается на основе совокупности тех или иных социальных, экономических, демографических показателей и выступает критерием того, в какой степени наличные социально-экономические ресурсы распределены в обществе. Поскольку распределение всегда ограниченных ресурсов среди населения является одной из ключевых социальных функций современного государства, качество жизни становится необходимым индикатором эффективности его административной системы, а отчасти и демократичности существующего политического режима. Демократичность в данном случае предполагает способность государства в максимальной степени обеспечить потребности всех социальных групп, а не отдельных слоев общества. Равномерность распределения ресурсов между членами общества является одной из характеристик демократичности политической системы и политического режима⁸⁷. Качество жизни в этом контексте тесно взаимосвязано со стратификацией, неравенством, социальной мобильностью и др.

---

⁸⁷ Подобная концепция демократии характерна для эволюционистской теории демократии. Последняя понимается как особый подход (или механизм) к распределению ограниченных ресурсов в обществе. Если ресурсы сконцентрированы в руках одной группы, то эта группа будет политически наиболее влиятельной. Если же ресурсы широко распределены между несколькими группами, то и власть распределяется между несколькими группами. Отсюда следует и особая интерпретация дихотомии автократия versus демократия: автократия – это ситуация концентрации ресурсов у одной группы, демократия – ситуация распределения (диффузии) ресурсов между разными группами. Тату Ванханен, один из влиятельных представителей данного направления, рассматривал распределение ресурсов в различных обществах, в том числе и с точки зрения качества жизни. Им, например, использовался индекс человеческого развития ООН, а также другие показатели, отражающие качество жизни. См. Vanhanen T. Human development related to human diversity // Dynamism and uncertainty in Asia. – Kyoto: The Science Council of Japan, 2005. Также см.: Vanhanen T. Prospects of democracy: A study of 172 countries. – L.: Routledge, 1997.

Качество жизни выступает важным аргументом в поддержку того или иного политического курса. Достаточно вспомнить, что политические трансформации в Центральной и Восточной Европе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. были вызваны, в том числе, недовольством населения качеством жизни. В СССР перестройка и демократизация в немалой степени также были направлены на его повышение через оптимизацию системы управления государством. Для большинства стран мира эта проблема занимает центральное место в политической повестке дня и относится не только к развивающимся, но и к развитым странам. Так, США сталкиваются с проблемой качества жизни меньшинств, в Западной Европе активно обсуждается проблема сохранения достигнутого уровня качества жизни в контексте миграционных процессов, в Японии – в контексте изменения возрастной структуры населения и т.п. Иными словами, проблемы, связанные с качеством жизни, выступают серьезным политическим аргументом в пользу того или иного направления в перераспределении национального богатства.

Каждая страна ведет учет качества жизни. Однако наиболее авторитетными являются измерения, осуществляемые международными организациями, они опираются на национальную статистику, основываются на едином понятийном и методологическом аппарате, что делает их наиболее подходящими для сравнительных исследований.

Существуют два основных подхода к оценке качества жизни. Первый подход концентрируется на индивиде, его восприятии своей жизни и своего положения. Например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет качество жизни как восприятие индивидом своего положения в культурном и ценностном контекстах его жизни и в связи с целями, потребностями и интересами этого индивида. Данный подход предполагает использование специфических методов. Для того чтобы понять особенности восприятия гражданами своего положения в той или иной стране, необходимо провести детальное изучение общественного мнения. Значит, требуются, как минимум, массовые опросы в рамках репрезентативных выборок, а для более детальной оценки – применение качественных методов. Или же тщательное изучение медицинских и социально-психологических особенностей жизни граждан. Сама ВОЗ рекомендует изучать следующие особенности и характеристики жизни граждан: физические особенности

(сила, энергия, усталость, боль, сон, отдых); психологические особенности (эмоции, самооценка, внешний вид); уровень независимости (зависимость от лекарств и лечения, работоспособность, повседневная активность); жизнь в обществе (личные взаимоотношения, ценность личности); окружающая среда (благополучие, безопасность, доступность медицинского и социального обеспечения, экология — загрязнители, шум, населенность, климат); духовность (религия, личные убеждения)⁸⁸.

Такой подход может дать глубокую и всестороннюю информацию. Однако он пригоден для изучения ситуации в узком контексте, как правило, в рамках в той или иной страны⁸⁹. Его использование в глобальном масштабе крайне затруднительно как в силу значительных затрат, так и в силу неприменимости некоторых методик для большого числа стран.

Учитывая эти ограничения, ВОЗ при проведении глобальных исследований концентрируется не на мнении индивида, а на выявлении факторов, которые способствуют или, наоборот, препятствуют улучшению качества жизни. В этом состоит суть второго подхода. Предполагается, что существует целый ряд имеющих непосредственное статистическое измерение параметров, влияющих на качество жизни и, следовательно, отражающих его состояние. Удовлетворенность жизнью и своим положением выявляется не непосредственно, а опосредованно, через анализ этих параметров. Их набор чрезвычайно широк и может варьироваться от нескольких десятков до нескольких сотен, которые, в свою очередь, могут делиться на более подробные показатели. Наряду с ВОЗ их регулярная фиксация осуществляется ООН и Всемирным Банком. Все эти организации используют большое количество переменных, однако каждая делает собственные акценты на медицинских, технологических, финансовых или иных показателях.

Для оценки качества жизни нами был принят второй подход. Однако наша цель состояла не в дублировании сбора

---

⁸⁸ Подробнее см.: Качество жизни // Русское медицинское обозрение. — Режим доступа: <http://ruscience.newmail.ru/medicine/mbooks/qol.htm>

⁸⁹ Он, например, активно используется в США. В исследовании качества жизни применяются опросы и данные медицинской статистики (<http://www.sf-36.org>, а также <http://www.cdc.gov/hrqol/index.htm>). Кстати, именно в США в 1950-е гг. появилась социология здоровья, или медицинская социология. Указанный подход реализуется преимущественно в ее рамках.

данных, осуществляемого международными организациями, а в их использовании для построения композитного индекса качества жизни.

Как уже было сказано, каждая международная организация ведет статистику по широкому набору переменных, которые весьма затруднительно агрегировать в единый индекс. Мы исходили из того, что для оценки качества жизни целесообразно сконцентрироваться не на всех возможных параметрах, но на тех из них, которые доступны для всех или большинства стран мира, отражают различные стороны качества жизни населения и представляются базовыми для исследования этого феномена.

Подобный подход активно используется самими международными организациями, которые осуществляют редукцию своих данных. Один из наиболее известных примеров такой редукции — индекс человеческого развития ПРООН.

При составлении индекса качества жизни мы использовали параметры, характеризующие уровни экономического благосостояния, развитость системы образования, эффективность здравоохранения и социальной политики и др.: ВВП на душу населения (в долларах США по паритету покупательной способности); включенность населения в систему начального, среднего и высшего образования; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; детская смертность до 1 года; смертность от передающихся болезней (на 100 тыс. человек населения страны); смертность от увечий (несчастных случаев, убийств, самоубийств и др.; на 100 тыс. человек населения страны); расходы на здравоохранение на душу населения (в долларах США по паритету покупательной способности).

Наш индекс отличает акцент на аспектах здравоохранения. Особое место в нем занимают показатели смертности, которые, на наш взгляд, свидетельствуют не только об уровне развития здравоохранения и социального обеспечения, но также отражают отношение в обществе к человеческой жизни как таковой.

Из числа перечисленных параметров три переменные используются в индексе человеческого развития ПРООН (ВВП на душу населения, включенность в образование и продолжительность жизни). Однако это не значит, что мы используем данный индекс в наших расчетах — в анализ включены только данные по этим переменным. Сам же индекс рассчитывается

принципиально иным образом. Кроме того, помимо трех указанных переменных в него включены параметры смертности и правительственных расходов на здравоохранение. Он мог бы быть расширен и другими переменными, однако выбранные показатели покрывают практически все страны мира в отличие от целого ряда других показателей.

Несмотря на указанные трудности, полученный индекс качества жизни представляется оптимальным для масштабных универсальных сравнений, осуществляемых в проекте.

В соответствии с методологией проекта, переменные индекса качества жизни были подвергнуты дискриминантному анализу с целью определения их реального «веса». Результаты анализа следующие (см. Табл. 7).

Таблица 7. «Веса» переменных в индексе качества жизни

Переменная	«Вес»
ВВП на душу населения (в долларах США по ППС)	0,79
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	0,57
Расходы на здравоохранение на душу населения (в долларах США по ППС)	0,38
Включенность населения в систему начального, среднего и высшего образования	0,36
Детская смертность до 1 года	-0,38
Смертность от передающихся болезней (на 100 тыс. человек населения страны)	-0,35
Смертность от увечий (несчастных случаев, убийств, самоубийств и др.; на 100 тыс. человек населения страны)	-0,15

10. Корреляции между индексами в проекте «Политический атлас современности»

Анализ выявляет *значительные корреляции*⁹⁰ между рядом индексов проекта «Политический атлас современности». Так, например, индекс государственности отрицательно коррелирован с индексом внешних и внутренних угроз и положительно

⁹⁰ Нами используется коэффициент Спирмэна.

— с индексами качества жизни и потенциала международного влияния. Индекс институциональных основ демократии положительно коррелирован с индексом качества жизни. Индекс внешних и внутренних угроз отрицательно коррелирован с индексом институциональных основ демократии и индексом качества жизни.

Учитывая тот факт, что компоненты индексов отражают различные аспекты жизни государств — политические, экономические, социальные и др., — наличие корреляций между пятью индексами указывает на взаимосвязь этих аспектов, подтвержденную эмпирически на материале 192 стран мира. Изучение таких взаимосвязей может стать самостоятельным и весьма перспективным направлением исследований (см. Табл. 8).

Таблица 8. Корреляции между индексами

	Индекс государственности	Индекс внешних и внутренних угроз	Индекс институциональных основ демократии	Индекс качества жизни	Индекс потенциала международного влияния
Индекс государственности	1,000	-0,627	0,465	0,761	0,581
Индекс внешних и внутренних угроз	-0,627	1,000	-0,534	-0,813	-0,166
Индекс институциональных основ демократии	0,465	-0,534	1,000	0,570	0,156
Индекс качества жизни	0,761	-0,813	0,570	1,000	0,321
Индекс потенциала международного влияния	0,581	-0,166	0,156	0,321	1,000

11. Метод главных компонент

Полученная в рамках проекта система пяти комплексных рейтингов всех стран мира дает ценный и сбалансированный материал, поддающийся нетривиальной интерпретации. Мы видим, в частности, что комплексные рейтинги позволяют сформулировать более многомерное и адекватное представление о реальном — *противоречивом и неоднозначном, сочетающем сильные и слабые стороны* — месте России в мире в сравнении с другими странами и преодолеть некоторые упрощенные оценки и стереотипы.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, *рейтинги сами по себе для нас не самоцель, а один из инструментов классификационного анализа*. В конечном счете научная задача заключается не просто в рейтинговании стран по некоторым заданным индексам, но в выявлении *внутренней структуры взаимосвязей* между различными странами и группами стран с целью их последующей многомерной классификации. Осуществление такой классификации предполагает редукцию, сокращение числа переменных, что достигается с помощью *метода главных компонент*. Этот метод позволяет установить такие комбинации показателей, выражающих сущностные стороны (компоненты) изучаемых объектов, по которым они (объекты) в наибольшей степени сходны или отличны друг от друга.

Еще раз повторим, что метод главных компонент может применяться ко всему набору показателей, характеризующих максимально возможный (в рамках поставленной исследовательской задачи) объем параметров, отражающих особенности политического существования и развития стран мира. Однако в силу чрезвычайной разнородности таких показателей, отражающих множественность и «разномерность» экономических, социальных, демографических, политических и иных особенностей конкретных стран, он использовался нами по отношению к уже выявленным комплексам индексов. Подобный двухуровневый подход (первый уровень редукции — индексы, второй — главные компоненты) позволяет решить двоякую задачу: избавиться от части «статистического шума», что крайне важно для эффективного применения математических методов, и упростить политологическую трактовку полученных результатов. Междисциплинарный синтез математики и политологии

требует методологии, которая бы учитывала специфические особенности каждой из составляющих.

В результате проведенного анализа пять используемых нами индексов оказались «свернутыми» в четыре главные компоненты, каждая из которых представляет, если угодно, *специфическую проекцию мировой политической реальности* (см. Табл. 9). Эти главные компоненты устанавливают (в порядке убывания) наибольший процент сходств и различий между странами в рамках определенных сочетаний индексов. Первая компонента объясняет 55,4 % дисперсии значений индексов, вторая – 26,4 %, третья – 11,2 %, четвертая – 7 %. Столь высокий объяснительный потенциал первой компоненты *косвенно подтверждает правильность выбора сгруппированных в индексы показателей*. Сочетание первой и второй компонент дает объяснение почти 82 % сходств и различий между странами, добавление третьей повышает эту долю до 93 %, а четвертой – до 100 %.

Таблица 9. Процент дисперсии (отличий индексов стран), объясняемой главными компонентами

Компонента	Процент объяснения	Кумулятивный процент
1	55,4	55,4
2	26,4	81,8
3	11,2	93,0
4	7,0	100

Первая компонента хорошо описывает более чем половину всех отличий стран (55,4 % дисперсии значений индексов, описывающих все страны). Нужно, однако, учитывать, что это страны далеко не «первого эшелона». Эта компонента создает проекцию мира, в которой *внешние и внутренние угрозы* противопоставлены *качеству жизни* (а также государственности и институциональным основам демократии), причем фактор международного влияния здесь близок к нулю. Это своего рода *проекция национального выживания и его качества*. Для большого числа стран с «тяжелой судьбой» главное – как обеспечить собственное существование, как справиться с тяжелым бременем внешних и внутренних угроз. Напротив, есть «удачливые» страны, для которых высокое качество безопасного

существования — их главный приоритет, причем ради этого они готовы поступиться очень многим, прежде всего — амбициями международного влияния.

Учитывая высокий объяснительный потенциал первой главной компоненты, можно сделать предварительный вывод о том, что (вполне в духе Realpolitik) место большинства стран в мире и структура их взаимосвязей напрямую зависят от степени угроз и вызовов, на которые они так или иначе вынуждены отвечать. При этом успешность таких ответов на наличные и потенциальные внешние и внутренние угрозы в значительной мере определяет как уровень достигаемого этими странами качества жизни, так и уровни их государственной состоятельности и институциональных основ демократии. Высокий уровень угроз (один «полюс» первой компоненты) может объяснять низкое качество жизни, но в принципе возможно, что и низкое качество жизни (другой «полюс» первой компоненты) в свою очередь является угрозой для демократии и/или государственности. *Противодействие внешним и внутренним угрозам (там, где и в какой степени они есть) является приоритетом любой национальной политики, от успешности реализации которого зависит слишком многое — и качество жизни, и государственность, и уровень демократии.* Вот огрубленный смысл первой главной компоненты.

Вторая компонента, с помощью которой поддается описанию более четверти всех отличий современных стран (26,4 % дисперсии значений индексов), дает другую проекцию нашего мира — это мир, в котором противопоставлены государственность и демократия. Фактор «внешних и внутренних угроз» сведен здесь к нулю, значения «качества жизни» и «потенциала международного влияния» минимальны. Это проекция государственного базиса демократии. Она имеет отношение к тем странам, для которых при прочих равных условиях наибольшее значение имеет выбор между приоритетами строительства и поддержания независимой и успешной (состоятельной) суверенной государственности, с одной стороны, и развития своего демократического потенциала — с другой.

Повторим: речь идет не о противоречии между этими приоритетами, а об их соотношении, распределении в совокупной траектории национального развития. Есть страны, для которых состоятельность (успешность) собственной государственности (ее, условно говоря, «уровня», но никак не «качества»); высокая

степень государственности может быть присуща, например, как демократиям, так и диктатурам, что в свое время блестяще показали Збигнев Бжезинский и Сэмюэл Хантингтон в сравнительном исследовании политических систем США и СССР⁹¹) является определяющим национальным критерием, тогда как для других стран именно демократический вектор сам по себе наиболее приоритетен — независимо от того, насколько данное государство, осуществляющее свой «демократический выбор», действительно самостоятельно (а не управляемо извне) в определении своей внутренней и внешней политики. В этой проекции, прежде всего, выявляются зависимые страны-«карлики», жертвующие своей государственностью, самостоятельностью, суверенитетом ради приверженности демократическим процедурам, и диктатуры, для которых демократия — пустой звук, а сильная государственная власть — главный приоритет.

Третья компонента объясняет отличия лишь одной из десяти стран (11,2 % дисперсии значений индексов). Это отличия стран, которые решают, что для них важнее: крепкая государственность, независимость, суверенитет или качество жизни собственного населения. Данная компонента важна для понимания тех стран, которые в своей национальной стратегии осуществляют следующий выбор: либо самостоятельная государственность во что бы то ни стало, даже в ущерб качеству жизни собственного населения, либо, напротив, качество жизни во главе угла, независимо от степени самостоятельной и суверенной государственности. При этом факторы угроз, демократии и потенциала влияния являются в этой рамке минимальными. В данной компоненте отражена другая (применимая к небольшому числу стран) проекция мира — *проекция «человеческой цены» государственности*. Немногие страны внятно отвечают на такую дилемму, но проблема как таковая существует.

Наконец, *четвертая компонента* имеет отношение к совсем ограниченному числу стран (по всем странам в целом она описывает 7 % дисперсии, но для описания некоторых — чрезвычайно важных для понимания современного мира — стран она очень важна). Это страны, составляющие своего рода «ядро» современной мировой системы. Это *проекция мак-*

⁹¹ Brzezinski Z. and Huntington S. Political Power: USA/USSR. — N.Y.: Viking Press, 1963.

симизации международного влияния в современном мире. Существует очень мало стран, действительно способных оказывать реальное воздействие на судьбы мира. Этот уникальный ресурс объединяет их в особый привилегированный международный «клуб».

Показательно, что эта компонента имеет лишь один ярко выраженный «полюс» — мирового влияния. *«Противополюса» у него нет*, потому что все другие страны, не принадлежащие к этому «клубу», объясняются в совсем других измерениях. Для большинства (свыше 50 %) это просто возможность и перспективы национального выживания, для четверти — дилемма самостоятельной государственности или подчиненной внешним силам демократии, для чуть более 10 % — выбор между укреплением государственности и качеством жизни собственного населения.

«Клуб мирового влияния» внутренне неоднороден. Одни его члены (например, Индия) вынуждены отвечать на достаточно широкий спектр внешних и внутренних угроз. Другим (Великобритания, Франция, Германия) удастся достичь баланса международного влияния и качества жизни, демократии и государственности. Некоторые (Россия, Китай, Индия) тяготеют к полюсу государственности в ущерб качеству жизни. Наконец, внутри этого «клуба» есть свое *«ядро»* (наличие которого, кстати, подтверждается и результатами кластерного анализа). Это США, Россия и Китай. Они и вовсе «другие», то есть необъяснимы в логике других стран мира.

Каждая страна объясняется каждой главной компонентой в разных соотношениях. Например, первая компонента («национальное выживание и его качество») почти исчерпывающе объясняет страны-«неудачницы» (Руанда — 99,1 %, Ирак — 97,5 %, Конго — 94,7 % и т.д.) и благополучные, «успокоившиеся» страны (Австралия — 98,4 %, Бельгия — 96,5 %, Лихтенштейн — 91,0 % и т.д.). Вторая компонента («государственный базис демократии») хорошо объясняет многие авторитарные режимы (Ливия — 94,7 %, Вьетнам — 90,7 %, Куба — 90,1 % и др.) и совсем небольшое число полностью зависимых демократических «клонов» (Тувалу — 90,5 %, Сан-Томе и Принсипи — 80,1 %, Фиджи — 63,0 % и др.), а также Молдову (81,0 %) и Монголию (78,4 %). Третья компонента («человеческая цена государственности») объясняет ряд режимов, которые почти совсем «забыли» о своем собственном населении (Гватемала

– 84,8 %, Колумбия – 81,8 %, Тонга – 69,4 % и др.). Наконец, четвертая компонента («мировое влияние») четко выявляет группу лидеров (США – 78,5 %, Россия – 75,6 %, Индия – 73,5 %, Китай – 41,2 %, Германия – 41,1 %, Япония – 40,5 % и др.) и отделяет их от всех других стран мира.

12. Классификация стран в пространстве главных компонент

Каждая их выделенных компонент определяет важные (прежде всего по степени статистического возрастания/убывания) комплексные характеристики, раскрывающие сходства и различия между современными государствами. Сочетание этих компонент позволяет установить, как и по каким параметрам страны соотносятся между собой. Понятно, однако, что образуемое данными компонентами четырехмерное пространство является аналитически неоперабельной абстракцией. Поэтому в дальнейшем исследовании используются проекции такого пространства в *отдельных двухмерных плоскостях*.

Наглядно представить вклад индексов в каждую компоненту, что необходимо для интерпретации результатов, помогают *графики значимости индексов в осях рассматриваемых компонент*. Эти графики показывают, в какой логике та или иная компонента определяет структуру взаимосвязей между странами. Если значение индекса в пространстве компоненты приближается к нулевому (знак отклонения от нуля не играет роли), его «вес» в данной системе компонентных координат минимален. И, напротив, наиболее «весомы» те индексы (и их сочетания), которые смещены к «полюсам» компонент (см. Рис. 1).

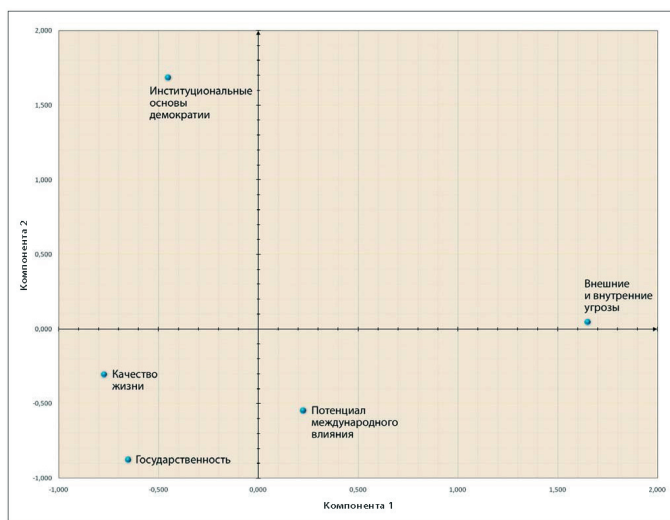
Анализ расположения стран в условном четырехмерном пространстве главных компонент дает важный материал для их классификации. Первая и вторая компоненты наиболее информативны для объяснения сходств и различий стран (в совокупности почти 82 %). При удалении стран с объяснением менее 40 % они дают структуру мира в форме четкого эллипса: по оси первой компоненты справа – «дуга угроз» (Эфиопия, Мозамбик, Таджикистан, Афганистан, Руанда, Чад, Нигерия, Камерун и др.), слева – «полюс качества жизни» (Австрия, Швеция, Бельгия, Нидерланды, Чехия, Люксембург, Сан-Марино и др.), по оси второй компоненты наверху – «демократия без

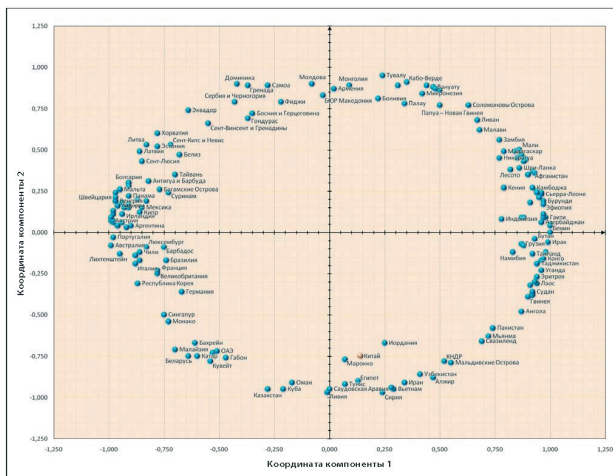
Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах?

государственности» (Тувалу, Доминика, Кабо-Верде, Фиджи, Самоа и др.), внизу — «государственность без демократии» (Саудовская Аравия, Ливия, Тунис, Иран, Туркменистан, Кувейт, Египет и др.). Сколько-нибудь самостоятельных, суверенных и состоятельных демократических государств здесь вообще нет (см. Рис. 2).

Это, в частности, говорит об *относительности самого противопоставления государственности и демократии. Демократические институты и практики не существуют в некоем «внегосударственном» пространстве, демократия реализуется через особые конструкции государственного устройства и их партнерское взаимодействие со структурами гражданского общества.*

Рис 1. Вес индексов в компонентах 1 и 2

Рис. 2. Страны в пространстве компонент 1 и 2 (при удалении стран с объяснением менее 40 %)

Далее, в «дуге угроз» располагаются страны, живущие в постоянном состоянии стресса, для них главное — выживание, и за это они расплачиваются низким качеством жизни, слабой государственностью, отсутствием каких бы то ни было основ демократии. Противоположная группа более компактна — это страны, для которых наиболее приоритетно высокое качество жизни, в основном это страны демократического выбора и умеренной государственности.

Особого внимания заслуживают страны, которые по оси второй компоненты как бы замыкают эллипс снизу и сверху. Это страны, как бы уходящие от «полюса» угроз и движущиеся в сторону более высокого качества жизни, но делающие это по *двум разнонаправленным траекториям национального развития*. В одном случае они стремятся преодолеть состояние угроз, акцентируя основы демократического развития, во втором — государственность.

Напомним, что первая и вторая главные компоненты не объясняют почти 20 % стран, у которых свои особенности и приоритеты. Введение в анализ четвертой компоненты (в частности, ее наложение на первую) дает ценные результаты, поскольку при объяснительном потенциале всего в 7 % в ее рамках раскрываются некоторые особенности стран, принадлежащих к узкому «клубу» мирового влияния (см. Рис. 3).

На Рис. 4 наблюдается, на первый взгляд, менее структурированное расположение стран, хотя по-прежнему выделяются два сгустка по оси первой компоненты: справа — страны, подверженные значительным угрозам, живущие в постоянном стрессе; слева — страны относительно высокого качества жизни. Но наиболее информативна группа стран, локализованных внизу квадрата по оси четвертой компоненты.

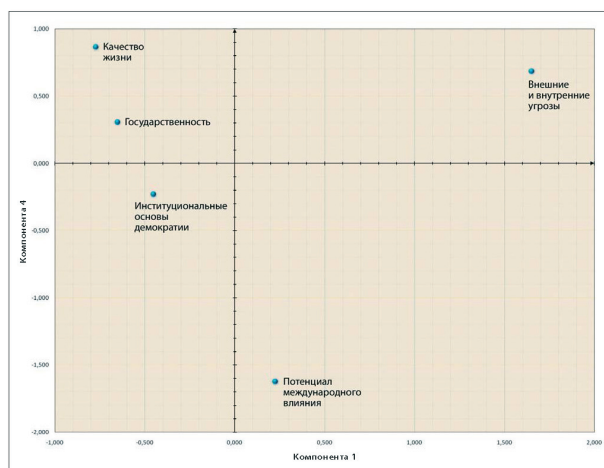
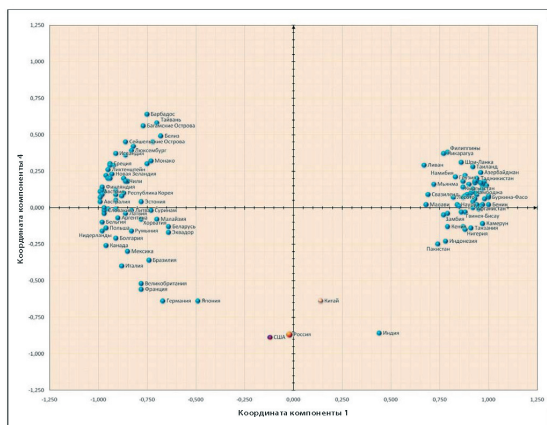

Рис. 3. Веса индексов в компонентах 1 и 4

Рис. 4. Страны в пространстве компонент 1 и 4 (при удалении стран с объяснением менее 40 %)

Это совершенно особая группа стран, для которых потенциал международного влияния перевешивает все иные факторы и которые фактически образуют *пространство мирового влияния* – прежде всего, США, Россия, Китай, Япония, Индия, Германия, Франция, Великобритания. При этом некоторые из них (например, Индия) смещены вправо по оси первой компоненты, то есть вынуждены одновременно отвечать на значительные внешние и внутренние угрозы. Другие (например, Франция, Великобритания, Германия) смещены влево, то есть им удастся добиться баланса международного влияния, с одной стороны, и качества жизни, государственности и демократии – с другой. Показательно, что США и Россия образуют относительно *самостоятельную группу*, что соответствует самому высокому объяснительному потенциалу четвертой компоненты применительно к ним (78,5 % и 75,6 %, соответственно).

При введении в анализ третьей компоненты («человеческая цена государственности») картина, однако, заметно видоизменяется (см. Рис. 5).

Сочетание четвертой и третьей компонент в полной мере сохраняет «сегмент влияния» внизу квадрата. Вместе с тем обнаруживается, что *в одних случаях лидеры влияния тяготеют к «полюсу» государственности в ущерб качеству жизни* (Россия, Индия, Турция), *а в других — добиваются баланса влияния и качества жизни* (Великобритания, Франция, Германия, Япония и др.) (см. Рис. 6).

Еще одна группа стран, не получившая объяснения при сочетании первой и второй компонент (Перу, Гватемала, Сальвадор, Колумбия, Гондурас и др.), лучше интерпретируется при наложении первой и третьей (см. Рис. 7).

По оси первой компоненты четко выделяются те же вытянутые в дуги сгустки стран, тяготеющих либо к «полюсу» угроз, либо к «полюсу» государственности, качества жизни и демократии. Поскольку сочетание первой и третьей компонент объясняет лишь 66 % различий между странами (против 82 % в случае первой и второй компонент), при отсечении казусов, которые объясняются менее чем на 40 %, значительное число стран выпадает из рассмотрения. Однако для некоторых стран именно такое сочетание компонент является наиболее значимым. Страны, вынесенные по оси третьей компоненты к «полюсу» государственности, либо сталкиваются с такими внешними и внутренними угрозами, что вынуждены противодействовать им в ущерб демократии (Колумбия, Перу, Венесуэла, Сальвадор, Гана и др.), либо не испытывают значительных угроз и стремятся найти свой баланс государственности и демократии. Это еще раз подтверждает выявленную выше закономерность в логике «Realpolitik»: *государства, какими бы ни были их политические приоритеты, в своей национальной стратегии вынуждены в первую очередь решать задачи, связанные с обеспечением собственного существования, и искать ответы на встающие перед ними вызовы. Все остальное, по сути, вторично* (см. Рис. 8).

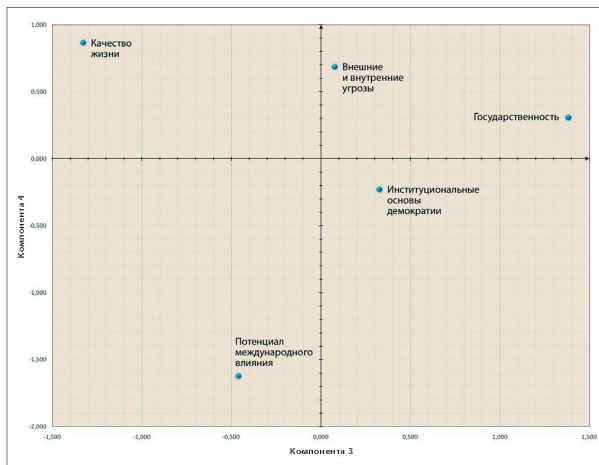

Рис. 5. Вес индексов в компонентах 3 и 4

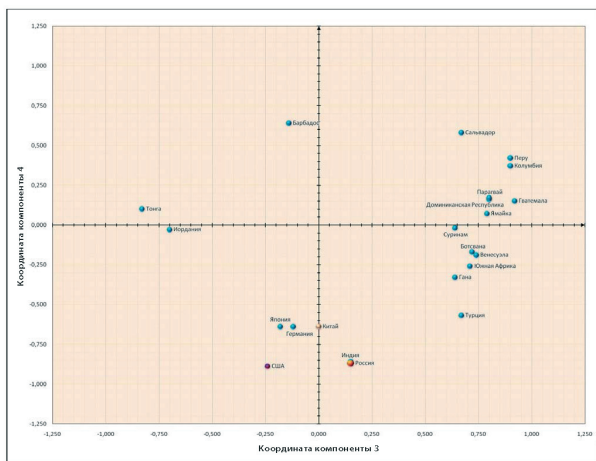

Рис. 6. Страны в пространстве компонент 3 и 4 (при удалении стран с объяснением менее 40 %)

Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах?

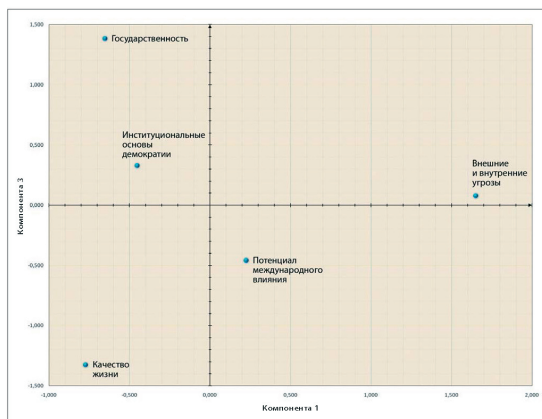

Рис. 7. Вес индексов в компонентах 1 и 3

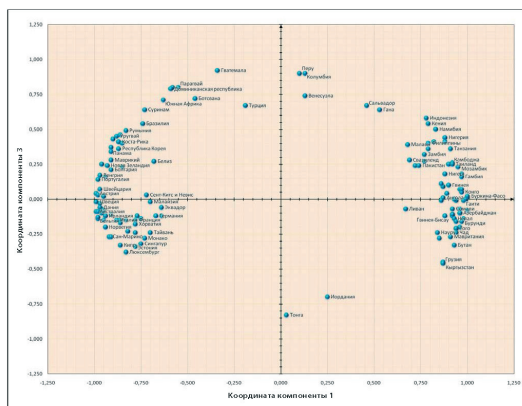

Рис. 8. Страны в пространстве компонент 1 и 3 (при удалении стран с объяснением менее 40 %)

Заключение

Наш проект, как мы уже отмечали, имеет целью выработку многомерных классификаций государств современного мира. В настоящее время в его рамках основные усилия направлены на создание временных рядов данных для изучения динамики мировой системы государств как по отдельным индексам, так и по их комплексу.

Индекс институциональных основ демократии также предназначен для достижения основной цели проекта. Он был разработан не в пику индексам демократии других исследователей, не для опровержения или подтверждения политически окрашенных «замеров демократии». Мы стремились принять во внимание «плюсы» и «минусы» предшествующих проектов и исследований и, по возможности, предложить иной (на наш взгляд — претендующий на большую строгость и многомерность) подход к измерению и сравнению уровней демократического развития различных стран современного мира. Мы открыты для сотрудничества с российскими и зарубежными коллегами и уверены, что только совместными усилиями и с использованием различных методологических подходов можно пытаться найти ответ на вопрос, вынесенный в заголовок этого материала.

Издается при поддержке Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России
119218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26.

Заказ №534. Тираж 500 экз. Подписано в печать 28.11.2008.

В книге представлены методологические результаты исследовательского проекта, выполненного в МГИМО-Университет МИД России совместно с Институтом общественного проектирования.

Книга содержит обзор исторических форм демократии, доминирующих теоретических моделей демократии и ее современных пониманий, а также исследовательских проектов, имеющих целью измерение уровня развития демократии в странах мира.

Авторы, отталкиваясь от восприятия демократии как сущностно оспариваемого понятия, ввели в свою аналитическую модель, сочетающую количественные и качественные методы, широкий круг факторов, которые оказывают влияние на функционирование политических институтов демократии. Результаты исследования представлены в виде рейтингов стран по пяти индексам (институциональных основ демократии, государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния и качества жизни), а также в виде многомерной классификации стран.